КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. П. Ѳ. Р. (341—372).

II. Украинскіе юмористы и шутники. (Этнографическій очеркъ). И. С. Левицкаго. (373—389).

III. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи. П. Ив. В. Теличенка. (390—419).

IV. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. V—VIII О. И. Роговой. (420—455).

V. Побожье въ XVII и XVIII в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ. (Переводъ съ польскаго). I—III. Н. М (456—476).

VI Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. Сообщилъ О. И. Левицкій (477—485)

VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Памяти Ивана Петровича Новицкаго. П. Камынина. Три письма гр. П. В. Завадовскаго. 1775 и 1776 г. Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. А. Л. Къ исторіи кіевскаго паломничества. А. Л. Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. Урны съ жженными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. О К. (486—505).

VIII. Суботовская церковь. П. Б. (506—508).

IX. Библіографія. Tadeusz Jerzy Stecki. Z boru i stepu. Obrazy i pamiątki. П. М. Сборникъ харьковскаго Историко-филологическаго общества т 2-й П. Камынина. П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ картами въ текстѣ. П. Г. Мотыжинскій архивъ. Акты переяславского полка XVII — XVIII в. А. М. Обозрѣніе журналовъ. (505—524).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Свадебныя пѣсни въ лубен. у., полт. г. (Окончаніе).
2) Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда (херсонск. губ.). Собралъ свящ. Гавр. Сорокинъ.
3) Суботовская церковь.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. И. Науменко. Обзоръ фонетич. особеностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалъ для исторіи мѣстнаго дворянства. Изд. А. Лазаревскаго. Черниговъ. 1890 г. 8° 186 стр. Цѣна 50 коп. съ перес.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Богданова церковь в Субботове.

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія.[1]

II.

Семейныя отношенія.

Въ настоящемъ письмѣ я хочу подѣлиться моими наблюденіями надъ семейными отношеніями нашихъ селянъ. Я уже говорилъ въ предъидущемъ письмѣ о томъ, какое ограниченное значеніе я придаю своему привносу въ матеріалъ даннаго изученія; тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь приступить къ настоящему письму, не припомнивъ сказаннаго въ этомъ отношеніи въ предъидущемъ. Независимо отъ общихъ соображеній, тамъ высказанныхъ, въ данномъ случаѣ есть спеціальныя причины, побуждающія къ осторожности въ выводахъ и къ отведенію имъ подобающаго скромнаго мѣста. Дѣло въ томъ, что между распространенными въ народномъ же быту теоретическими формулами, касающимися семейныхъ отношеній и обыденнымъ взглядомъ на живыя, конкретныя детали тѣхъ-же отношеній—существуетъ, мнѣ кажется, значительная разница. Рядомъ съ этимъ идутъ постепенныя, болѣе или менѣе значительныя, видоизмѣненія во взглядахъ на разныя детали, связанныя съ семейнымъ бытомъ, при чемъ детальные эти взгляды не только не сведены въ какую нибудь болѣе общую формулу, но и сами по себѣ не формулированы. Неоднократно вы замѣтите, что высказывающій тотъ или иной взглядъ относится къ нему въ нѣкоторой мѣрѣ, какъ къ контрабандѣ мысли. Это и понятно. Санкціонированная

[1]) „Кіевск. Стар.“, 1888 г., № XI.

религіей и гражданскимъ закономъ формула семейныхъ отношеній не выработана мѣстной народной жизнью, она внесена въ нее готовою и внесена съ такою торжественною санкціею, что общія ходячія теоретическія формулы народныя должны были съ теченіемъ времени воспріять основныя положенія этой формулы, но рядомъ съ этимъ самымъ фактомъ теоретическаго признанія этой формулы не могли окончательно атрофироваться инстинкты арійской расы съ одной стороны, съ другой—общія модификаціи пріемовъ мышленія не могли не коснуться тѣхъ или иныхъ деталей народнаго воззрѣнія на семейныя отношенія.

При такомъ общемъ положеніи дѣла трудность уравновѣшеннаго объективнаго изученія предмета значительно увеличивается; наблюдателю, желающему дать себѣ отчетъ среди разнообразія явленій данной сферы—приходится поочередно пользоваться то ходячей формулой, то стоящими внѣ ея жизненными явленіями, провѣряя одно другимъ и стараясь отыскать болѣе или менѣе удовлетворительный синтезъ въ области мышленія народной массы, съ которымъ насъ въ такой значительной мѣрѣ разобщили пріемы мышленія, вынесенные изъ нашего воспитанія. Я говорю здѣсь объ этомъ не только для того, чтобы еще разъ подчеркнуть какъ далекъ я отъ надежды исчерпать данный предметъ моими бѣглыми замѣтками, но и для того, чтобы указать методъ, котораго, мнѣ кажется, нужно придерживаться въ попыткахъ къ изученію его.

Первичный стимулъ семейныхъ отношеній—любовь между единицами разнаго пола—принимаетъ различныя формы въ зависимости и отъ общаго развитія единицъ, и отъ тѣхъ условій, въ которыхъ воспитывается данная спеціальная наклонность. Мнѣ хочется сначала очертить въ нѣсколькихъ словахъ условія ея развитія въ средѣ нашего сельскаго люда. Въ этомъ отношеніи наши „игрища межъ селъ“ составляютъ довольно цѣльную школу любви. Лишь только начнется „весна красна, изъ стрихъ вода капле“—наша сельская молодежь и подростки высыпаютъ по вечерамъ *на улыцю*, т. е. собираются въ какомъ нибудь мѣстѣ на выгонѣ или на улицѣ для игръ и пѣсенъ. Въ обширныхъ селахъ собирается нѣсколько *улыць*. Собранія эти, оче-

видно, ведутъ свое начало изъ очень отдаленной старины, и нельзя не замѣтить той связи, какую онѣ имѣютъ со старинным чествованіемъ временъ года. Обрядовое пріурочиваніе извѣстныхъ пѣсенъ на улицѣ къ веснѣ (веснянки), извѣстныхъ игръ и пѣсенъ къ празднику Пасхи, не говоря уже о спеціальныхъ обрядахъ и пѣсняхъ на „Ивана Купала“ (24 іюня) и т. п., слишкомъ ясно указываютъ на это. Прибавлю со всей осторожностью, подобающей профану, что и общій, крайне несложный, характеръ мелодіи *веснянокъ* связываетъ въ одинъ общій музыкальный циклъ веснянки, пѣсни „велыкодни, купальни, весильни“ и языческія колядки. Однимъ словомъ *улыця* со всѣми ея осенними и зимними варіаціями подъ разными наименованіями, все то, что называютъ общимъ именемъ *вечорныци*—представляется намъ съ одной стороны какъ продуктъ народной жизни того отдаленнаго времени, когда она развивалась, не сталкиваясь съ формулами болѣе сильной чужой культуры, съ другой—какъ хранительница традицій по вопросу половыхъ отношеній, выработанныхъ и перерабатывающихся на основаніи наклонностей расы и измѣняющихся условій жизни даннаго племени. Оттуда непреоборимая притягательная сила *улыци*.

Ой на вашій, на улыци,
Ой на вашій кручи
Выгравалы чорты куци
Изъ улыци йдучы.
А на нашій на улыци,
Ой на нашій ривній
Выгравалы козаченьки
Воронымы киньмы.
Ой на нашу улыцю, на нашу!
(Изъ веснянки) [1]).

Но не только *козаченьки* украшаютъ улицу; въ другой веснянкѣ вотъ что говорится о *дивчынѣ:*

Ой ты зиронька, та вечирняя
Чомъ ты рано не зиходыла,
Чомъ ты рано не зиходыла,

[1]) Для краткости я буду отмѣчать мѣсто записыванія только пѣсенъ и т. п. внѣ Романовки сквирскаго уѣзда. Остальное относится къ этому селу и ближайшимъ его окрестностямъ.

Чомъ ты мисяця не догоняла?
Ой тимъ же я опизнылася,
Край Дунаю становылася,
Край Дунаю становылася,
На дивчыну заглядилася,
Тамъ дивчына умывалася,
Лычкомъ своимъ выхвалялася и т. д.

Но если *зиронька* заглядѣлася на нашу *дивчину*—какъ не заглядѣться на нее *козакови*, какъ не отозваться на зовъ: „ой на нашу улыцю, на нашу"!

И стекается на нее вся молодежь; она соблазнъ и украшеніе *парубоцькои* и *дивоцькои воли*.

Кому воля, а кому неволя,
А дивчатамъ уся воленька:
Якъ настане та недиленька
За стричечку, та за виночокъ,
На улыцю, тай у таночокъ.
Кому воля, а кому неволя,
А парубкамъ уся воленька:
За шапочку, та за дудочку,
На улыцю, та за дивочку.
(Изъ великодной пѣсни).

И до́рога нескончаемо эта молодая воля; женщины особенно чувствуютъ ея утрату. Есть множество пѣсенъ, сопоставляющихъ веселую *волю* дивчыны съ тяжелыми хлопотами замужней женщины.

. . . . . молодыцямъ вся неволенька,
Якъ настане та недиленька:
Ой у печи та борщъ бижыть,
А въ колысци дытя крычыть,
А у синяхъ порося пыщыть,
А въ запичку та свекруха ворчыть,
А у хати чоловикъ лайе.
(Изъ той-же пѣсни).

И *молодыця* часто, особенно въ первое время замужней жизни, сѣтуетъ о томъ, что „вже жъ мени не ходыты на ти вечорныци". Въ одной изъ веснянокъ молодыця говоритъ:

Мисяць надъ горою,
Дивки на улыци...
Гей, доле, доле,
Дивки на улыци!...

А я молодая
Коло печи стояла,
Коло печи стояла,
Свекруху благала:
Свекрухо-матинко
Пусты на улыцю!...
Гей, доле, доле...
Пусты на улыцю.
— Хочъ я тебе пущу,
Свекорко не пустыть.

И обращается молодыця и къ „свекорку-батеньку“, и къ „диверку-братику“, и къ „зовыци—сестрыци“, и къ своему „мыленькому“ (мужу)—и все напрасно ....гей, доле, доле... улыця мынулась“.

Я до сихъ поръ живо помню (а много уже лѣтъ прошло съ того времени) разговоръ на эту тему съ одной моей знакомой въ с. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда). Я зашелъ въ хату къ ея родителямъ; Сыклита, недавно вышедшая замужъ, зашла тоже навѣстить ихъ. Она сидѣла у окна и пристально смотрѣла въ него; вечерѣло, и дивчата начинали собираться на улицу. Сыклита, говоря вообще, вышла замужъ довольно удачно, и потому я удивился, видя, какъ ея глаза заволакиваются слезами. Я сталъ спрашивать ее о причинѣ ея грусти; она печалилась объ утратѣ *дивоцькои воли*, она не могла смотрѣть равнодушно, говорила она, на дивчатъ, собирающихся на улицу. Она замолкла, продолжая смотрѣть въ маленькое *виконце* батьковой хаты и потомъ въ полголоса, про себя, какъ бы продолжая свои мысли въ пѣсенной формѣ, запѣла:

Ой пійду я лисомъ—боромъ,
Та стану я пидъ яворомъ,
Ой стану я, послухаю:
А що за мене говорять.
И свекорко мене лайе,
И свекруха проклынайе,
И свекруха проклынайе,
Мале дытя пропадайе.

Временный перерывъ въ общемъ обычномъ запретѣ участвовать замужнимъ женщинамъ въ играхъ молодежи—составляютъ *велыкодни* игры. Въ моемъ селѣ онѣ продолжаются только одинъ день, первый день Пасхи, въ другихъ недалекихъ 3 дня;

въ играхъ участвуютъ преимущественно дивчата и въ меньшей количественной долѣ молодыя молодицы, но я помню, около тридцати лѣтъ тому назадъ я проводилъ праздникъ Пасхи въ полѣсскомъ селѣ Майданѣ Лабужскомъ (волынской губ. новоградъ-волынскаго уѣзда). Тамъ эти игры продолжались нѣсколько дней, чуть-ли не цѣлый *великодный тыждень* и въ нихъ принимали участіе не только женщины, но и мужчины. Къ сожалѣнію, я не помню содержанія этихъ игръ; въ моей памяти осталась лишь картина оживленнаго праздничнаго сходбища народнаго, общій характеръ котораго всего лучше опредѣляется словами народной пѣсни: „якъ макъ процвитайе“. Игры эти свершаются въ церковной оградѣ; въ моей мѣстности онѣ продолжаются, какъ уже сказано, первый день Пасхи. Въ этотъ день мужская молодежь пользуется правомъ звонить цѣлый день въ церковные колокола, женская собирается для игръ. Ее окружаютъ зрители не только молодые парни, но и старшіе обоего пола. Иная молодица, считающая уже неприличнымъ принимать прямое участіе въ играхъ—такъ таки и *не выдержыть*, видя неумѣніе дивчатъ устроить какую нибудь болѣе сложную игру—напр. *крывый танець* и, отдавъ грудное дитя кому нибудь, возьметъ за руку предводительствующую дивчыну и проведетъ для начала игру, а дружный хоръ *дивчачый* припѣваетъ: „а крывого танця, та не выведу кинця“ и т. д. И пойдетъ стройно извиваться въ изгибахъ *крывого танця* пестрая, нарядная *низка* дивчатъ и молодыць, а старшіе какъ то задумчиво и весело вмѣстѣ смотрятъ, да любуются на „молодейе-золотейе“.

Не предпринимая здѣсь описанія *великодныхъ* игръ вообще, я хочу указать на нѣкоторыя, имѣющія болѣе прямую связь съ нашимъ предметомъ. Въ Романовкѣ была когда то въ ходу, а теперь вышла изъ употребленія, игра въ *короля*. Я ее встрѣчалъ около тридцати лѣтъ тому назадъ въ с. Дударахъ, каневскаго уѣзда. Въ народной средѣ она свершается такъ: образуется кругъ дивчатъ, одна ходитъ посреди круга и дѣйствуетъ сообразно со словами пѣсни:

Король коло города ходыть,
Король всихъ дивокъ выбирайе.

Король! поклонися низенько,
Король! поцилуйсь хорошенько.

Поцѣлованная дивчына замѣняетъ собою избравшую ее и игра продолжается.

Еще выразительнѣе игра въ *нелюба и мылого*. Въ моей мѣстности она такъ происходитъ: образуется кружокъ дивчатъ, одна посединѣ выбираетъ по-очереди *нелюба*, потомъ *мылого* изъ того-же кружка и дѣйствуетъ во время припѣванія рефрена: „ой такъ, такъ“ сообразно съ содержаніемъ пѣсни, при чемъ платокъ исправляетъ должность постели.

Ой якъ, якъ, та нелюба выбираты?
— Ой такъ, такъ, ой такъ, такъ!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго вопроса).

Ой якъ, якъ коло нелюба сидаты?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ розмовляты?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ обниматься?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ цилуваться?
Ой якъ, якъ нелюбому постиль слаты?
Ой якъ, якъ та нелюба выпроважаты?

Вытолканная при взрывѣ веселаго хохота дивчына, исправлявшая должность *нелюба*, становится въ кружокъ; ее замѣняетъ другая—*мылый*. Пѣніе продолжается съ тѣмъ же припѣвомъ.

Ой якъ, якъ мыленького выбираты?
Ой якъ, якъ коло мылого сидаты?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ розмовляты?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ обниматься?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ цилуваться?
Ой якъ, якъ мыленькому постиль слаты?
Ой якъ, якъ мыленького выпроважаты?

Нѣжно проведенная дивчына—*мылый* становится въ кружокъ и этимъ заканчивается игра.

Мы видимъ здѣсь довольно полное наставленіе въ дѣлахъ любви и такой именно, каковою она понимается среди даннаго племени: безъ циническаго поклоненія половымъ инстинктамъ внѣ эстетическаго выбора и сердечнаго влеченія, но и безъ ложнаго маскированія громадной жизненной силы, служащей точкою отправленія даннаго чувства и цѣлаго ряда эстетическихъ явленій.

Улыця продолжается всё лѣто, гл. обр. до жнивъ, болѣе или менѣе оживляясь въ зависимости отъ погоды и полевыхъ работъ. Въ пѣсняхъ веснянка исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самой ранней весны; пѣсни поются разныя; любовныя, составляющія такой громадный процентъ малорусской пѣсенности, конечно, на первомъ планѣ. Выборъ пѣсенъ зависитъ отчасти отъ моды (въ селѣ въ продолженіи извѣстнаго времени—какихъ нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ—входитъ въ моду какая нибудь пѣсня или вновь принесенная, или давняя, долгое время заброшенная и вновь оживающая), отчасти выборъ пѣсенъ зависитъ и отъ личныхъ свойствъ соучастниковъ *улыци*. Свойства эти и наклонности, конечно, не одинаковы. Здѣсь вы встрѣтите и ту дивчыну, которая „якъ не выйде на улыцю, то й улыця тыха“, и горделивые, недоступные типы въ родѣ „йедыныци, вдовынои дочки“, которая среднему парубку „не ривня“,

А якъ выйде на улыцю—
Якъ та короливна.
Ани зъ нею систы,
Ни заговорыты,
Тильки статы,
Шапку зняты,
На добры-день даты.

Иногда собранія сельской молодежи принимаютъ болѣе важный видъ. Собираются въ хатѣ, что, впрочемъ, не особенно важно, но собираются при „найидкахъ и напыткахъ“, точно какіе нибудь „господари“. Въ мои молодые годы въ с. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда) собранія эти назывались *складкою* и не были пріурочены къ какимъ нибудь опредѣленнымъ днямъ; въ Романовкѣ (сквирскій уѣздъ) онѣ устраиваются *на запуски* и *на Андрея*. На собранія эти *хлопци* поставляютъ *горилку*, дивчата—закуску изъ матеріаловъ, добываемыхъ правдою и неправдою изъ запасовъ материнскихъ.

Помню я живо наши маковскія складки, хотя съ того времени „воды чымало утекло“. Ночь. Хозяева улеглись спать. Вездѣ тихо. Мы поочередно собираемся на выгонѣ. „Це ты Йова? це ты Федько?... отъ и Тымишъ... осьде й Микита... э, та вже насъ гуртокъ чымалый. Ну, постукаймо до Гершка“, а пока мы

складываемъ наши гроши на „тую ледащыцю“. Нашъ запасъ сдѣланъ. Среди ночной тишины, раздается парубоцькій хоръ:

Ой не спыться, не лежыться,
Ще й сонъ мене не бере...
Пишовъ бы я до дивчыны,
Та не знаю, де живе... и т. д.

И идемъ мы дружно, презрительно посматривая на хаты, въ которыхъ *стари* спятъ, не догадываясь даже какою радостью пропитанъ воздухъ въ эту ночь... А тамъ, у Мотри уже блестятъ *виконця*—это наши дивчата *заходылысь коло печи*. И какія всѣ онѣ прекрасныя хозяйки, какъ дружно, какъ весело идетъ у нихъ работа!

„Ой ты, дивчыно, ой ты горда, пышна,
Чомъ ты до мене зъ вечора не выйшла?

Да, можетъ быть, она бы и не вышла спеціально для кого нибудь изъ насъ, потому что

„Неподоба зирци до мисяца та исходыты,
Не подоба дивци до козака та выходыты“,

но здѣсь, на *складкѣ* онѣ всѣ въ сборѣ, и мы уже забываемъ, что онѣ бываютъ для насъ „горди и пышни“. И Марья, и Сыклита, и Катря, и Тодоська... но, важнѣе всего, и Гапочка здѣсь; она „якъ не выйде на улыцю—и улыця тыха“. Идутъ разговоры, пѣніе. Для многихъ, конечно, важно стать или сѣсть около той или другой, для иныхъ это не особенно важно, для нихъ всѣ онѣ болѣе или менѣе милы, они съ удовольствіемъ дышатъ атмосферой молодости и стихійной, неопредѣленной любви.

„И зиронька зійшла,
И все поле освитыла,
Дивчынонька выйшла,
Козаченька звеселыла“.

И дѣйствительно, весело, хорошо намъ здѣсь. Убогій *каганець* (въ то время керосинъ еще не былъ въ ходу) освѣщаетъ хату; его неправильное мерцаніе производитъ прекрасные свѣтовые эффекты, особенно когда онъ освѣщаетъ лицо нашей Гапочки. Добрая треть насъ влюблена въ нее. Идутъ пѣсни—и сколько нѣмыхъ, недоговоренныхъ признаній влагается въ нихъ.

„Ты чорнява, ты билява,
Говоры зо мною,
Якъ не будешъ говорыты—
Умру, сердце, за тобою".

Въ дивчачемъ хорѣ при продолженіи пѣсни слышишь особенно отчетливо:

„Ой ты умрешъ изъ вечора,
А я въ три годыны—
Нехай же насъ поховають,
Хочъ у одній домовыни".

и идутъ дальше пѣсни, и сердце какъ то особенно сжимается при каждомъ куплетѣ.

„На калыну витеръ війе,
Калына не слійе—
Козакъ дивку вирно любыть—
Заняты не смійе.

Но мы засѣли за *вечерю;* среди бесѣдъ и шутокъ мы и не замѣтили, какъ наша *вечеря* съѣдена, наша *горилка* выпита. Разговоры ведутся смѣлѣе, болѣе или менѣе маскируемыя предпочтенія обнаруживаются опредѣленнѣе, кое-гдѣ сблизились плечи, наклонились другъ къ другу головы—благо, Павло своей *сопилкой* вызвалъ танцы и направилъ туда вниманіе общества... И проходитъ такъ ночь, приближается „день биленькій" и возвращаемся мы по домамъ, не раздѣленные уже на *парубоцкій* и *дивоцкій* гурты, а смѣшанными группами, сообразно съ нашимъ мѣстомъ жительства. Кое-гдѣ звучатъ отголоски пѣсенъ...

„Я на славу сама стану,
Славы не боюся—
Зъ кимъ люблюся—обнимуся,
Ще й поцилуюся"... [1])

И долго, долго звучитъ въ ушахъ пѣсня, и воспоминанія, связанныя съ нею, наполняютъ сердце доброю, молодою, тихою радостью.

Но „не що дня—брыдня". Тяжела сельская, рабочая жизнь. Борьба за существованіе здѣсь не отвлеченная философская формула. Долю *хлопця* вотъ какъ рисуетъ народная пѣсня:

---

[1]) Изъ пѣсенъ, которыя пѣлись въ Маковищахъ.

„Та изрисъ я въ наймахъ, въ неволи,
Та не знавъ я доли николи“ [1]).

Для дивчины—это отчасти напряженная работа на своемъ огородѣ, часто *сапа* по чужимъ плантаціямъ свекловицы и т. д. „Безъ роскоши, безъ любовы зношу свойи чорни бровы, у наймахъ зношу“, по словамъ Шевченка.

Но не даромъ народная пѣсня воспѣваетъ тебя „молодосте—одрадосте, на серденьку своя воля“. Послѣ тяжелаго, трудоваго дня

„Ой и хтожъ то, пане-брате,
Та по улоньци свище?
То товаришъ товариша
На вечорныци кличе“.

И не даромъ кличетъ онъ его.

„Мисяцъ надъ горою,
Дивки на улыци...
Гей доле, доле...
Дивки на улыци.

Но приходятъ *жнива*. Хотя по пословицѣ только „цинъ робота, а коса охота“, но и коса и серпъ ежедневно—это уже не *выграшки*. Я слышалъ слѣдующій разсказъ про мазура (не знаю, почему именно про мазура). У мазура зародилъ прекрасный овесъ и „така то вже шыбнула йего охота выкосыть той овесъ“. Пристроилъ мазуръ *гробки* и пошелъ косить. Покосы ложатся прекрасные, что ни *ступинь*, то и снопъ. Косилъ нашъ мазуръ до самаго вечера, выкосилъ свой овесъ, откинулъ косу, лежитъ, еле дышетъ. Люди возвращаются съ поля. „Люды добри! перекажить моій жинци, щобъ выслала за мною пидводу. Та нехай высылайе дви пидводы, бо я зъ тею шельмою косою на йиднимъ вози не пойиду“.

Да, не шутки эта коса и серпъ. Когда настанетъ ихъ царство,—на полѣ всё отъ мала до велика; солнце жжетъ немилосердно, сорочки темнѣютъ отъ пропитывающаго ихъ пота, спины болятъ, не переставая, жажда томитъ день деньской, только и слышно, что *шелестъ* созрѣвшей соломы, падающей подъ на-

[1]) Изъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты Каменецкимъ.

тискомъ серпа или косы, да дѣловые рабочіе разговоры. Пройдешь селомъ—оно какъ будто замерло, только малыя дѣти вертятъ пятою раскаленную, разсыпающуюся землю, устраивая такимъ образомъ „Кыйивъ“ [1]), да старые „старесеньки“ *диды* и *бабы* то грѣютъ свое дряхлое тѣло непосредственно у источника земной жизни, то прячутся въ *холодкахъ*, посматривая на *дитвору*. Вся жизнь ушла въ поле; оно поглотило ее до такой степени, что и наша *улыця* разбрелась и только кое-гдѣ дифференцированная, сосредоточенная любовь завлечетъ парня въ клуню къ любимой дивчинѣ или гдѣ нибудь въ „вышневымъ садочку“ или у сельской изгороди увидите парубоцьку свитку, накинутую *наопашки*, покрывающую дивчыну. Здѣсь уже исчезли *жарты* и грубыя формы *порубоцького* заигрыванья: въ этой теплой атмосферѣ молодости и любви ведутся только разговоры полушепотомъ, да думается:

„Ой мисяцю—перекрою,
Зайды за комору,—
Нехай же я зъ своимъ мылымъ
Трохи поговору“.

Изъ этихъ то свиданій выносятся воспоминанія:

„И нацилувався,
И намылувався—
Якъ у саду соловей,
Та й нащебетався“.

Но настаетъ осень съ ея длинными вечерами. Полевыхъ работъ не то что много,—ихъ уже слишкомъ мало для нуждающагося въ заработкахъ селянина и наша сельская молодежь собирается на *досвитки*.

Тамъ и сямъ въ разныхъ пунктахъ села отдѣльные хозяева „прыймають досвитки“. Дивчата сходятся на нихъ съ пряжею, мужская молодежь приходитъ для бесѣдъ съ ними, пряденіе перебивается шутками, разговорами, которые затягиваются въ позднюю ночь. Вносятъ солому, парни не безъ нѣкоторыхъ усилій побуждаютъ дивчатъ ложиться вмѣстѣ, и „ничъ — маты“

[1]) Дѣтская игра, состоящая въ образованіи изъ подвижнаго слоя земли концентрическихъ круговъ.

покрываетъ своимъ занавѣсомъ тайны молодыхъ разговоровъ, сердцебіеній и пожатій. Не больше. Таковъ обычай. Я знаю, что онъ представляется многимъ въ извращенномъ видѣ, какъ бы однозначущимъ „съ грубою разнузданностью“, но для того, кто знаетъ нашихъ сельскихъ женщинъ (а всѣ онѣ бывали въ свое время на *досвиткахъ*) мысль о повальной ихъ разнузданности представлялась бы крайне обидною, если-бы она не была такъ смѣшна. Послушайте при случаѣ, какъ спокойно, безъ всякаго игриваго намека или осужденія, разсказываютъ замужнія женщины о своихъ *дивоцкихъ* досвиткахъ. Посмотрите, какъ иные родители, до крайности щепетильные по вопросамъ, связаннымъ съ дѣвственностью ихъ дочерей, преспокойно смотрятъ на ихъ хожденіе на досвитки. Молодости и связанной съ ней впечатлительности отводится въ народномъ понятіи извѣстное, опредѣленное мѣсто въ извѣстныхъ границахъ и формахъ. Въ игрѣ *велыкодной* показываютъ „якъ мылому постиль слаты“, въ народной пѣснѣ (не помню, гдѣ слышанной) поется:

„Яку мени, моя маты,
Прынаду даваты?
—Стелы, доню, постиль билу,
Лягай изъ нымъ спаты.

Тѣ-же самыя сельскія женщины, которыя спокойно посѣщали досвитки, вполнѣ искренно скандализируются декольтированіемъ дамскихъ бальныхъ нарядовъ, обычаемъ пановъ „водыться пидъ руки“ и т. п. Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что въ нашемъ селѣ не найдется ни одной женщины—крестьянки, которая бы рѣшилась войти декольтированною въ многолюдное собраніе. Всѣ это вопросы привычной формы, сущность-же дѣла заключается въ томъ, что спросъ на впечатлѣнія даннаго порядка слишкомъ силенъ для того, что-бы можно было его замкнуть въ строгія, ригористическія рамки.

Но возвратимся къ нашему предмету. Если я успѣлъ сколько нибудь отчетливо передать наблюдаемое, отчасти пережитое мною, то для читателя станетъ понятна та *стихія* любви, среди которой выростаетъ наша сельская молодежь. Это и послу-

житъ намъ къ объясненію нѣкоторыхъ явленій, связанныхъ съ позднѣйшимъ семейнымъ бытомъ.

Мнѣ приходится теперь перейти къ *сватаньямъ*, но прежде чѣмъ я это сдѣлаю—я хочу сказать еще два-три слова о нѣкоторыхъ общихъ свойствахъ нрава *парубоцького* и *дивоцького*.

Кто сколько нибудь внимательно наблюдалъ сельскую жизнь, тотъ не могъ не обратить вниманія на нѣкоторыя специфическія проявленія парубоцького нрава, облекающіяся въ грубыя формы, сопряженныя съ нарушеніемъ общественнаго благочинія, а подчасъ и съ дѣяніями, караемыми закономъ. Это тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что нашъ сельскій *парубокъ* представляется обыкновенно не только добросовѣстнымъ сотрудникомъ въ семейномъ хозяйствѣ, но и способенъ вообще къ воспріятію весьма тонкихъ впечатлѣній. Какъ сельскій хозяинъ, я имѣю давнее и частое дѣловое соприкосновеніе съ *парубоцьтвомъ*, которое является у меня то въ качествѣ поденныхъ рабочихъ, то въ качествѣ годовыхъ или лѣтнихъ *наймытовъ*, т. е. въ тѣхъ именно условіяхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ антагонизмъ интересовъ, свойственный нашему современному хозяйственному строю. И что-же? Въ этихъ именно условіяхъ я научился цѣнить способность нашего сельскаго парубка къ воспріятію тонкихъ впечатлѣній. Мнѣ случалось вызывать румянецъ стыдливой радости простымъ „спасыби“, обращеннымъ къ наймиту по поводу хорошо исполненной имъ работы. Не далѣе какъ въ прошлое лѣто моимъ *хлопцямъ* и моей *худобѣ* пришлось произвести относительно много полевой работы. Въ теченіи лѣта я сказалъ разъ, смягчая замѣчаніе полушутливымъ тономъ: „ну, хлопци, сегодня вы булы ледачи“. Мои хлопци тоже улыбнулись, и я завелъ съ ними посторонній разговоръ. Послѣ этого мнѣ не пришлось ни разу не то сказать, но и подумать, что они *ледачи*. А какъ они были рады, когда оказалось, что они совершили больше работы, чѣмъ мы предполагали, такъ какъ мы узнали, что въ данномъ участкѣ больше земли, чѣмъ мы думали. Мнѣ приходится часто удивляться той пріятельской охотности, съ которою они напрягаютъ свой трудъ выше средняго въ моменты усиленныхъ полевыхъ работъ, осложняемые метеорологическими и тому подо-

бными обстоятельствами.—При разсчетахъ съ наймытами мнѣ приходилось не разъ исправлять свой счетъ въ виду напоминанія наймитомъ о взятыхъ имъ и незаписанныхъ мною деньгахъ. А вотъ факты другаго порядка. Хлопецъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ дивчыною; она забеременѣла. Онъ засваталъ ее, несмотря на то, что стоялъ на очереди по отбыванію воинской повинности. Онъ чистилъ навозъ въ то время, когда я сказалъ ему: „Що-жъ ты засватався?—ну нехай Богъ помогайе на все добре". Онъ поклонился мнѣ обычаемъ, просящихъ благословенія на брачный союзъ, и расплакался. „Хто его знайе, може я не вернусь зъ прыему, а самій дивчыни трудно"... Слезы перебили его рѣчь. Трудовая, будничная обстановка этой сцены придавала ей особенный рельефъ.

А вотъ другой случай. „Маты просылы, що бъ вы написалы имъ прошеніе". Дѣло въ томъ, что братъ обращавшагося ко мнѣ съ этими словами стоялъ на очереди по отбыванію воинской повинности. Онъ былъ дѣйствительно слабоуменъ и нѣсколько часовъ передъ тѣмъ мать его краснорѣчиво разсказывала мнѣ, что онъ въ виду его слабоумія *пропаде*, очутившись среди чужихъ людей и въ чужихъ мѣстахъ. „Я, бачыте—продолжалъ мой собесѣдникъ, слегка краснѣя,—думавъ просыться, що бъ мене принялы на его мисце, а тимъ часомъ напышить прошенья, може его й не визьмуть".

А между тѣмъ, рядомъ со всѣмъ этимъ вы замѣчаете въ той же средѣ проявленія той грубости и нарушеній общественнаго порядка, о которыхъ я говорилъ. Прежде чѣмъ объяснять явленіе, я постараюсь описать его въ нѣсколькихъ словахъ. Начнемъ съ самыхъ мелкихъ проявленій. Вы видите, напр., женскую молодежь, устраивающую игры на первый день Пасхи; вдругъ кто-нибудь изъ парней то начнетъ „перекрывлять" женское сопрано, то броситъ разбитое въ игрѣ „на убытки" яйцо въ которую нибудь изъ соучастницъ игры. Посмѣяться надъ „дивчатамы—овечкамы", подставить ногу такъ, чтобы дивчына споткнулась („пидчепыть"), а то и довесть шутки („гранья") до такой безцеремонности тѣлодвиженій, что предметъ ихъ приходитъ въ гнѣвное раздраженіе—дѣла, вызывающія одобрительный

хохотъ среди мужской молодежи. А то пойдетъ она ночью въ корчму, выпиваетъ и бродитъ по селу, напѣвая охотно солдатскія пѣсни. Дѣла неособенно важныя, но рядомъ идутъ и другія проявленія парубоцькаго молодечества. То нападутъ они на какой нибудь садъ или *баштанъ*, не стѣсняясь при случаѣ напугать, а то и поколотить сторожа, зарѣжутъ гдѣ нибудь бродячую гуску и т. п. Сюда-же относятся и обычаи такъ называемыхъ „новобранцивъ“. Выпивать и нарушать общественное благочиніе во время близкое къ набору—дѣло обыкновенное, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ въ разныхъ селахъ. Тамъ, гдѣ данный обычай проявляется съ бо́льшею силою—поглумиться надъ проѣзжающимъ, обругать встрѣченнаго, перевернуть въ мѣстечкѣ на базарѣ или на ярмаркѣ столикъ съ булками, яблоками и т. п., расхитить эти *ласощи*—въ порядкѣ вещей. Въ иныхъ мѣстахъ торговцы подобными продуктами прекращаютъ на базарахъ свою торговлю, разъ на нихъ являются новобранцы. Понятно, что при всемъ этомъ случаются и драки, что удаль молодецкая, разгоряченная въ данномъ направленіи, заходитъ иногда и дальше и ведетъ подчасъ отдѣльныхъ лицъ на скамью подсудимыхъ то за нанесеніе побоевъ, то за присвоеніе *ласощивъ* (тарани, *цукеркивъ*) изъ склада какого нибудь сельскаго торговца. Таковы факты во всей ихъ наготѣ. Конечно, болѣе рѣзкіе изъ нихъ исключительны, но я ихъ привелъ для характеристики той почвы, на которой они выростаютъ.

Если взять во вниманіе ту тонкость впечатлительности, на которую я прежде указывалъ въ той-же общественной группѣ, то удовлетворяться обычнымъ оханіемъ въ виду нарушенія общественной тишины и благочинія—конечно, не приходится, хотя это и составляетъ господствующій пріемъ соціологическихъ изслѣдованій нашихъ сюртуконосцевъ. Я слышалъ и рѣчь прокурора, взывавшаго къ мечу правосудія для того, чтобы „пріудержать нашу расходившуюся сельскую молодежь“. Несмотря на то я въ данномъ случаѣ подвергаюсь искушенію попытаться объяснить явленіе внѣ данныхъ, щедро заготовленныхъ формулъ нашей домашней соціологіи.

Бесѣдуя на данную тему съ старшими крестьянами, вы услышите не разъ осужденіе распущенности „теперешней“ молодежи, но не ошибайтесь: не думайте, что этимъ сужденіемъ исчерпывается ихъ взглядъ на данный вопросъ. Здѣсь дѣйствуетъ непривычка къ полному формулированію теоретическихъ взглядовъ. Дѣянія-то тѣ или иныя сами по себѣ не считаются похвальными, небезполезными считаются и тѣ или иныя мѣры къ пресѣченію данныхъ болѣе острыхъ проявленій, но въ глубинѣ суроваго осужденія нравственной сущности молодаго поколѣнія нѣтъ и быть не можетъ, какъ сейчасъ увидимъ. „Молодость—буйность“—да и только.

Когда-то, я помню, меня озадачилъ фактъ кражи гуски у сосѣда моею челядью, тѣмъ болѣе, что соучастники дѣянія были мнѣ знакомы, и знакомы, какъ добрые хлопци. Гуска легла въ основу пиршества, оживленнаго комическими вымыслами: пировавшіе представляли изъ себя пановъ съ лакеями, поварами и т. д. Фактъ обнаружился и послужилъ темою для бесѣдъ старшихъ. Они осуждали подобныя шалости, но въ дальнѣйшихъ разговорахъ пошли на воспоминанія своихъ лѣтъ *парубоцькихъ—молодецькихъ*, а вмѣстѣ съ этимъ всплыли и разсказы о гускахъ, убиваемыхъ на посѣвахъ и съѣдаемыхъ, а то и юмористическій разсказъ о сжаренномъ въ аналогичныхъ условіяхъ поросенкѣ. Послѣ этого я сталъ внимательно прислушиваться къ разговорамъ на подобныя темы и замѣтилъ, что, начинаясь осужденіями, они всегда почти оканчиваются воспоминаніями о какой нибудь добычѣ на баштанѣ, въ фруктовомъ саду и т. п., при чемъ отдаленіе во времени даетъ обыкновенно возможность живо, юмористически освѣтить разсказъ. Мнѣ случалось тоже бывать въ составѣ присяжныхъ въ то время, когда обвинялись молодые люди за болѣе рѣзкія дѣянія въ данномъ направленіи. То были—по юридической номенклатурѣ—кражи со взломомъ. Къ преступленіямъ, подходящимъ подъ этотъ терминъ, присяжные-крестьяне относятся обыкновенно довольно сурово, въ случаяхъ же, о которыхъ рѣчь идетъ, само названіе похищенныхъ предметовъ („сало, тараня, цукерки“ и т. п.), ихъ количество и лѣта подсудимыхъ сразу освѣщаютъ иначе

фактъ. Безъ долгаго предварительнаго разсужденія они всѣ говорятъ о томъ, что нужно возможно мягче формулировать вердиктъ. Взломъ въ этихъ случаяхъ отвергается и присяжные-крестьяне склоняются охотно къ самой мягкой формулѣ. Я помню тоже, какъ ахнуло наше село, когда мировой судья примѣнилъ суровый законъ къ довольно многочисленному нападенію съ насиліемъ нашего сельскаго парубоцтва на баштанъ.

Такъ относятся къ данной категоріи явленій люди, стоящіе близко къ той группѣ населенія, среди которой онѣ встрѣчаются. И какія это странныя преступленія, которыя въ той или иной мѣрѣ совершаются почти поголовно въ молодости, не оставляя глубокихъ деморализирующихъ слѣдовъ въ болѣе зрѣлые годы? И какая это странная грубость нрава молодежи, которая не мѣшаетъ чередоваться ей съ деликатностью чувствъ въ молодости и не противорѣчитъ зарожденію въ болѣе зрѣлыя лѣта той спокойной *звычайности*, которая свойственна въ такой мѣрѣ украинскому люду?

Ключъ къ уразумѣнію этихъ странностей заключается, мнѣ кажется, въ томъ, что въ основѣ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, лежатъ не какія нибудь извращенныя нравственныя побужденія, а простой біологическій фактъ обилія силъ, свойственнаго молодости. Фактъ этотъ свойственъ молодости вообще и проявляется на различныхъ ступеняхъ культуры въ различныхъ только формахъ. Молодое, жизнеобильное поколѣніе съ трудомъ примиряется съ тѣми рамками, въ которыя втиснута обыкновенная общественная жизнь. Прюдомизмъ съ его условною моралью раздражаетъ своею банальностью молодой спросъ на жизнь, и оттуда столкновенія.

Перенесите эти побужденія въ болѣе культурную среду и посмотрите, какія услуги прогрессу мысли въ новыхъ поколѣніяхъ отдаетъ ихъ стремительный натискъ на отживающія доктрины и формы жизни, какъ съ нимъ связывается отыскиваніе новыхъ путей. Ту-же психическую подкладку, несмотря на громадное различіе формъ ея проявленія, имѣютъ и тѣ стороны парубоцькой жизни, о которыхъ здѣсь рѣчь. Молодая жизнеохотность, чувство обилія силъ вызываетъ здѣсь также презри-

тельное отношеніе къ узко-законченнымъ формамъ жизни, спросъ на жизнь внѣ этихъ формъ, нетерпѣливое желаніе борьбы, опыты испробовать свои силы, но недостатокъ культурной подготовки и иныя условія современной жизни не даютъ возможности найти болѣе благообразный исходъ данному психическому настроенію. При общемъ, менѣе цивилизованномъ складѣ жизни подобнаго рода аспираціи не въ такой мѣрѣ разногласятъ съ общимъ ея характеромъ и находятъ исходъ въ какомъ нибудь гайдучествѣ и т. п., въ старой украинской жизни—на Запорожьѣ. Здѣсь не мѣсто распространяться о бытовыхъ особенностяхъ жизни „славного лыцарства“, но несомнѣнно, что съ современой точки зрѣнія мы найдемъ въ ней очень много иррегулярностей, весьма сходныхъ съ общимъ характеромъ той стороны жизни нашей сельской молодежи, о которыхъ мы говоримъ. Иррегулярности эти, какъ извѣстно, не мѣшали тому, что тѣ-же чубатые молодцы были способны на серьезные героическіе подвиги, что народныя аспираціи живѣе и чище, представлялись на Запорожьѣ, чѣмъ въ другихъ историческихъ группахъ населенія, что эти „*łotrzyki*“, были дѣлателями той „козацькой славы“, которая по выраженію исторической думы „по всему свиту дывомъ стала, по всему свиту разляглась, простяглась, луговымъ гомономъ роздалась“.

Въ современной жизни не можетъ быть подобнаго рода исходовъ, остается разсчитывать на болѣе прочный подъемъ ея подъ вліяніемъ широкаго распространенія лучшихъ плодовъ человѣческой мысли; пока—нужно разсматривать жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, стараясь уразумѣвать ея смыслъ независимо отъ нашихъ личныхъ привычекъ. Смотря на жизнь нашей сельской молодежи съ этой точки зрѣнія нельзя ограничиваться улавливаніемъ проявленій, шокирующихъ наши привычки. Молодая жизнеохотность ея проявляется не только въ какой нибудь корчомной *бучѣ* и т. п. Среди этихъ блужданій вырабатывается безсознательно привычка не смотрѣть на будничные интересы жизни, какъ на ея альфу и омегу, смотрѣть на нихъ нѣсколько свысока, вырабатываются чувства товарищеской солидарности и дружбы, и если въ дальнѣйшей трудной

мужицкой жизни, сохраняется возможность отвлечься отъ ея будничной обстановки увлечься красотою, почувствовать альтруистическія впечатлѣнія, то указанныя здѣсь свойства свободной, товарищеской, парубоцькой жизни играютъ несомнѣнно серьезную роль. Я знаю зрѣлыхъ селянъ, у которыхъ при случаѣ разыгрывается презрительно-задорный нравъ, которымъ случается прогулять въ корчмѣ, угощая встрѣчнаго-поперечнаго, очень почтенныя относительно деньги, а то и затѣять драку и т. п. Эти же люди бываютъ въ обыкновенное время мягки и уступчивы, способны поступиться своимъ, сдѣлать сосѣдскую услугу („кровъ—говорятъ—не потече"), отзывчивы на болѣе широкую мысль или болѣе возвышенное чувство. Вотъ почему меня ни чуть не поражаетъ, что парубокъ, сдѣлавшій наканунѣ *бучу*,—обращается съ дивчыною со всею нѣжностью, на которую способна молодость, и вполнѣ основательно можетъ обратиться къ ней словами народной пѣсни:

Не зрадывъ я никого,
Ни малои дытыны—
Не зражу я и тебе
Дивки сыротыны.

Два-три замѣчанія о дивоцькомъ нравѣ. Прежде всего мы не можемъ не обратить вниманія на впечатлительность нашей сельской женщины вообще и дивчыны спеціально, на красоту предметовъ, подпадающихъ подъ ихъ зрѣніе. Замѣтнѣе всего это выражается въ ихъ любви къ нарядамъ. Посмотрите, какой это живой вопросъ для дивчыны „набрать спидныцю, пошыть курточку, купыть намысто" и т. п., посмотрите, какъ у дивчатъ подъ вліяніемъ этого чувства мѣняются моды. Посмотрите на нашихъ сельскихъ женщинъ на ярмаркѣ въ рядахъ, гдѣ продаются предметы женскихъ украшеній и уборовъ. Я былъ какъ то разъ въ домѣ, гдѣ одна немолодая барышня, изобрѣтательная въ дѣлѣ скопленія деньги, вывезла для перепродажи изъ Кіева довольно красивые вѣнки новаго для данной мѣстности фасона. Дивчата, бывшія на работѣ въ мѣстной экономіи, собрались въ дѣвичьей, гдѣ барышня—спекулянтка высыпала на столъ вывезенные вѣнки. Нужно было видѣть эти молодыя, ожив-

ленныя лица. „Отъ серце... тай гарни-жъ... а дайте ще цього подывыться... по чому воны, панно“? посыпались возгласы со всѣхъ сторонъ. Маленькое зеркальце, висѣвшее тамъ-же, пошло живо въ ходъ. Въ этомъ отношеніи наши сельскія женщины довольно похожи на своихъ сестеръ изъ другихъ слоевъ общества съ тѣмъ однако различіемъ, что послѣднія смотрятъ на нарядъ, главнымъ образомъ, какъ на орудіе побѣды и потому скрытничаютъ и завидуютъ, наши сельскія женщины смотрятъ на него проще, какъ на красивый предметъ. Конечно, не ставится ему въ вину, если онъ пріукраситъ всю особу нашей восторженницы, но онъ уже самъ по себѣ милъ за то, что ярокъ красками, красивъ формою. Когда прохожій разносчикъ („венкгєръ“) развертываетъ свой скарбъ, то возгласы восторга вызываетъ не только то, что можетъ годиться для женскаго наряда; ихъ достается столько-же колоризированнымъ иконамъ, картинамъ и т. д. Съ такимъ-же оживленіемъ говорятъ и о красивой обстановкѣ дома, о цвѣтникѣ, о вновь видѣнной красивой церкви, объ улицахъ большаго города, о какой нибудь торжественной и пестрой церемоніи и т. п. Впечатлительность къ красотѣ нарядовъ только одно изъ проявленій данной общей впечатлительности, и потому старики крестьяне, смотря на пеструю, нарядную толпу дивчатъ и молодицъ, снисходительно и добродушно говорятъ: „ну, що теперъ хóроше ходять“.

Экспансивныя въ данномъ случаѣ—наши дивчата даютъ волю этой экспансивности тамъ, гдѣ молодежь мужская считаетъ это неприличнымъ; возможно, что онѣ и живѣе чувствуютъ нѣкоторыя впечатлѣнія. Посмотрите, какъ товарки—*дружки* заливаются слезами, прощаясь съ молодою при пѣснѣ:

Прощай, прощай, товарышко,
Бо мы уже йдемъ,
И гулянья, дивуванья
За собою беремъ

и т. п. А сколько слезъ вызываютъ свадебныя пѣсни на свадьбѣ сироты? А то—зайдетъ къ вамъ лирникъ; поетъ онъ то и другое—вдругъ кто нибудь попроситъ „сироту“. Дивчата, присутствующія здѣсь, постепенно размѣщаются по менѣе замѣтнымъ куточкамъ.

„ . . . куды йдешъ сыритко?—Матинки шукаты.
. . . . . .
Обизвалась зъ гроба йейи ридна маты:
— А хто жъ то тамъ плаче на моёму гроби?
— То-жъ то я, матинко; прыймить мене къ соби.

Тутъ уже задерживающая сила перестаетъ дѣйствовать, аккомпаниментъ лиры то и дѣло перерывается сдерживаемыми дивчачими рыданіями.

А сколько „щырыхъ слезъ“ пролили молодыя соотечественницы „незабутного кобзаря“ надъ его Катерыной?

Сердечная впечатлительность, выражающаяся въ этихъ случаяхъ, согрѣваетъ и отношенія сверстницъ. Въ дивчачемъ гуртѣ вы легко замѣтите маленькую компанію, частенько пару дивчатъ, почти неразлучныхъ. „Це йейи кольекга“ говорятъ у насъ. Недавно въ сосѣднемъ селѣ умерла 18-лѣтняя дивчына, дочь *зажможныхъ* родителей. „Кого тоби шкода?“ спрашивала мать.—„Мени ничого не шкода, мени тильки шкода мойеи кольекги, Оксаны“.

Несмотря на всё это, и дивчата избѣгаютъ проявленія нѣжныхъ чувствъ; добрый тонъ выражается въ „насмишкуватомъ“ нѣсколько отношеніи къ вещамъ и людямъ. Только меньшая жизненная опытность и энергія рѣдко даетъ дивчачей насмѣшливости тотъ рельефъ, который она получаетъ у мужчинъ; оттуда частые маломотивированные взрывы смѣха среди *гурточковъ* дивчачихъ, которые и служатъ поводомъ къ выраженію: „дивчата—овечки“. Этотъ гордо-насмѣшливый тонъ удерживаютъ онѣ и по отношенію къ хлопцямъ, когда эти отношенія гурта къ гурту, или же и въ единичныхъ отношеніяхъ, не только тогда, когда нѣтъ болѣе опредѣленнаго влеченія, но и въ послѣднемъ случаѣ, пока оно ясно не очертится для обѣихъ сторонъ.

Таковы въ общихъ чертахъ стороны, связывающіяся въ брачный союзъ, условія и характеръ ихъ сближенія.

Брачный союзъ обставленъ обрядовыми формальностями *сватанья* и *весилья*. Объ обрядности этой я не буду говорить, коснусь только тѣхъ сторонъ ея, которыя имѣютъ болѣе прямую связь съ современною семейною жизнью.

Сватанье чаще всего является формальнымъ обрядомъ, такъ какъ парубокъ обыкновенно „допытуйеться слова“ у дивчыны

раньше. Обрядность сватанья въ моей мѣстности значительно упростилась; тѣхъ обрядовыхъ рѣчей, которыя записаны въ „Маруси“ Квитки, у насъ не произносятъ или, можетъ быть, *уже* не произносятъ. Сватанье оканчивается предоставленіемъ послѣдняго слова дивчынѣ (въ случаѣ согласія родителей). Случается, конечно, что на содержаніе этого слова вліяютъ прежде родители, какъ и на рѣшеніе парубка сватать ту или иную дивчыну.

Съ этимъ связывается вопросъ: какъ объяснить то, что при общихъ условіяхъ жизни нашей сельской молодежи, благопріятствующихъ развитію чувства любви, при интенсивности его, засвидѣтельствованной богатствомъ народной пѣсенности на любовныя темы—случается и то, что парубокъ, пославшій сватовъ къ одной дивчынѣ, въ случаѣ отказа переходитъ немедленно къ другой, а то и къ третьей. А парубокъ то этотъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ другихъ.

Меня тоже поражало когда-то это видимое противорѣчіе, но потомъ, присмотрѣвшись ближе къ сельской жизни, я сталъ, кажется, довольно вѣрно уразумѣвать подобныя явленія.

Когда-то довѣрявшійся мнѣ по многимъ вопросамъ своей жизни сельскій парубокъ пришелъ ко мнѣ посовѣтоваться на счетъ женитьбы. До того уже онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что въ ближайшую осень онъ женится; теперь онъ пришелъ съ тѣмъ же заявленіемъ, прибавляя только, что онъ въ недоумѣніи, кого ему сватать. Онъ указалъ мнѣ на трехъ дивчатъ, говоря, что родители и родственники совѣтуютъ ему взять такую-то (одну изъ нихъ).—„А ты-жъ якъ думаешъ?“—„Та мене и сюды и туды думка шыбайе. И це славна дивчына, и то ничого, и та также. Мабуть прыйдеться сватать Т.“, т. е. ту изъ нихъ, которую рекомендовали родители. Я не ожидалъ этого, такъ какъ съ одной стороны я зналъ, что родители оказывали ему предпочтеніе и не рѣшились-бы особенно настойчиво стѣснять его, съ другой—я не замѣчалъ, что-бы онъ когда нибудь, встрѣчаясь съ Т. на работахъ, ухаживалъ за нею сколько нибудь. Состоялось сватанье, въ которомъ и я принималъ участіе, и молодые люди были видимо довольны собой. Разъ засватавши Т., мой знакомый при встрѣчѣ съ ней началъ ей оказывать предпочтеніе, заигры-

вать и вообще ухаживать за ней. Другой мой знакомый черезъ недѣлю, кажется, послѣ отказа одной дивчыны, засваталъ другую. Я не имѣлъ случая наблюдать ихъ отношенія въ промежуточный періодъ между сватаньемъ и бракомъ, но съ первыхъ же дней брака у нихъ установились хорошія отношенія, и они составляютъ одно изъ лучше живущихъ между собою супружествъ.

Присматриваясь къ подобнымъ случаямъ и сопоставляя ихъ съ условіями жизни сельской молодежи,—мы склоняемся къ заключенію, что въ этой жизни значительное мѣсто отводится стихійной, недиференцированной, такъ сказать, любви. Въ моихъ предъидущихъ замѣткахъ о собраніяхъ сельской молодежи — я старался указать, какъ рядомъ съ опредѣленными предпочтеніями идетъ общій, стихійный спросъ на любовь, присущій молодости. Красота женщины (я понимаю здѣсь не только внѣшнюю) проявляется нескончаемо разнообразно: тамъ васъ прельщаетъ сосредоточенная задумчивость, тамъ сіяющая жизнерадостность, тамъ мягкая доброта, тамъ тонкій умъ, пробивающійся искусно среди трудностей жизни и т. д. Ограничить сферу женской красоты какимъ нибудь однимъ типомъ такъ же односторонне, какъ, напр., ограничить красоту пейзажа мѣсностью исключительно гористою или исключительно ровною, исключительно мрачною, или исключительно веселою и т. д. Всѣ мы испытываемъ по временамъ неопредѣленное увлеченіе красотою не той или иной женщины, а женщинъ вообще; въ молодости впечатлѣнія эти, подогрѣваемыя силою половаго влеченія, конечно живѣе, и потому для меня вполнѣ понятенъ на нашихъ сельскихъ вечорыцяхъ, особенно при меньшей воспитательной дифференціаціи ихъ участниковъ, неопредѣленный, тѣмъ не менѣе сильно возбужденный стихійный спросъ на любовь. Самомалѣйшій толчекъ при этихъ условіяхъ опредѣляетъ направленіе данной потребности душевной и тѣлесной, и такимъ образомъ мнѣ становится понятно, что парубокъ, неоказывавшій наканунѣ сватанья предпочтенія извѣстной дивчынѣ, послѣ сватанья съ доброй искренностью ухаживаетъ за ней.

Такъ, мнѣ кажется, понималъ и Шевченко то, что я называю стихійною любовью. Въ его лирическихъ мѣстахъ, тамъ гдѣ рѣчь идетъ о любви, чаще выступаютъ вообще „дивчата,

кари очи, вышневый садъ зеленый, ласки дивочи" и т. д. чѣмъ опредѣленныя единицы. Въ „Наймычкѣ" вотъ какъ опредѣляется потребность женитьбы Марка:

Уже Марко чумакуйе,
Вже въ осены не ночуйе
Ни пидъ хатою, ни въ хати—
Кого небудь треба сватать.

Интересно, что и въ личной жизни самого поэта мы встрѣчаемся съ отголосками этого сельскаго міровоззрѣнія. Такъ, въ болѣе поздніе уже годы, послѣ возвращенія изъ ссылки, мечтая о своей хатѣ и семьѣ, онъ поочередно дѣлаетъ предложенія разнымъ лицамъ то самъ (Катруся—въ Саратовѣ, кажется, Ликера), то поручаетъ родственнику своему Варѳоломею отыскать для него „сироту и наймычку", то переговорить съ Харытою, которую Тарасъ завидѣлъ у Варѳоломея, несущею *товчь* для кабановъ. Конечно, здѣсь проявляется и довѣрчивая доброта, и личная мечтательная впечатлительность, но нельзя не видѣть и вліянія той народной жизни, среди которой онъ выросъ, съ которою ничто не могло разобщить его и которую онъ такъ горячо воспѣлъ своими „слезамы—словамы".

Но рядомъ съ этою стихійною, неопредѣленною любовью—идетъ и сосредоточенная, дифференцированная. Я не умѣю опредѣлить въ какомъ процентномъ отношеніи сближаетъ та и другая отдѣльныя пары. Мужикъ по этимъ вопросамъ не словоохотливъ. „Це вже я тильки буду знаты", говорила любимая женщина одному моему знакомому, напоминавшему ей свои изліянія. Скорѣе вы услышите разсказъ о разстроившихся любовныхъ отношеніяхъ, чѣмъ обратное. „Якъ я зачувъ, що Сыклыту засваталы—мени здалося, що земля пидо мною провалюеться", говорилъ мнѣ одинъ парубокъ, товарищъ моихъ молодыхъ лѣтъ. Послѣ я наблюдалъ отношенія знакомаго мнѣ парубка С. къ дивчынѣ нашего села М. Въ голубыхъ глазахъ С. виднѣлась вообще склонность къ тихому восторгу. Я помню, какъ надъ нимъ посмѣивались, что, увидѣвши на ярмаркѣ необыкновенно красивую молодыцю, онъ окончательно растерялся и, засмотрѣвшись на нее, совсѣмъ позабылъ о своемъ ярмароч-

немъ дѣлѣ. Такъ онъ впослѣдствіи засматривался на М. Я помню—семья М. и семья С. копали у меня бураки; ихъ *постати* были близкія. С. былъ плохой работникъ въ данномъ случаѣ въ своей семьѣ; когда ни придешь,—увидишь его на сосѣдней *постати*; то подкапываетъ онъ тамъ, то чиститъ бураки, то подноситъ на мѣрницу. Въ формѣ этихъ хозяйскихъ дѣяній изливались его чувства. Но

„Не вси тіи сады цвитуть,
Що на весну розвиваються—
Не вси тии винчаются,
Що люблять, то кохаються".

У С. была внѣшняя причина, разстроившая его любовь. Братъ С. былъ женатъ на сестрѣ М., что и составляло непреоборимое каноническое препятствіе. С. далеко не какой нибудь *богатырь*, но онъ предлагалъ мѣстному священнику 100 руб. за то, что-бы онъ обвѣнчалъ ихъ. Священникъ отказалъ. Потомъ обыкновенный ходъ вещей взялъ свое—М. вышла замужъ за другаго, С. женился. Дѣло это было какихъ нибудь полтора десятка лѣтъ тому назадъ, но я недавно встрѣтилъ С. въ одномъ обществѣ. Въ обществѣ пѣли; когда запѣли только что цитированную пѣсню „не вси тіи сады цвитуть", С. задумался и съ выраженіемъ глубокаго чувства сказалъ: „тому й правда, що въ письни спивають".

Правдивъ бываетъ и слѣдующій куплетъ:

Любивъ тебе дивчыною,
Люблю тебе молодыцею,—
И ще буду симъ рикъ ждаты,
Може станешъ удовыцею.

Я знаю и такой случай. Ждалъ и дождался. Я могъ бы значительно умножить число этихъ примѣровъ, но не въ нихъ суть. Мнѣ хотѣлось только указать на то, какъ въ народной средѣ рядомъ съ стихійною развивается и дифференцированная любовь. Мнѣ кажется, что послѣдній типъ усиливается въ народной жизни.

Между дѣлами, разсматриваемыми въ волостныхъ судахъ, случаются довольно часто дѣла объ убыткахъ на сватанье. Обыкновенно родители заявляютъ, что они готовы сдержать слово,

но дочь поразмыслила. Традиція сталкивается здѣсь съ личнымъ выборомъ прямо заинтересованной стороны. (Убытки обыкновенно присуждаются). Въ связи, мнѣ кажется, съ этимъ періодомъ колебанія между традиціей, основанной на понятіяхъ стихійной любви, и усиливающейся дифференціаціей единицъ, находится и явленіе, которое я замѣчалъ довольно часто въ послѣдніе годы. Побрачившись, молодые часто расходятся на нѣкоторое время. Явленіе это объясняется, кажется, тѣмъ, что традиція, основанная на томъ, что я называю стихійною любовью, довольно сильна для того, что-бы завязать бракъ, но болѣе сильно развивающаяся дифференціація единицъ вызываетъ опредѣленныя личныя требованія, неукладывающіяся въ рамки традиціи—отсюда нетерпѣніе и разрывъ. Но другая, болѣе сильная традиція дѣлаетъ слишкомъ труднымъ положеніе разошедшихся („свитъ имъ завязаный"), и они послѣ розмысла, пообрѣзавъ свой спросъ на личную жизнь, сходятся обратно.

Но говоря о любви до брака, нельзя не упомянуть о случаяхъ, когда брачныя отношенія антиципируются любящейся парою; оканчиваются они обыкновенно формальною легализаціею. Соображеніе о томъ, что „на козаку немайе знаку" играетъ, конечно, нѣкоторую роль въ жизни парубоцьтва, но такъ какъ часто бываетъ, что „хочъ коханьячко не зродыться, то черево заводыться", то сознаніе отвѣтственности въ виду даннаго факта составляетъ рѣшающій моментъ и принимаетъ готовую форму легальнаго брака.

Я знаю много такихъ случаевъ. Дѣйствуетъ здѣсь, впрочемъ, и личное влеченіе.

„Тыха вода береженьки зносыть,
Ой тамъ козакъ свого пана просыть:
Пусты мене, пане, на ту Украину,
Пыше дивка лысты, що мае дитыну.
—Можешъ цю провыну на иншого здаты.
—Не можу я, пане, буде Богъ караты.
Прыйизжае до свитлыци, билый день свитае,
Ввійшовъ у свитлоньку—дивчына вмырае,
Дивчына вмырае, дивчына хвороуе,
Упавъ на колинця—дивчыну цилуе".

При такихъ условіяхъ неудивительно, что до обостренія, выраженнаго словами:

„Визьмы соби, козаче, дитыну,
Бо далеби на покосъ покыну“

доходитъ очень рѣдко. Напротивъ,—я знаю много случаевъ, когда дивчына защищала виновника факта отъ подозрѣній, что не помѣшало ему свободно, внѣ натиска жениться на ней.

Бываютъ замѣчательно упорныя умалчиванья; часто въ селѣ (а въ селѣ секретничать трудно) такъ таки никто не знаетъ „одъ кого найшлася дитына“. Подобныя умалчиванія являются, конечно, чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительныя или мнимыя причины дѣлаютъ невозможной легализацію отношенія, а для другаго исхода, обезпечивающаго существованіе дитяти, нѣтъ смѣлости или же средствъ.

Въ этихъ преимущественно условіяхъ являются *покрытки*.

Судьбу покрытки живо и съ горячимъ человѣчнымъ участіемъ изобразилъ нашъ великій пѣвецъ и великій знатокъ народной жизни—Шевченко. Уже частое возвращеніе въ разныхъ мѣстахъ къ этой темѣ у Шевченка, указывая на данный вопросъ, какъ на наболѣвшее мѣсто, не позволяетъ намъ сомнѣваться въ общей вѣрности изображенія того суроваго взгляда крестьянской среды въ его время, который преслѣдовалъ такую мученицу.

И дѣйствительно, отголоски этой суровости слышатся въ извѣстной мѣрѣ и до настоящаго времени: рѣдкая дивчына не поблѣднѣетъ, когда ей опредѣленно представится возможность остаться покрыткою; слово *байструкъ* употребляется въ смыслѣ браннаго слова; я знаю случай, когда отецъ не дозволялъ сыну жениться на дивчынѣ, потому что она „самосійна“; процессы о дѣтоубійствѣ въ интересахъ скрытія факта дѣторожденія омрачаютъ до сихъ поръ отъ времени до времени судебную хронику, но въ общемъ суровость, вызывающая эти грустные факты, съ теченіемъ времени ослабѣваетъ. На это, между прочимъ, обратили мое вниманіе женщины, вышедшія изъ крестьянской среды, и утверждающія, что Катерына или Наймычка Шевченка въ современной жизни не имѣли бы достаточно реальной подкладки.

Мнѣ случалось встрѣчаться въ крестьянскихъ обществахъ съ покрытками; я не замѣчалъ ни малѣйшей разницы въ обращеніи съ ними и съ другими женщинами. Когда онѣ потомъ выходятъ замужъ, то положеніе ихъ дитяти, прижитаго прежде съ другимъ лицомъ, ни чѣмъ въ сущности не отличается отъ положенія пасынка вообще. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и въ пересмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ къ имущественнымъ правамъ пасынковъ законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ относятся, повидимому, одинаково, но объ имущественныхъ правахъ рѣчь впереди. А вотъ разсказъ, сообщенный дивчыною, объ отношеніяхъ покрытки къ дитяти: „дивка прывела дитыну и сказала баби (повивальной), що хоче ту дитыну втопыть. Баба каже: добре, тильки якъ пійдешъ топыты, трейчы окрунысь, трейчы поцилуй дитыну въ губы и щички, погодуй іи, а тоди вже топы. Баба прыбрала дитыну. Пишла дивка до рички, зробыла все, якъ ій казано, та не топыла вже дитыны; вернулася зъ нею, а баба каже: а бачъ, суко,—свое дытя, та хтила стребыть".

Объ обрядѣ *весильномъ*, чрезвычайно интересномъ и многократно описанномъ, я умолчу. Я хочу только указать на модификаціи въ одномъ изъ обычаевъ, переданныхъ стариной. Я говорю о брачной экспертизѣ, имѣющей въ виду провѣрить дѣвственность *молодой*. Если-бы было дозволено на основаніи общаго, такъ сказать, чутья жизненныхъ явленій извѣстной этнической группы, безъ болѣе спеціальныхъ соображеній, строить гипотезы о зарожденіи извѣстныхъ обычаевъ,—то я-бы сказалъ, что данный обычай при своемъ зарожденіи не имѣлъ въ виду данной провѣрки, что фактическій бракъ отличался отъ союза, признаваемаго обществомъ, только публичнымъ признаніемъ факта, какое и составляло его санкцію, откуда и зародились—при общей грубости нравовъ—публичное представленіе вещественныхъ доказательствъ совершившагося факта; что впослѣдствіи, подъ вліяніемъ другой культуры, данный обычай былъ утилизированъ въ интересахъ проповѣдываемаго ею ригоризма.

Такъ или иначе, но долгіе вѣка онъ держался въ смыслѣ присвоенія себѣ обществомъ права контроля надъ самыми интимными сторонами жизни единицъ, и то въ такой именно сферѣ

явленій жизни индивидуума, которая не соприкасается, собственно говоря, съ интересами общества. Въ этомъ смыслѣ переданъ данный обычай и нашему времени, и потому мнѣ кажется очень интереснымъ вопросъ о модификаціяхъ его, совершающихся на нашихъ глазахъ.

Извѣстно, какія оскорбительные для молодой и ея родителей пѣсни и обряды передала данная традиція въ случаѣ, если весилья окажется *негарнымъ*. Но традиція эта слабѣетъ. Мнѣ случалось бывать на свадьбахъ, въ которыхъ молодая оказывалась недѣвственною. Въ послѣднее пятнадцати лѣтіе въ моей мѣстности я не встрѣчалъ подобныхъ пѣсенъ и обрядовъ; если какая нибудь болѣе выпившая баба по старой памяти пробовала *мурлыкать* пѣсню изъ даннаго цикла, то ее сейчасъ же *зашыткалы*. Обратно,—я видѣлъ усилія со стороны родителей и родственниковъ молодаго успокоить волненіе по этому поводу. На одной свадьбѣ молодая не допустила дѣла до выхода въ *комору* и тутъ же попросила прощенія у родителей молодаго. Этотъ исходъ, какъ ни тяжелъ онъ, или лучше такъ какъ онъ тяжелъ,—хвалится по традиціи и по ней-же устраняетъ дальнѣйшее обостреніе обряда. Мать сказала: „нехай тоби Богъ простыть; весилья одынъ день, а вамъ прыйдеться жыты ввесь викъ“ и благословеніе закончила словами: „перепросы людей“. И пошло это *перепрошуванья*, обращаемое ко всякому изъ присутствовавшихъ поочередно. Тяжелое впечатлѣніе обряда смягчалось однако значительно поведеніемъ публики; всѣ говорили въ успокаивающемъ тонѣ, но мое вниманіе особенно было занято великодушіемъ поведенія нѣкоторыхъ болѣе или менѣе давно замужнихъ женщинъ. „Отже жъ и я була така, а про те дай Боже усякій такъ прожыты, якъ я живу зъ своимъ“. Въ другомъ подобномъ случаѣ не были приняты мѣры подобной публичной исповѣди. Молодыхъ завели въ комору, а довольно многочисленная публика, преимущественно женская, оставалась въ хатѣ. Продолжительность отсутствія молодыхъ подсказывала публикѣ, что дѣло не клонится къ вывѣшиванію краснаго пояса на хатѣ. Родственники молодой видимо волновались, родственники же молодаго вели главнымъ образомъ разговоры, имѣющіе въ виду успокоеніе.

„Це пусте—хиба мы не булы молодымы"—говорилъ почтенный старикъ, отецъ молодого. Въ подобныхъ разговорахъ и утонулъ вопросъ; публика мало по малу стала расходиться. Независимо отъ этого въ моей мѣстности начинаетъ усиливаться одинъ видъ обхода. Послѣ нѣкотораго времени удаленія—молодой заявляетъ кому надлежитъ о своей немощи въ данное время, молодая о своей дѣвственности, и далѣе идетъ весилья съ красными поясами, лентами и вообще со всей подобающей веселостью. Преданіе гласитъ, что устроеніе „гарнаго весилья" въ случаѣ если заявленіе молодой невѣрно—влечетъ за собою несчастіе для дома, но во многихъ по крайней мѣрѣ случаяхъ ни болѣе молодые, ни старики не придаютъ, очевидно, ему серьезнаго значенія. Я зналъ старика, отца новобрачнаго, который остроумно посмѣивался надъ мнимою немощью и вполнѣ спокойно устраивалъ гарне весилья. Случается и такъ, что болѣе стараго закала отецъ смущается долгимъ непредставленіемъ новобрачными вещественныхъ доказательствъ, сюда относящихся.

Рѣдко, но тѣмъ не менѣе бываютъ уже попытки не какими нибудь обходами, а просто, принципіально устранить изъ свадьбы весь данный обрядъ. Въ одномъ случаѣ отецъ новобрачнаго, когда дѣло по ходу свадебныхъ порядковъ приближалось къ данному обряду, заявилъ публикѣ, что она можетъ теперь расходиться. Въ публикѣ были недовольные, но старикъ настоялъ на своемъ. Я знаю случаи подобныхъ заявленій со стороны молодого. Въ одномъ случаѣ вышло нѣсколько комично, такъ какъ молодая, воспитанная въ данной традиціи, боясь подозрѣній, настояла на свершеніи обряда—съ результатомъ, разумѣется, желательнымъ по традиціи. Въ другомъ—обрядъ былъ устраненъ; правда, болѣе пожилыя родственницы молодого были имъ очень недовольны.

Такимъ образомъ мы видимъ по отношенію къ данному обряду и смягченіе суровости взгляда, обусловливающее его значеніе, и скептицизмъ, выражающійся въ разныхъ обходахъ и прямой протестъ. Обрядъ—къ чести развивающейся народной мысли—клонится, очевидно, къ упадку.

Говоря все это—я имѣю непосредственно въ виду мою ближайшую мѣстность, но дѣло въ томъ, что преобразованія народнаго міровоззрѣнія идутъ, кажется, въ главныхъ чертахъ въ одномъ и томъ-же направленіи, но не съ одинаковою скоростью по отдѣльнымъ вопросамъ. Такъ, не выходя за предѣлы обитаемаго мною сквирскаго уѣзда, есть мѣстности, гдѣ данный обрядъ держится, повидимому, со всей суровостью. Однажды, во время сквирской сессіи окружнаго суда—подсудимая, желая указать на половую немощь мужа, настаивала въ вопросахъ, обращенныхъ къ бывшему весильному старостѣ, на то, что онъ долженъ былъ въ первую брачную ночь исполнить функціи, припадающія новобрачному. Свидѣтель смутился. Присяжные крестьяне подсмѣивались надъ его смущеніемъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ серьезно, что ему нечего смущаться, что „у насъ такій законъ“, что въ случаѣ надобности весильный староста долженъ „добуть весилья“. Въ ближайшей моей мѣстности я разспрашивалъ стариковъ, бываетъ-ли или бывало-ли у насъ что нибудь подобное—они отвѣчали отрицательно.

Ѳ. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Юмористовъ и шутниковъ на Украинѣ называютъ штукарями. Штукарями называютъ и шутниковъ-юмористовъ, сопровождающихъ свой разговоръ жартами, т. е. непрерывными шутками и прибаутками, и такихъ людей, которые выражаютъ свои жарты въ дѣйствіи: въ шутливой мимикѣ, передразниваньи знакомыхъ, въ импровизаціи цѣлыхъ комическихъ небольшихъ сценъ собственнаго изобрѣтенія, смотря по настроенію духа, по неожиданному наитію творчества въ изобрѣтеніи комическихъ положеній.

Намъ приходилось встрѣчаться съ штукарями первой и второй категоріи въ деревняхъ каневскаго уѣзда кіевской губерніи. То были люди, выросшіе въ народныхъ преданіяхъ, люди, несомнѣнно вышедшіе изъ среды народа. Всѣ они были выразителями народнаго юмора, кроющагося во всѣхъ изгибахъ ума и фантазіи истаго украинца, юмора природнаго, такъ сказать непочатаго, дѣвственнаго, еще не стертаго и не видоизмѣненнаго налетомъ городской цивилизаціи.

Мы ограничимся краткою психологической характеристикой извѣстныхъ намъ штукарей. Припомнить подробно всѣ ихъ штуки положительно нѣтъ никакой возможности. Ихъ разговоръ былъ непрерывно испещренъ шутками и прибаутками. То былъ не разговоръ, а какой то непрерываемый фейерверкъ разноцвѣт-

[1]) Переводъ съ малороссійской рукописи.

ныхъ огней, искрящійся, сыплющій то блестящими звѣздами, то струями, то бьющій фонтаномъ разноцвѣтныхъ струй. Разговоръ штукарей былъ разговоръ живой, всегда веселый, жизненный, непринужденный, не закованный въ формы условной натянутости, не стѣсненный никакими условными формами. Душа выливалась какъ она есть, какъ она создана, во всей простотѣ и непосредственности, какъ выливается пѣсня соловья, щебетанье ласточки, какъ вылилась пѣсня народная изъ души чернобровой дивчыны, или пришибленнаго горемъ, но веселаго, несокрушимаго духомъ, гордаго и независимаго козака-запорожца.

Припоминается мнѣ личность одного изъ такихъ штукарей В. А... Мнѣ приходилось встрѣчать его нѣсколько разъ въ обществѣ по селамъ. Онъ служилъ въ канцеляріяхъ сахарныхъ заводовъ въ каневскомъ и черкасскомъ уѣздахъ. Въ одномъ домѣ собралось уже довольно много гостей. Пріѣзжаетъ въ гости господинъ среднихъ лѣтъ. Входитъ онъ въ гостинную медленной походкой, идетъ какъ то вяло, едва передвигая ноги. Лицо его продолговатое, обрамленное черными волосами. Говоритъ онъ медленно, даже немножко заикаясь. Всѣ тѣлодвиженія его лѣнивы, медленны. На лицѣ выражается равнодушіе, но черные глаза свѣтятся, блестятъ: въ нихъ видѣнъ умъ; они какъ то пронизываютъ человѣка насквозь, какъ будто заглядываютъ въ вашу душу. Онъ смотритъ пристально вамъ въ глаза и какъ будто наблюдаетъ, изучаетъ васъ. Прислушиваясь къ разговорамъ окружающихъ его лицъ, онъ улыбается едва замѣтною улыбкой: улыбаются какъ будто только углы его рта, слегка подвинутые внизъ. При этой улыбкѣ въ глазахъ просвѣчиваетъ тонкая хитрость человѣка, который, какъ говорится, себѣ на умѣ.

Гости съѣхались. Начинается общій разговоръ. А... какъ будто съ неохотой принимаетъ участіе въ разговорѣ. Онъ не рѣчистъ, говоритъ медленно, слегка заикаясь. Подаютъ чай. Разговоръ въ обществѣ дѣлается болѣе оживленнымъ. А... какъ будто пробуждается, немного оживляется. Въ его короткихъ, почти лаконическихъ фразахъ изрѣдка прорываются искорки юмора, легкія шуточки, вызывающія улыбку на устахъ собесѣдниковъ.

— И пришла же охота шутить этому сонливому человѣку, да еще заикѣ: къ шуткамъ то у тебя, кажется, таки совсѣмъ *хысту нема*; и берется же человѣкъ не за свое дѣло!—думаешь бывало, услышавъ въ первый разъ его покушеніе пошутить.

Однако скоро убѣждаешься, что въ немъ именно и есть этотъ *хыстъ* къ шуткамъ. Послѣ чаю его шутка слышится все чаще и чаще; она становится все удачнѣе, острѣе, дѣлается меткою. За ужиномъ А... овладѣваетъ уже вниманіемъ всего общества. Его кратко выраженныя, лаконическія шутки сыплются одна за другою. Его только и слушаютъ, и поддерживаютъ съ нимъ разговоръ только для того, что бы дать ему матеріалъ для юмора, задѣть его. Бойкія шутки брызжутъ фонтаномъ. Поднимается хохотъ. Его шутки возбуждаютъ смѣхъ у самыхъ серьезныхъ людей, рѣдко смѣющихся и не любящихъ шутокъ. Его юморъ—какая то всепобѣждающая сила: онъ заразителенъ и противостоять ему нѣтъ возможности. А между тѣмъ самъ юмористъ не смѣется, даже не улыбается. Онъ невозмутимо спокоенъ, и только усиливающійся блескъ его черныхъ глазъ свидѣтельствуетъ о напряженіи творческой дѣятельности его ума. А... даетъ смѣшной оборотъ своимъ фразамъ, представляетъ все въ смѣшномъ, но не каррикатурномъ видѣ. Но его юморъ все таки легкій, не глубокій. Онъ лишенъ сатирическаго оттѣнка, лишенъ горечи гоголевскаго юмора, прикрытаго сладостью смѣха. Онъ шутитъ, никого не задѣвая, не касаясь ничьихъ недостатковъ, никого не осмѣивая.

Припоминаю другаго штукаря, тоже уроженца Каневщины: то былъ Костецкій, діаконъ въ мѣстечкѣ Корсунѣ каневскаго уѣзда. Мнѣ часто приходилось встрѣчать его въ то время, когда онъ былъ уже человѣкъ въ силѣ, сорокалѣтній мужчина. Онъ былъ высокаго роста, строенъ, какъ тополь, немного худощавъ, съ желтоватымъ цвѣтомъ лица, съ темными блестящими глазами; взглядъ его тихій, спокойный; тѣлодвиженія изящны, медленны. Говорилъ онъ медленно, не спѣша, какъ бы обдумывая каждую сказанную фразу. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ, былъ игривъ, его любили и уважали въ окрестности. Его юморъ ровный, постоянный. Онъ постоянно шутилъ и въ

гостяхъ, и дома: подтрунивалъ надъ собою, надъ женою, шутилъ съ своими и чужими наймытами, крестьянами; отпускалъ жарты, разговаривая съ евреями, задѣвалъ шутками паничей, не щадилъ и панянокъ. Онъ разсыпалъ свой жартъ направо и налѣво, и во всѣ стороны, куда попало. Юморъ его всегда лился ровно и непрерывно, какъ несетъ свои воды ровнымъ теченіемъ тихая рѣка. Относительно стариковъ и старшихъ его жарты были вѣжливы, почтительны; съ молодожью онъ былъ не слишкомъ церемоненъ: жарты его часто были глубоки, часто отзывались колкостью сатиры, но всегда были выражены въ такой смѣшной формѣ, что уколъ шиповъ его сатиры прикрывался какъ бы листьями и розами, и тотъ, на кого были направлены его стрѣлы, чувствуя уколъ и опуская глаза, все таки долженъ былъ смѣяться и извинять юмористу ради смѣха, или даже ради улыбки, вызванной штукаремъ. Бывало чуть только гости въ чьемъ нибудь домѣ увидятъ въ окно, что во дворъ въѣзжаетъ бричка о. Костецкаго, всѣ бросаются къ окнамъ, у всѣхъ на устахъ появляется улыбка. Молодежь выходитъ на крыльцо встрѣчать К., предугадывая, что уловитъ какой нибудь жартъ, такъ сказать, на лету, пока К. войдетъ въ комнаты. И надежда не обманываетъ *паничей* и *паннивъ*. Вотъ К. пріѣхалъ съ своей женой. Жена его чистый контрастъ со своимъ мужемъ: она полна, почти толстуха, тяжела, хотя не вяла. Костецкій легко спрыгиваетъ съ довольно высокаго *богуславського возка*, но жену его затрудняетъ высота возка и отсутствіе подножки. К. беретъ подъ руки и снимаетъ съ воза свою тяжеловѣсную половину. При этомъ онъ усиленно и, конечно, искусственно *кряче*.

— Ой, паничи! не берить соби такихъ гладкихъ жинокъ, якъ моя, бо пидвередитесь колысь на вику, якъ и я оце пидвередивсь, бо жинка,—бачте, таке дило, що, здається, його й Богъ сотворивъ на те, що бъ пидвередить чоловика. Якъ будете брать соби жинокъ, то берить такихъ, щобъ поставыть на долоню та тилькы дмухъ, а вона й полетыть. А то вы таки шукаете паннивъ важкенькихъ... часомъ, якъ казала маты сынови: беры, сынку, хочь козу, абы зъ золотыми рогами...

Костецкій спокойно посматриваетъ на паничей. Паничи улыбаются, опуская глаза; панны хохочутъ. Отецъ діаконъ направляется къ крыльцу. Вдругъ черезъ тынъ перескакиваетъ Рябко и, почуявъ чужаго человѣка, бросается чуть не подъ ноги отцу діакону съ ревностью сельскихъ злющихъ собакъ. Отецъ діаконъ преспокойно обращается съ рѣчью къ Рябку.

— Та годи вже, годи! вже показавъ, що зъ тебе добрый наймытъ. Оце расходывся! Выдно, добри гроши берешъ въ хозяина... Годи вже, годи! Панычи! вынесить ему чарку горилки за ревность и усердіе.

Отецъ діаконъ продолжаетъ путь. Рябко, по мѣрѣ приближенія гостя къ крыльцу, удваиваетъ свое усердіе и наровитъ схватить его зубами за сапогъ.

— Жартуй бо, чоловиче, та и миру знай,—обращается опять съ рѣчью къ Рябку отецъ діаконъ. Но Рябко приходитъ въ неописанную ярость: выставляетъ свои челюсти и острые зубы до самыхъ десенъ и приподнимаетъ черныя губы. Наконецъ, Рябко хватаетъ отца діакона за полу рясы. Отецъ діаконъ въ одинъ мигъ схватываетъ стоящее у крыльца коромысло и ловко потчуетъ Рябка по спинѣ. Собака отпрыгиваетъ съ визгомъ.

— Ай, ай! або болыть! каесся, а лыхо робышъ,—говоритъ Костецкій, входя по ступенькамъ на крыльцо и шутливо поддерживая подъ руку свою супругу, притворно покрякивая какъ бы отъ безмѣрной тяжести, поднимаемой съ страшной натугой въ гору.

Отецъ діаконъ цѣлуется съ паничами. Перецѣловавшись съ цѣлымъ рядомъ непрекраснаго пола, онъ подаетъ руку первой стоящей въ ряду кавалеровъ дѣвушкѣ и протягиваетъ къ ней губы, изъявляя поползновеніе поцѣловаться и съ ней. Дѣвица отпрянула головой и бюстомъ назадъ и покраснѣла.

— Охъ, выбачайте! трохи не поцилувався и зъ вамы за гуртомъ. За гуртомъ и жидъ повисывся, спокойно говоритъ отецъ діаконъ.

Гость съ женой входитъ въ комнату. За нимъ вслѣдъ направляется вся молодежь, провожая его, словно почетная свита.

— Миръ дому сему и живущимъ въ немъ! — изрекаетъ отецъ діаконъ привѣтствіе въ древнемъ стилѣ—прыкиньте, хо-

зяине, плату своему Рябкови. Наймытъ зъ ёго добрый: покусавъ мою рясу.

— Хвалыть Бога, що не васъ,—отвѣчаетъ хозяинъ,—роздягайтесь, тай будете нашимъ гостемъ.

— Колы втырывся въ хату, та ще й непроханый, то вже нигде дитысь: буду гостемъ,—отвѣчаетъ отецъ діаконъ,—де храмъ, то й мы тамъ.

Въ мѣстной церкви былъ храмъ. Въ прежнее время на храмовой праздникъ гости пріѣзжали къ мѣстному священнику и дьячку еще съ утра, чтобы побывать въ церкви на богослуженіи. Послѣ богослуженія, естественно, всѣ отправлялись къ батюшкѣ на обѣдъ, такъ какъ *громадськый* обѣдъ для духовенства и нищихъ совершался на слѣдующій день. Отецъ діаконъ, отслуживъ въ Корсунѣ обѣдню довольно поздно, не поспѣлъ къ богослуженію, за то попалъ какъ разъ на обѣдъ. Въ Корсунѣ, большомъ мѣстечкѣ, богослуженіе совершается на городской ладъ, а не по деревенскому обычаю, съ восходомъ солнца.

Въ столовой накрыты столы, все приготовлено къ обѣду. Хозяинъ дома приглашаетъ отца діакона въ столовую.

— Ого! жива теща! Зъ обида та зновъ на обидъ! Оце лышенько! Але... черево—не дерево! роздаеться,—восклицаетъ гость.

— Хвалыть Бога, що жива ваша теща,—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Жива, жива, нигде правды диты, та ще й огнемъ жегома,—отвѣчаетъ отецъ діаконъ.

Гостямъ невозможно удержаться отъ улыбки даже въ присутствіи дочери этой тещи: теща извѣстна во всей окружности; она, дѣйствительно, жегома огнемъ, да еще не простымъ, а настоящимъ пекельнымъ. Огонь ея пылалъ и распространялся на весь каневскій уѣздъ и даже на сосѣднюю часть звенигородскаго и черкасскаго.

— А мы неначе зналы, що у васъ дви диркы за столомъ, тай думаемо зъ жинкою: поидемо та позатыкаемо собою ти диркы,—говоритъ отецъ діаконъ.

Хозяинъ дома приглашаетъ гостей садиться за столъ. Гостей много, порожнихъ дирокъ даже за двумя столами не оказалось. Молодые панычи толпились кучею вокругъ другаго стола.

— Тисненько! нигде правды диты. Якъ же то мы, жинко, вмостымось оце за столомъ? Пидъ насъ двохъ, пане господарю, прошу тры стильци: одынъ пидъ мене, а два пидъ жинку,—говоритъ отецъ діаконъ, опустивъ стыдливо глаза.

— Достанемо й тры тильки сидайте; знайдемо мисце.

За вторымъ меньшимъ столомъ толпились паничи; они едва усѣлись вокругъ стола; ихъ плечи и головы какъ бы обвиваютъ столъ плотною гирляндою. Между ними были и чиновники каневскаго духовнаго правленія, и служившіе въ корсунскомъ станѣ. Отецъ діаконъ устремляетъ свои спокойные глаза на этотъ столъ. Онъ туда *шпурляе* жартъ—бомбу чуть не орсиніевскую: съ молодежью онъ не особенно церемонится.

— Ото густо крючкивъ (крючками называютъ чиновниковъ разныхъ канцелярій). Неначе въ тисни бабы граютъ! Вы бъ, пане господарю, повишалы тихъ крючкивъ на крючкахъ, або на килкахъ, то може бъ и въ хати було бъ просторнише и на цимъ свити чыстише... отпускаетъ онъ сатирическій жартъ по адресу другаго стола.

И крючки, и всѣ гости смѣются, но нѣкоторымъ крючкамъ было не по себѣ. Взяточничество тогда было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Отцу діакону случалось собственнымъ носомъ нюхать этотъ букетъ дурману и блекоты въ цвѣтущую пору произростанія этихъ цвѣтовъ. Отецъ діаконъ таки порядкомъ не долюбливаетъ крючковъ. Хозяинъ дома предлагаетъ гостямъ предъ обѣдомъ по чарци. Очередь пить по чарци доходитъ до отца діакона. Выпивъ рюмку, онъ дѣлаетъ легкую гримасу.

— Ой, горилко! якъ таке паскудство пьють ти пьяныци? А чи не можна, пане господарю, ще по другій? Бо.... цего паскудства якъ выпьешь одну, то й другои схочется,—говоритъ отецъ діаконъ.

Онъ шутитъ: отъ другой чарки онъ положительно отказывается.

— Закусуйте-жъ, отецъ діаконъ! Берить пырога,—проситъ хозяинъ дома.

— Ой, вже мени ци пыроги... обидови ворогы. Ззисы пырогивъ, до борщу й не доторкуйся. А дайте мени найменьшій, чи то правда,—самого найбильшого,—говоритъ отецъ діаконъ.

Однако въ его словахъ видѣнъ только жартъ—контрастъ: онъ отрѣзываетъ только половину пирога и закусываетъ. Хозяинъ, шутя, предлагаетъ по чарци и паннáмъ. Панны́ отказываются и жеманятся: потупляютъ глаза и улыбаются. Отецъ діаконъ и въ нихъ пускаетъ жартъ—хлѣбный шарикъ.

— При людяхъ не пьемо, а за дверыма по одній стукъ!

Между сидѣвшими паннами дѣйствительно было двѣ не молодыхъ, вполнѣ старосвѣтскихъ, которыя *за дверыма* стукалы не то, что *по одній*, а часомъ и по три и того болѣе. Гости знали объ этомъ. Очевидно, зналъ объ этомъ и штукарь—діаконъ. Рядомъ съ отцемъ діакономъ сидитъ старушка капитанша, беззубая, хилая. Она слишкомъ долго и медленно ковыляетъ своими беззубыми челюстями и оканчиваетъ свою порцію послѣ всѣхъ, когда уже всѣ перестаютъ ѣсть. Отецъ діаконъ пускаетъ и въ беззубую капитаншу жартомъ—шарикомъ, правда, маленькимъ, премаленькимъ.

— Еге, мамо! А вы ще и доси жуете: комъ-комъ—було-бъ двомъ, а вы й самы поилы,—говоритъ онъ капитаншѣ, которая едва одолѣваетъ кусочекъ жаркого.

Запасы его жартовъ неистощимы. Онъ разсыпаетъ ихъ въ теченіи обѣда, вмѣшиваясь въ разговоръ, отвѣчая на всякіе вопросы. Взрывъ хохота слышенъ ежеминутно. А между тѣмъ самъ Костецкій и не улыбнется. Смѣхъ, хохотъ вовсе несвойственъ ему. Кажется, по капризному жарту самой природы, онъ совсѣмъ лишенъ смѣха. Смѣхъ, хохотъ перешелъ въ его юморъ, воплотился въ его меткомъ словѣ и застылъ на кончикѣ языка, не достигнувъ до органовъ, выражающихъ наглядно смѣхъ и хохотъ. На видъ онъ постоянно и неизмѣнно солиденъ, серьезенъ. Жарты его не многорѣчивы, отрывочны, часто лаконичны, но метки въ краткости: онъ словно молоткомъ стукнетъ разъ, два—и готово.

Вотъ обѣдъ оконченъ. Костецкій крестится и благодаритъ: онъ уже пускаетъ въ себя бомбу-жартъ-самокритику:

— Спасыби Господеви милосердному, що мы, дармоиды, васъ, хозяине, обпылы та объилы. Дай Боже, и на будущій рикъ цего диждаты. А вы, хлопци-молодци, кажить: дай Боже!—обращается онъ заключительными словами колядниковъ.

Паничи, шутя, подхватываютъ этотъ жартъ и громогласно взываютъ совершенно какъ колядники:

— Дай, Боже!

Жарты наэлектризовали и ихъ. Одинъ смѣльчакъ изъ паничивъ „выхвачуеться“.

— За те й мы прыйдемо до васъ, объимо та обпьемо.

— Еге-жъ; колы мене не жаль, дочки нема, — бросаетъ отецъ діаконъ, бомбочку—жартъ въ смѣлаго панича:—хиба до моеи огнемъ жегомои... тоди пиде шкурка за вычынку, ще и зъ процентомъ...

Паничи улыбаются, но чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи. Имъ не чуждо злоупотребленіе гостепріимствомъ отцовъ семействъ въ качествѣ жениховъ.

Жарты отца діакона продолжаются безпрерывно и послѣ обѣда. Гости группируются вокругъ него; молодежь держится въ недалекомъ отъ него разстояніи, чтобы слушать его жарты. Къ вечеру онъ собирается домой и его провожаетъ та же многочисленная свита на ганокъ и до брычки.

Всю жизнь не истощались жарты въ этомъ типичномъ человѣкѣ. Огонь остроумнаго юмора не угасалъ въ немъ до смерти. *Давно это дiялось: ще якъ баба дивкою була!* Мы припоминаемъ только нѣкоторые мимолетные его жарты, потонувшіе въ туманѣ прошлаго, давняго времени. Говорятъ, когда Костецкій почувствовалъ себя плохо и понялъ, что смерть его за плечами, то и этотъ тяжелый моментъ закончилъ еще жартомъ:

Въ памяти моей возстаетъ еще одинъ типъ каневскаго штукаря въ словахъ; типъ самый симпатичный. Это былъ В. Е. Онъ въ молодости состоялъ чиновникомъ, не помню, въ Каневѣ или въ Кіевѣ. Это былъ типъ штукаря-весельчака и *реготуна*. Какъ живой стоитъ онъ и теперь передъ моими глазами. В. Е. изъ тѣхъ типичныхъ личностей, которыхъ никогда не забудешь. Ни время, ни тревоги жизни не посмѣютъ изгладить изъ памяти этотъ оригинальный, глубоко-симпатичный образъ. Онъ былъ небольшаго

роста, но довольно полный, словно налитой. Формы его округлены. Круглая голова съ короткой шеей словно лежитъ на плечахъ. Онъ блондинъ съ голубыми, чисто бирюзовыми глазами, съ полными, извилистыми губами, изъ подъ которыхъ вѣчно блестятъ мелкіе, густые и бѣлые зубы. Волоса чуть чуть золотистые и кудрявые, щеки румяные, точь-въ-точь, какъ у амуровъ и купидоновъ, изображаемыхъ на картинахъ. Онъ весь какъ будто созданъ изъ веселья и смѣха. Только и слышно его: хи-хи-хи, перемѣшанные съ веселыми рѣчами. Когда онъ смѣется, то закидываетъ голову назадъ, глаза свѣтятся радостью, нѣгою, бѣлые зубы блестятъ какъ два ряда перловъ, слова льются въ перемежку со смѣхомъ; грудь его дрожитъ, золотистые кудри дрожатъ; дрожитъ, кажется, каждый мускулъ его полнаго, брызжущаго здоровьемъ лица, его полныхъ плечъ; дрожитъ каждая жилка, каждый нервъ этого нервно-веселаго организма. Смѣхъ его нервенъ, заразителенъ. Онъ васъ магнетизируетъ, заражаетъ. Слушая его смѣшные разговоры, разсказы и анекдоты, нельзя никакими силами удержаться отъ смѣха. Кажется, и мертвый засмѣялся бы, какъ у насъ выражаются, слушая его разсказы, слыша его веселый *регитъ*. Его жартъ легкій, не глубокій, часто лишенный глубокой сатиры, безобидный. Онъ никого прямо не задѣваетъ своими жартами. Горечь и полынь несвойственны ему, не гармонируютъ съ его веселымъ смѣхомъ. Онъ только смѣется и рѣдко осмѣиваетъ; онъ мастеръ все представить въ смѣшномъ видѣ, вездѣ найти смѣшную сторону, ловко подмѣтить ее и еще ловче передать все въ смѣшномъ видѣ, въ веселомъ комическомъ тонѣ. Разсказывая о своихъ встрѣчахъ и разговорахъ съ крестьянами, съ евреями, съ помѣщиками и разными панками, разсказывая о какомъ-нибудь приключеніи съ собою или кѣмъ-нибудь другимъ, онъ всегда представитъ все въ смѣшномъ видѣ, хотя не карикатурномъ. Каррикатура чужда этому граціозному смѣху. В. Е. былъ какимъ-то воплощеніемъ смѣха и веселости. Что-то радостное, живое, какъ сама жизнь, было разлито во всемъ существѣ этого человѣка. Когда онъ входилъ въ комнату, переступая порогъ, на его румяномъ лицѣ, на золотистыхъ кудряхъ какъ будто свѣтился лучъ солнца. Природа положила на немъ эту

печать, и онъ какъ будто былъ посланъ межъ людей веселить и тѣшить среди ихъ заботъ и хлопотъ. Его смѣхъ звонкій, серебристый, частый. Смѣется онъ, словно серебряный колокольчикъ звенитъ, словно горошкомъ сыплетъ. Его непрерывный, радостный смѣхъ освѣжалъ всѣхъ, какъ веселое журчаніе ручья освѣжаетъ раскаленный воздухъ въ горячую лѣтнюю пору. Его заразительный смѣхъ веселилъ всѣхъ, какъ неожиданно прорвавшійся изъ мартовскихъ тучъ лучъ весенняго солнца, упавшій на черную, мрачную землю и обратившій къ золото глинистыя кручи и провалья, обратившій въ серебро полосы бѣлаго побережнаго песку, превратившій мутную воду рѣки въ чистый хрусталь. Какъ бы на радость людямъ посланы эти глубоко-симпатичные, веселые люди! Эхъ, греки, греки! не знали вы этого веселаго смѣха, заразительнаго реготу! Не знала ваша фантазія бога смѣха и реготу. Вы создали дивный Олимпъ съ богами, прелестный, чудный! Но его прелесть—это прелесть плоти, а не духа. Есть пробѣлъ въ вашемъ пышномъ созданіи... Есть „дирка“ за столомъ боговъ, пировавшихъ на вашемъ Олимпѣ. И, живи я въ вашъ вѣкъ, я посадилъ бы въ эту дирку за вашимъ столомъ корсунскаго отца діакона и рядомъ съ нимъ для компаніи его сжигаемую пекельнымъ огнемъ тещу, превзошедшую самую Медузу. Отецъ діаконъ бросалъ бы въ васъ такіе перуны-жарты, отъ которыхъ Олимпъ треснулъ бы по всѣмъ направленіямъ, а его теща поднесла бы богамъ подъ носъ такой мицной табаки, отъ которой безсмертные боги убѣжали бы въ тартаръ или въ крайности, въ отчаяніи переселились бы на кіевскую лысую гору. Вы, греки и римляне, создали боговъ домашняго очага, боговъ печи, чуть не создали боговъ макогона и рогача, боговъ сковороды и макитры и... прозѣвали боговъ смѣха и реготу. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, улыбки фавновъ и сатировъ? Это застывшая глупая улыбка природы, улыбка лѣса, рощи въ знойный день, глупый животный смѣхъ комнатной собачки, которую почесали подъ ушкомъ или погладили по спинкѣ. Грѣхъ вамъ греки, за этотъ пробѣлъ въ олицетвореніи и выраженіи въ чудныхъ изящныхъ формахъ силъ

духа. Вашу всесвѣтную ошибку исправилъ вполнѣ и съ достоинствомъ великій бриттъ—Шекспиръ. Однако мои волы вмѣсто *собѣ* взяли *цабе* и свернули съ битаго шляху. Пожалуй, еще надѣлаютъ *патолочи*, попадутся въ *спашу* и очутятся въ *займани*... а строгій волостный сдеретъ съ насъ двойной штрафъ, конечно, положивъ его въ свой собственный карманъ, предварительно подѣлившись съ прожогою—волостнымъ писаремъ, и пропьетъ въ шинкѣ.

Съ лѣтами онъ сталъ полнѣть, и его полные плечи, грудь все также замѣтно дрожатъ отъ безпрерывнаго смѣха; дрожитъ отъ смѣха закинутая голова, дрожатъ золотистые локоны на плечахъ. Онъ не можетъ не выполнять своего назначенія—весело разсказывать и... еще веселѣе смѣяться. Неизгладимо врѣзался въ моей памяти одинъ разсказъ его о своей ссорѣ съ мѣстнымъ помѣщикомъ—паномъ П. Домъ, В. Е. былъ старъ и съ виду скорѣе похожъ на корчму или на жидовскій *заиздъ* (гостинницу), чѣмъ на порядочное обиталище. Помѣщикъ былъ обязанъ починять квартиру. Но помѣщикъ П. совсѣмъ не обращалъ вниманія на запустѣніе квартиры В. Е., похожей на ободранный сарай. В. Е. нѣсколько разъ жаловался начальству. Администраторъ, отъ котораго зависѣло это дѣло, посылалъ предписанія, но и предписанія не дѣйствовали. И вдругъ... этотъ администраторъ во время объѣзда является въ деревню. Квартира В. Е. поразила его. Онъ былъ нервенъ, вспыльчивъ и велѣлъ пригласить помѣщика. Помѣщикъ явился.

— Ты почему не строишь дома?—обратился къ П. раздосадованный администраторъ.—Развѣ я не писалъ тебѣ предписаній? Смотри же мнѣ! Я ѣду въ Богуславъ и буду тамъ ночевать. Догоняй меня и представь смѣту и поручительство, что домъ будетъ немедленно построенъ. Слышишь?

Панъ П. растерялся, поблѣднѣлъ и едва попалъ въ выходную дверь. Форма обращенія на „ты“, самый тонъ изумили его и задѣли амбицію.

— Мій панъ П., почувши таку рацею, постоявъ коло порога и насылу потрапивъ въ двери, зачепившись носомъ объ одвирокъ, сивъ въ экипажъ, тай поихавъ до дому. Прыизжае

винъ у свій двиръ, злизъ зъ экипажа, тай до дверей не дійшовъ. Ой-ой-ой! ажъ стогне винъ; насылу дочалапавъ до прызьбы коло пекарни тай сивъ. Ой-ой-ой! все ойкае та важко дыше, взявшысь рукамы за колина. Такъ разсказывалъ В. Е.—„Грыцьку, каже винъ до погоныча, скажи ты мени, будь ласкивъ, що то таке за птыця?“ — „А хиба-жъ я знаю!“, отзывается Грыцько. — „Чы мае винъ яке право казать мени — ты? Винъ тыкавъ на мене, чи мае винъ таке право?“—„А Богъ его зна! Колы казавъ, то певне мае право“, отвѣчаетъ Грыцько. Панъ П. былъ старъ, вдовъ, не имѣлъ дѣтей. Ему, очевидно, не было съ кѣмъ душу отвести.—„Я панъ зъ дида, зъ прадида, зъ прапрадида. Може двисти, трыста, може тысячу литъ на мій ридъ нихто не тыкавъ. А це хтось прыихавъ, держыть мене коло порога на ногахъ, не посадывъ мене и тыкае на мене. „Охъ, охъ, охъ!“ все стогне панъ П. Вставъ винъ съ прызьбы, вхопывся обома рукамы за черево, тай понисъ свое важке черево въ покои; мабуть обида потрапыла ему въ черево та може й защкодыла, разсказывалъ В. Е.

А писать бумагу и летѣть въ Богуславъ было неизбѣжно нужно. Панъ П. это чувствуетъ. Онъ пишетъ бумагу и отправляется въ Богуславъ и... потомъ немедленно приступаетъ къ постройкѣ дома.

За то панъ П. не остался въ долгу передъ В. Е. По вѣрѣ и по духу полякъ, но по крови и по характеру истый сынъ Украины, да при томъ тоже изъ штукарей, онъ „вструхнувъ штуку“ и В. Е.

— Разъ сыжу я въ своій новій хати, разсказывалъ В. Е., колы чую,—катерынка грае. Грае, тай грае, але десь далеко, нибы за церквою. Присл̀ухуюсь я; катерынка грае якось чудно: якъ разъ якъ двери зъ моеи коморы запыщать самою высокою дыскантовою нотою, та зъизджають помаленьку ажъ на баса, щей гепнуть на кинци, та щей съ прытыскомъ. Оце, думаю, Богъ занисъ въ село якогось нимця. Выйду на часокъ та зъ нудьги послухаю, думаю я. Выхожу; колы чую—ажъ то свыня кувикае. Дывлюсь, ажъ прозъ мій двиръ помалесеньку, неначе молоду зъ перезвою, нэсуть на вози мою рябу свыню. Коло воза паньски

наймыты. Посадылы мою свыню на задни ноги якъ собаку, а спыною прывязалы до крыжовныци. Крычыть свыня, ажъ рыло въ гору до неба задерла, неначе собака вые. А я стою та регочусь. Свыня крычала, крычала, тай зъ голосу спала; вже не кувикае, а мекае, якъ коза,—та скиглыть, якъ собака.—„Спасыби панови за кумедію, кажу я до паньскихъ наймытивъ; ще зъ роду не бачивъ, щобъ свыня сыдила на вози на заднихъ ногахъ, а теперъ побачивъ на свои очи, за це вартъ й гроши заплатыты".

Панъ П. мстилъ В. Е. по штукарски: ноймавъ свинью его въ спашу на своемъ лану, онъ велѣлъ торжественно и съ особенной церемоніей провезти ее мимо враждебнаго двора В. Е., приказавъ посадить ее на возу въ комической, совсѣмъ не свиной позѣ. Бѣда не велика, если свинья помучится. Давніе штукари Потоцкіе, Каневскіе продѣлывали штуки еще похуже и надъ живыми людьми, и то сходило съ рукъ.

— Посылаю я до пана наймыта зъ выкупомъ за свыню, разсказывалъ В. Е.—„Нехай пише прошеніе на мене про свою свыню", каже П. до наймыта. Адже-жъ мусывъ я черезъ его пысаты бумагу, ажъ чубъ мени ставъ мокрый.—„Колы такъ, то нехай панъ взисть мою свыню, кажу я до наймыта, а бумаги пысать я не буду, бо одъ тыхъ бумагъ и въ мене чубъ стае мокрый. Пиды та такъ и скажи панови. Колы дывлюсь, другого дня бижить моя ряба свыня въ мій двиръ ажъ пидскакуе, мабуть рада, що вырвалась зъ неволи. А що, думаю, прокаталась въ экипажи за прогуляння на панськихъ бурякахъ! Ото знай, що де два бьются—третій не мишайся, бо третему найгирше достаеться".

Такъ ли происходило дѣло со всѣми его смѣшными подробностями, сказать навѣрное не могу. Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ былъ извѣстенъ во всей окружности, и веселый В. Е. умѣлъ передать неподражаемо въ смѣшномъ видѣ подробности происшествія. Разсказъ переходилъ, такъ сказать, черезъ его темпераментъ, былъ пропущенъ чрезъ призму его творчества и получалъ радужную, веселую окраску. И все это приправлено было непрерывнымъ звонкимъ смѣхомъ съ веселымъ настроеніемъ духа,

что дѣлало разсказъ вдвое интереснѣе. Появляется В. Е. у кого нибудь въ гостяхъ, онъ вноситъ съ собою веселость, дѣлается центромъ вниманія, особенно если случится двѣ—три особы веселыя, способныя поддержать его штукарское творчество. Тогда его штукарство брызжетъ фонтаномъ, шумитъ непрерывнымъ каскадомъ, пѣнится, какъ шампанское. Разсказъ идетъ за разсказомъ то о сосѣдяхъ панахъ, то о крестьянахъ, то о евреяхъ и цыганахъ.

Однажды владѣлецъ одного очень маленькаго сосѣдняго приселка, уже не молодой паничъ, отправился за границу и даже для чего то побывалъ въ Англіи, вѣроятно, потому, что страстно любилъ лошадей и верховую бѣшеную ѣзду. Возвратившись изъ Англіи, этотъ паничъ влюбился въ англійскій спортъ и ради оригинальничанья, началъ изображать изъ себя англичанина—спортсмена.

— Напявъ на себе якесь куце кепи съ козырькомъ вгору до неба, надивъ цыганьську курточку, натягъ узеньки штанци тильного цвита та батфорты съ довгыми халявамы, тай гоняе по поляхъ та хуторахъ,—разсказываетъ бывало В. Е.,—ему, мабуть, все здавалось, що винъ не въ Перетенчыцяхъ, а десь въ Лондони. Побачылы люде таке дыво тай пытають въ мене: „Що то сталося съ панычемъ? Поки не йиздывъ за граныцю на тепли воды, то ходывъ якъ уси люде: въ штанахъ и шапци, а якъ побувавъ за граныцею, то ставъ йиздыть, пробачайте, безъ штанивъ. Чы то воно такъ ходять тамъ на тихъ теплыхъ водахъ, чи що?“—„Прыдывиться, люде добри, лучче, говорилъ В. Е., то таки на йому штаны, тильки загранычни—дуже влыплы“.—А панокъ и справди часомъ було натягне на себе червону курточку до пояса, тай гоняе по ланахъ, неначе коза-дереза пивъ бока луплена... А въ пояси неначе облупленый, а одъ пояса неначе свитыть гришнымъ тиломъ“,—говорилъ В. Е.

Въ то время пошла мода на фортепіано. В. Е. купилъ и себѣ клавикорды и началъ учить свою дочь играть на нихъ. На вечерахъ молодежь плясала до упаду подъ звуки этихъ несчастныхъ клавикордовъ. В. Е. было смотритъ, смотритъ на эти безконечные танцы и потомъ говоритъ:

— У цихъ панычивъ та паннивъ одно веселье у серци, а другое у пяткахъ. Дывлюсь я на ихъ, а въ ихъ ноги тильки— мель, мель! чысто якъ куляки въ млыновому колеси. Неначе коваль стоить съ розчинеными обценькамы тай щипае кожного за пяты. Якбы катерынка йшла та грала до самисенького Кыева, то воны танцювалы-бъ слидкомъ за катерынкою до самого города и, може-бъ, тильки тамъ схаменулысь".

На сороковомъ году жизни В. Е. постигло несчастіе: нѣжно любимая имъ жена умерла. Отрѣзавъ ея роскошную русую косу, онъ велѣлъ заплести ее, какъ обыкновенно ее заплетала покойница, обвить червонымъ намыстомъ покойницы, и положилъ ее въ небольшой ящикъ подъ стекломъ, какъ дорогое воспоминаніе о своей супругѣ. Поставивъ ящикъ на столикъ въ углу подъ образами, онъ подолгу простаивалъ, глядя на эту роскошную русую косу да червоное намысто, какъ на слабый отблескъ угасшей въ сумеркахъ зари. По смерти жены В. Е. загрустилъ, пріунылъ, но... не надолго. Опять въ скоромъ времени раздалось его веселое хи-хи-хи! Опять онъ веселъ и забавляетъ всѣхъ. Только лицо его съ теченіемъ времени начало полнѣть не въ мѣру, стало буквально „ширше, нижъ довше", какъ выражаются у насъ селяне; щеки стали красныя... Онъ и теперь годился занять мѣсто на Олимпѣ, но уже не въ образѣ Купидона, а въ болѣе солидномъ образѣ Бахуса. Творчество его юмора начало упадать, какъ бы гаснуть. Онъ шутилъ и смѣялся все рѣже. Веселые разсказы какъ бы теряли букетъ и не вызывали взрывовъ смѣха, а только улыбки. В. Е. началъ какъ будто задумываться и въ одно прекрасное лѣтнее утро умеръ отъ удара.

Припоминается мнѣ еще одинъ штукарь. Этотъ былъ уроженецъ Кіева. Онъ происходилъ изъ средней кіевской буржуазіи. Его штуки тоже были смѣшны и забавны, но только нѣкоторыя изъ нихъ носили на себѣ отпечатокъ народнаго юмора. Онъ примѣшивалъ къ нимъ гостинные каламбуры, хотя и эти каламбуры были забавны. Замѣчательно, что какъ только онъ женился,—въ немъ положительно изсякъ этотъ источникъ штукарства. Его юморъ совсѣмъ погасъ, какъ гаснетъ потушенная свѣча. Супружескія-ли узы имѣли такое вліяніе на его способ-

ность къ штукарству, или же онъ получилъ въ приданное кіевскую тещу, превзошедшую огнемъ жегомую, знаменитую корсунскую тещу отца діакона—объ этомъ исторія, вообще большая охотница скрывать истинныя причины многихъ и многихъ явленій жизни, благоразумно умалчиваетъ. Этому штукарю не попасть на Олимпъ.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1])

ГЛАВА II.

Шляхетство.

Изобразивши броженіе умовъ въ Малороссіи, мы перейдемъ къ обозрѣнію наказовъ отъ шляхетства, какъ наиболѣе виднаго сословія, съ желаніями котораго приходилось сообразоваться правительству въ своихъ предначертаніяхъ. Къ даннымъ наказовъ мы постараемся присоединять по каждому вопросу все, что говорилось шляхетскими депутатами и на засѣданіяхъ коммиссіи, но заранѣе предупреждаемъ читателя, что малороссіяне говорили въ коммиссіи довольно мало и оживлялись только тогда, когда рѣчь заходила объ ихъ краѣ, привилегіяхъ и вольностяхъ. Въ этихъ случаяхъ депутаты обыкновенно старались подчеркнуть предъ своими собратіями по коммиссіи, что они, малороссіяне, особый „благоприсоединившійся народъ“ и потому желаютъ пользоваться привилегированнымъ положеніемъ; но такихъ моментовъ было немного, дѣла же Великороссіи и ея окраинъ вообще мало интересовали малороссіянъ, ибо не были имъ извѣстны. Что касается собственно шляхетства, то особенно замѣтное оживленіе въ его средѣ было вызвано чтеніемъ проекта о правахъ благородныхъ, и нѣсколько ораторовъ, говорившихъ по сему предмету, оставили намъ весьма обстоятельныя „мнѣнія“, но такъ какъ этихъ мнѣній немного, то намъ при

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1890, 8.

характеристикѣ шлехетскихъ desiderata придется руководиться главнымъ образомъ наказами.

Обращаясь къ ихъ содержанію, необходимо прежде всего отмѣтить въ нихъ одну весьма яркую, проходящую красной нитью, черту—я имѣю въ виду страстныя и дѣятельныя хлопоты малороссіянъ остаться на томъ положеніи, „на какомъ Б. Хмельницкій со всѣмъ малороссійской націи корпусомъ подъ державу великороссійскую приступилъ“, при чемъ это желаніе не составляло особенности однихъ шляхетскихъ наказовъ, но являлось общимъ голосомъ всей Малороссіи, и не было ни одного наказа, гдѣ бы такъ или иначе не говорилось объ этомъ и гдѣ-бы прошлое малороссійскаго народа не выставлялось идеаломъ и для будущей общественной жизни Украины.

Не считая возможнымъ приводить здѣсь подлинныя прошенія по упомянутому предмету, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько ссылокъ для иллюстраціи, въ какомъ видѣ шляхетство различныхъ полковъ представляло себѣ подтвержденіе прежнихъ привилегій своего отечества въ новосочиняемомъ Уложеніи. Глуховцы и черниговцы просили, напримѣръ, чтобы Малороссія была оставлена при всѣхъ своихъ вольностяхъ и выгодахъ и чтобы онѣ для вѣчнаго храненія и исполненія были занесены въ проектируемое Уложеніе и помѣщены въ немъ на приличныхъ мѣстахъ; при этомъ черниговское шляхетство хлопотало еще объ исправленіи отечественнаго законодательства, справедливо находя его устарѣлымъ и указывая его слабыя стороны [1]); что же касается до глуховскаго, то оно, молило императрицу, объ утвержденіи малороссійскихъ вольностей новымъ „высокоматернимъ привилегіемъ“ и отдавало на ея волю все, что касалось исправленія или измѣненія этихъ вольностей при внесеніи ихъ въ новосочиняемое Уложеніе [2]). Почти съ такими же просьбами мы встрѣчаемся и въ наказѣ отъ переяславскаго шляхетства, полагавшаго, что императрица сама измѣнитъ въ его привилегіяхъ только то, что найдетъ или неполезнымъ, или непри-

[1]) Наказы, стр. 13.

[2]) Ibid., стр. 4.

личнымъ состоянію современнаго общества, лично же переяславцы не находили нужнымъ измѣнять своихъ правъ и вольностей ни въ чемъ, кромѣ положеній Статута, касающихся особы государя, да законовъ о шляхетской службѣ, не отвѣчавшихъ, по мнѣнію переяславцевъ, просвѣщенному состоянію ихъ сословія [1]). Въ общемъ, всѣ три наказа соглашались, что вольности Малороссіи должны быть удержаны безусловно, но въ то же время они сознавались, что многое въ общественномъ строѣ Украины нуждается въ освѣженіи и поправкѣ и предоставляли это сдѣлать самой императрицѣ по ея волѣ и усмотрѣнію, но лишь съ сохраненіемъ главныхъ, коренныхъ особенностей Малороссіи. Если мы коснемся остальнаго шляхетства,—полковъ: лубенскаго, прилуцкаго, гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго,—то и въ его наказахъ встрѣтимся съ тѣми же ходатайствами, чтобы край малороссійскій былъ трактованъ въ новомъ Уложеніи по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ и по подтвержденнымъ пунктамъ, но, въ отличіе отъ раньше названныхъ наказовъ, мы не найдемъ въ нихъ рѣшительно никакихъ просьбъ объ обновленіи законовъ, или объ измѣненіи ихъ по усмотрѣнію верховной власти; исключенія въ этомъ случаѣ не было сдѣлано ни для одной части Л. Статута, который, по словамъ лубенскаго шляхетства, „малороссійскій народъ въ судахъ и расправахъ своихъ чрезъ 113 лѣтъ до нынѣ употребляетъ къ своему удовольству“ [2]). Солидарность взглядовъ шляхетства въ этомъ отношеніи была полнѣйшая, однако же самое смѣлое напоминаніе, какое только было сдѣлано шляхетствомъ о подтвержденіи ему вольностей, мы находимъ не въ наказахъ, а въ прошеніи всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, поданномъ чрезъ маршала Бибикова Екатеринѣ II, по прочтеніи въ коммиссіи проекта о правахъ благородныхъ, когда шляхетству къ прискорбію пришлось убѣдиться, что его привилегіи не только не нашли себѣ мѣста въ проектѣ, но совершенно были пройдены молчаніемъ. При такомъ оборотѣ дѣла депутаты, и главнымъ образомъ, конечно, шляхетскіе, взяли

---

[1]) Наказы, стр. 37.

[2]) Ibid., стр. 57.

на себя смѣлость напомнить императрицѣ о томъ, „извѣстномъ всему міру обстоятельствѣ“, что малороссійскій народъ, свергнувши съ себя иго польской республики, добровольно присоединился къ московскому государству на томъ основаніи, чтобы ему оставаться вѣчно при всѣхъ своихъ вольностяхъ, правахъ, свободахъ и обыкновеніяхъ такъ, какъ онъ состоялъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, безъ всякаго нарушенія и отмѣны [1]), и что упущеніе въ проектѣ о правахъ благородныхъ привилегій малороссійскаго шляхетства составляетъ нарушеніе самаго важнаго договора. Это заявленіе, сдѣланное торжественно въ многолюдной коммиссіи отъ лица всѣхъ депутатовъ, представляло самое сильное выраженіе протеста малороссіянъ противъ игнорированія ихъ областныхъ особенностей и мы привели его, что бы подтвердить, что малороссіяне боролись противъ этого и молили императрицу не нарушать ихъ вольностей. Сохраненіе правъ и привилегій Украйны и ея шляхетства—вотъ основной фонъ всѣхъ прошеній и въ соотвѣтствіи съ нимъ расположены и другія желанія малороссійскаго шляхетства.

Каковы же были желанія и нужды шляхетства?

Прежде всего остановимъ свое вниманіе на вопросѣ спеціально сословнаго характера, составлявшемъ главный нервъ шляхетскихъ помышленій, — вопросѣ о дворянствѣ малороссійскаго шляхетства и объ уравненіи его въ правахъ съ великорусскимъ. На первый взглядъ просьбы шляхетства о признаніи его дворянствомъ могутъ показаться довольно странными. Хочется спросить, почему-же шляхетству, т. е. тому же малорусскому дворянству, утвержденному въ этомъ состояніи грамотами королей польскихъ и царей московскихъ, явилась нужда просить объ утвержденіи себя въ дворянствѣ? Какъ это могло случиться?

Чтобы понять это явленіе, мы должны припомнить, что въ Малороссіи исконныхъ шляхетскихъ или дворянскихъ родовъ было очень мало, ими могла похвалиться развѣ только одна Сѣверщина; что же касается большинства остальныхъ родовъ, причислявшихъ себя къ шляхетству, то они были сравнительно

[1]) Ibid., 178.

недавняго происхожденія и только фактически пользовались положеніемъ „шляхетскаго стану людей", но не имѣли на свое званіе никакихъ грамотъ, ни польскихъ, ни русскихъ, не говоря уже о родословныхъ книгахъ. Это въ сущности были *старые старшинскіе роды*, представители которыхъ тогда или ранѣе занимали извѣстные старшинскіе уряды, владѣли населенными крестьянами землями и другими угодьями; шляхетское званіе они основывали, за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, на службѣ, своей или своихъ предковъ, и на пожалованіи отъ царей и гетмановъ деревнями и землями за особыя заслуги предъ отечествомъ, хотя въ дѣйствительности этихъ заслугъ часто и не было и пожалованіе производилось по другимъ побужденіямъ. Но достаточно-ли было, могутъ спросить, одной принадлежности къ старшинскому роду, чтобы считаться шляхтичемъ? На это мы замѣтимъ, что до присоединенія Малороссіи къ Россіи старшина, т. е. государственный чиновникъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичемъ, но не шляхетство давалось службой, а наоборотъ служба составляла право только лицъ шляхетскаго званія и никто другой не могъ ею пользоваться, съ измѣненіемъ же соціальныхъ отношеній въ Малороссіи, произведенныхъ козацкими войнами и возсоединеніемъ съ Россіей, измѣнились и многіе порядки. Прежде всего, важная перемѣна произошла въ томъ, что козацкая сабля разрушила весь прежній строй жизни; соціально-экономическія отношенія польско-шляхетскаго типа были разбиты, незначительная шляхта въ огромномъ большинствѣ случаевъ бѣжала за Днѣпръ и на развалинахъ панскихъ хозяйствъ возникла совсѣмъ другая, козацкая жизнь, пробивавшая себѣ русло въ предыдущіе годы. Завелся новый строй, новые порядки, новые обычаи; на уряды козаки стали избирать, конечно, не шляхетство, котораго послѣ его бѣгства за Днѣпръ было-бы слишкомъ недостаточно, а своихъ козацкихъ начальниковъ, старшинъ, которые и сосредоточили въ своихъ рукахъ власть гражданскаго и воинскаго управленія. Затѣмъ далѣе, благодаря личнымъ заслугамъ, богатству, талантамъ и способностямъ однихъ предъ другими, изъ рядовъ простого козачества волной историческихъ событій стали выдвигаться извѣстные роды, въ которыхъ

старшинская власть стала удерживаться по преимуществу и переходить изъ одного поколѣнія въ другое. Не вдаваясь въ обсужденіе причинъ этого обычнаго явленія преемственности власти, мы скажемъ, что далеко еще ранѣе разсматриваемаго времени въ Малороссіи образовалось довольно много старшинскихъ аристократическихъ родовъ, всплывшихъ, такъ сказать, на поверхность изъ рядовъ простого козачества; не всѣ они, конечно, занимали мѣста въ администраціи, но это и не было важно. Дѣло въ томъ, что не они, такъ ихъ предки занимали старшинскія должности и, пользуясь своимъ положеніемъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ отчасти путемъ пожалованія, отчасти путемъ заимокъ, захвата и другихъ болѣе или менѣе законныхъ средствъ, многочисленныя земли, населивъ которыя посполитыми и обложивъ ихъ податьми и данями, старшинская аристократія достигла вполнѣ положенія „шляхетскаго стану людей“ и считала себя сама и её считали другіе вполнѣ законнымъ шляхетствомъ, хотя у этого шляхетства и не было никакихъ документовъ о своемъ званіи, кромѣ голаго факта—привилегированнаго положенія и пользованія шляхетскими правами.

Конечно, лица, причислявшія себя къ шляхетству, не объясняли своей родословной съ такой откровенностью какъ мы, но утверждали, что они истинные потомки старой шляхты, но что ихъ грамоты и дипломы растеряны [1]) во время бывшихъ въ Малороссіи междоусобныхъ распрей и войнъ съ татарами, турками и поляками, и что ихъ шляхетское званіе достаточно доказывается уже принадлежностью ихъ къ старшинскимъ чинамъ и владѣніемъ населенными землями, ибо это въ древности составляло право только лицъ благороднаго происхожденія. Будемъ-ли мы вѣрить этому объясненію, или, зная о бѣгствѣ старой шляхты за Днѣпръ, усумнимся въ его правдивости, однако фактъ тотъ, что у шляхетства екатерининскаго времени рѣшительно не доставало доказательствъ своего званія и это была первая причина, почему оно съ особою тщательностью обратило вниманіе на вопросъ о причисленіи себя къ дворянамъ, ибо едва-ли

[1]) Нак., 68.

можно сомнѣваться, что заботы шляхетства были бы далеко меньше, если бы у него имѣлись дипломы или другіе документы о не предполагаемой, а дѣйствительной принадлежности его къ старымъ дворянскимъ родамъ. Мы это говоримъ потому, что нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы русское правительство, признававшее дворянство иностранныхъ выходцевъ, отказало бы въ этомъ своимъ подданнымъ, которыхъ оно обѣщало содержать при всѣхъ ихъ правахъ и привилегіяхъ.

Второй причиной особыхъ хлопотъ шляхетства объ уравненіи съ дворянствомъ могло быть, по нашему мнѣнію, убѣжденіе, господствовавшее въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что въ Малороссіи нѣтъ дворянъ; такъ, напримѣръ, Сенатъ незадолго предъ этимъ подтверждая свое запрещеніе принимать малороссіянъ въ шляхетскій кадетскій корпусъ, объявилъ, что въ „Малой Россіи нѣтъ дворянъ“ и, конечно, сами малороссіяне не могли въ душѣ не сознаться, что объявленіе Сената съ формальной точки зрѣнія было вполнѣ основательно. Обращаясь по этому поводу къ наказамъ, мы въ прошеніи гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства встрѣчаемся съ сознаніемъ, что за утратой родословныхъ документовъ, большая часть шляхетства узнается въ Малой Россіи не по документамъ, а по другимъ признакамъ, какъ-то: a) по владѣнію пожалованными землями, деревнями и др. угодьями, ибо это пожалованіе могло производиться только однимъ прирожденнымъ и заслуженнымъ шляхтичамъ, b) по службѣ въ военныхъ, гражданскихъ и земскихъ чинахъ, ибо въ эти должности могли выбираться только лица изъ знатнаго шляхетства, c) по происхожденію отъ знатныхъ чиновниковъ, ибо потомки ихъ должны пользоваться тѣми же правами, что и дѣйствительные чиновники и, наконецъ, d) незначительная часть по дипломамъ и другимъ документамъ. Изъ соображенія представленныхъ шляхетствомъ внѣшнихъ признаковъ принадлежности къ благородному сословію такимъ образомъ оказывается, что признаки эти довольно многочисленны и крайне растяжимы и что кругъ шляхетства не былъ очерченъ какими либо опредѣленными рамками, почему нельзя не согласиться съ Сенатомъ, что дворянъ, какъ сословія, въ Малороссіи не было.

Въ томъ, что шляхетское званіе многихъ малороссійскихъ фамилій не было точно установлено, а иныхъ даже возбуждало сомнѣніе среди самихъ малороссіянъ, можно убѣдиться изъ письма Румянцева къ Екатеринѣ, въ которомъ онъ доносилъ ей, что не обошлось ни одно собраніе безъ того, чтобы одинъ не укорялъ другаго въ самозванномъ шляхетствѣ, и чтобы раздраженные противники не вели генеалогіи даже самознатнѣйшимъ вельможамъ отъ мѣщанина или отъ жида; „уличаемо было—продолжалъ графъ—что и по нѣсколько разъ свои имена нѣкоторые по необходимостямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе пороки здѣсь примѣшивались“ [1]). Оставляя въ сторонѣ сарказмъ Румянцева, нельзя не согласиться съ нимъ, что такъ какъ условія принадлежности къ шляхетству были очень эластичны, то нерѣдко шляхетскимъ правомъ въ Малороссіи пользовались на ряду съ заслуженными и извѣстными родами и лица совершенно темнаго происхожденія, ничѣмъ себя не выказавшія и, разумѣется, объ утвержденіи въ дворянствѣ хлопотали одинаково тѣ и другіе. До этого вожделѣннаго момента наша шляхта не могла себя чувствовать спокойной, несмотря даже на видимое безучастное отношеніе правительства къ положенію вещей ею завоеванному. И дѣйствительно, хорошо ей живется теперь, но кто знаетъ,—пройдетъ годъ, два, и верховная власть можетъ лишить ее благоденствія, капля по каплѣ ею созидавшагося впродолженіе цѣлаго столѣтія, точно такъ, какъ она лишила Малороссію гетмана и другихъ привилегій. Уже не разъ русское правительство обращало вниманіе на слишкомъ обильную и щедрую раздачу гетманами войсковыхъ маетностей въ ущербъ казнѣ и интересамъ войска; о разграбленіи коронныхъ земель въ самое послѣднее время говорили и Тепловъ, и Румянцевъ въ своихъ запискахъ о неустройствахъ въ Малороссіи; Румянцевъ, вообще недружелюбно относившійся къ старымъ порядкамъ въ Малороссіи, еще добавлялъ императрицѣ, что болѣе 300 селъ и деревень, не исключая и городовъ, принадлежавшихъ коронѣ, разошлись путемъ злоупотребленій въ частную собственность.

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос. т. 27, стр. 47.

Шумъ, поднятый Тепловымъ и Румянцевымъ, о разграбленіи казенныхъ земель не имѣлъ бы, конечно, никакого значенія въ вопросѣ о дворянствѣ шляхетства, если бы послѣднее само не связало владѣнія землей, деревнями и т. д. съ шляхетскимъ званіемъ и не поставило бы послѣднее условіемъ для перваго, такъ что при возвращеніи разграбленной собственности въ казну многія лица потеряли-бы и самыя права на шляхетское званіе. Естественно, при такомъ взглядѣ могло случиться, что при такой неувѣренности и нетвердости своего положенія вопросъ объ уравненіи шляхетства, какъ оно выражалось, въ честяхъ и славѣ съ великороссійскимъ дворянствомъ составлялъ для него вопросъ жизни и смерти: если его претензія на дворянство не возбудитъ никакихъ пререканій и будетъ удовлетворена верховной властью, т. е. вся масса претендентовъ будетъ нобилитована, то его будущее спасено и обезпечено; если жъ благородство малороссійскаго шляхетства будетъ заподозрѣно и не найдетъ себѣ опоры въ проектируемомъ Уложеніи, то будущее его сомнительно и неизвѣстно.

Теперь понятно, почему составители наказовъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе правъ и преимуществъ шляхетства, прежде всего поставили на видъ вопросъ о пріобщеніи его къ россійскимъ нобилямъ. На ряду съ этимъ наказы хлопотали также объ уравненіи воинскихъ малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими и о непредпочтеніи однихъ предъ другими. Нобилитація и уравненіе въ чинахъ — это два спеціально шляхетскихъ, сословныхъ желанія и ходатайства и онѣ составляютъ самое живое мѣсто во всѣхъ наказахъ, прошеніяхъ и устныхъ заявленіяхъ депутатовъ, говорившихъ въ коммиссіи. Здѣсь кстати можно напомнить, что ходатайства объ уравненіи чиновъ не были уже первыми; еще гетм. Разумовскій [1]) и ранѣе его малороссійская старшина хлопотали объ уравненіи въ чинахъ и о распространеніи на малороссіянъ дѣйствія табели о рангахъ, что въ свою очередь повело бы къ развитію въ Мало-

[1]) „Кіевская Старина“, 1883 г., № 7. Прошеніе о возстановл. стар. правъ въ Малороссіи.

россіи личнаго и потомственнаго дворянства. Слѣдовательно, вопросъ о чинахъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ для многихъ и вопросомъ о дворянствѣ, но, къ прискорбію нашихъ чинолюбцевъ, ихъ просьбы остались безъ всякой резолюціи и екатерининская законодательная коммиссія представила весьма удобный случай, чтобы снова заговорить о своемъ излюбленномъ предметѣ. И, дѣйствительно, наказы всѣхъ полковъ наполнены прошеніями о томъ, чтобы малороссійскіе чины „уравнить классами противъ великороссійскихъ“.... и „чтобы малороссійскіе чиновники могли пользоваться и онымъ съ ними уравненіемъ *и презираемы быть не могли*“. Гадяцкое, полтавское, миргородское, а также и другихъ полковъ шляхетство, кромѣ прочихъ мотивовъ уравненія чиновъ, выставляло на видъ еще и то обстоятельство, что, благодаря неравенству чиновъ, малороссіяне во всѣхъ случающихся коммиссіяхъ всегда бываютъ отъ великороссіянъ „презираемы“ и „упослѣжаемы“ и узнаютъ отъ нихъ обиду и многія огорченія. Этотъ мотивъ взятъ весьма вѣрно. Жалобами малороссіянъ на великороссійскихъ чиновниковъ, свысока третировавшихъ малороссійскихъ старшинъ и ихъ чины, дѣйствительно, можно было завалить нѣсколько коммиссій и уравненіе чиновъ могло-бы послужить нѣкоторой преградой къ пренебрежительному отношенію великорусскихъ чиновниковъ къ малороссійскимъ. Не имѣя нужды вдаваться здѣсь въ объясненіе причинъ, почему возникло предпочтеніе однихъ чиновъ предъ другими, мы должны сказать, что оно началось довольно рано, вскорѣ по возсоединеніи, и росло вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности Украйны. Спѣсь и заносчивость великорусскихъ чиновниковъ были, такъ сказать, прямо пропорціональны упадку внутренней жизни и правителей Малороссіи, не сдерживавшихъ въ должной мѣрѣ обидчиковъ. Сами малороссіяне, видя невниманіе верховной власти къ ихъ чинамъ на томъ основаніи, что чины давались не ею, а получались по выборамъ, стали относиться къ нимъ съ недовѣріемъ и охотно лѣзли въ великорусскіе штатскіе и военные чиновники. Такимъ образомъ, обезцѣненіе малороссійскихъ чиновъ шло съ двухъ сторонъ и достигло такого состоянія, что, по словамъ наказовъ, самый простой великорусскій офицеръ считалъ себя въ

правѣ высокомѣрно обращаться съ знатными старшинами и оскорблять ихъ національныя чувства. Поэтому, ходатайства объ уравненіи въ чинахъ начали поступать отъ малороссіянъ довольно рано и нельзя сказать, чтобы само правительство не чувствовало этой необходимости. Такъ депутатъ Политика въ примѣчаніи къ своему представленію въ коммиссію сообщалъ [1]), что Коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733 г., Правит. Сенатъ въ 1756 г. и Коммиссія о дворянской вольности въ 1763 г. подали свои мнѣнія объ уравненіи чиновъ, „хотя-бы и съ уничтоженіемъ противъ бывшаго при Петрѣ Великомъ счисленія". О томъ же хлопоталъ въ 1764 г. и гетманъ Разумовскій въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи; малорусскій народъ—писалось въ прошеніи—въ бытность Малой Россіи подъ Польшею имѣлъ полное равенство съ коронными и литовскими чиновниками и для него не были закрыты первѣйшія должности, соединенныя съ сенаторскимъ достоинствомъ; съ присоединеніемъ къ московскому царству малороссіяне также содержались, согласно своимъ правамъ и достоинствамъ, т. е. гетманы считались въ первыхъ классахъ и жаловались въ бояре (Брюховецкій), а полковники—въ стольники. Съ введеніемъ Петромъ I табели о рангахъ малороссіяне остались въ невыгодномъ для своего честолюбія положеніи, такъ какъ въ табели ничего не было упомянуто ни о гетманѣ, ни объ остальной малороссійской старшинѣ и, что всего обиднѣе, въ ней не было даже указано, въ какомъ соотношеніи съ ея чинами должны находиться чины, существовавшіе въ Малороссіи. Послѣдствіемъ этого было то, что офицеры самыхъ низшихъ чиновъ стали считать за право, „чтобы преимущество брать надъ знатною малороссійскою старшиною за то только, что нѣтъ никакого понятія, какъ имъ считаться съ великороссскими чинами".

Изъ сказаннаго нами о связи между службой въ старшинскихъ чинахъ и правами на шляхетское или дворянское званіе можно, я думаю, догадаться, какимъ образомъ относились шляхетскіе депутаты къ извѣстному спору въ коммиссіи между по-

[1]) Наказы, 176.

борниками дворянства по происхожденію или крови и „по чину“. Такъ какъ однимъ изъ главныхъ основаній къ „положенію во дворянство“ потомки малороссійскихъ чиновъ выставляли ревностную службу своихъ предковъ, а для многихъ изъ служившихъ государственная служба была, пожалуй, единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ полученію дворянства, то всѣ шляхетскіе депутаты и высказались за дарованіе дворянства чрезъ полученіе чина. Демократизмъ малороссійскаго шляхетства сходился въ этомъ случаѣ съ демократизмомъ табели о рангахъ, проводившей чрезъ свои ступени въ среду благородныхъ всякаго подлаго человѣка; пріятно вспомнить, что украинскіе депутаты не обнаружили по этому предмету никакихъ колебаній и нисколько не сокрушались, что пріобрѣтеніемъ дворянства по службѣ будетъ „уподляться“ самое дворянское сословіе. Мы не встрѣтили также въ мнѣніяхъ депутатовъ и того желанія нѣкоторыхъ великорусскихъ дворянъ, чтобы среда самого дворянства была расколота на двѣ отдѣльныя части—одну дворянъ по крови, другую дворянъ по чину, и вообще мнѣнія малороссіянъ по этому вопросу отличались большою трезвостью. Для примѣра мы можемъ указать на рѣчь гадяцкаго депутата Мотониса, возражавшаго защитникамъ кровнаго дворянства. Каждое поколѣніе дворянъ—говорилъ онъ—имѣло свое начало, съ тѣмъ различіемъ, что одни получили дворянство „чрезъ заслуги и добродѣтели“ раньше, а другіе позже; но похвальныя качества людей должны возводить ихъ въ благородство всегда, т. е. одинаково теперь, какъ и прежде, и это есть ничто иное, какъ возмездіе за заслуги, подобно тому, какъ наказаніе есть возмездіе за преступленія и злодѣянія. Подлаго, съ точки зрѣнія Мотониса, у государя не должно быть никого; всякій землевладѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ честенъ и знатенъ своими трудами, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ; подлы только тѣ, кто, имѣя дурныя свойства, занимаются дурными дѣлами и нарушаютъ общественное спокойствіе. Развивая свою мысль далѣе, Мотонисъ находилъ, что Петръ I введеніемъ табели о рангахъ не сдѣлалъ ничего новаго противъ своихъ предковъ, такъ какъ и раньше его чины приносили дворянскую честь и достоинство и поэтому

онъ находилъ, что чиновники имѣютъ полное право на возведеніе въ дворянство, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы оно не было въ тягость государству и согласовалось съ потребностями государственной службы [1]) Къ мнѣнію Мотониса единодушно присоединились и остальные малороссійскіе депутаты, а извѣстный своимъ патріотическимъ настроеніемъ Политика, раздѣляя точку зрѣнія Мотониса, заявилъ, что правами благородныхъ должны пользоваться не только кровные дворяне, но „такожъ и всѣ тѣ, кои до окончанія сего проекта (т. е. проекта о правахъ благородныхъ) получили воинскіе и гражданскіе, съ дворянствомъ сопряженные чины“ [2]). Причинъ тому Политика находилъ много: во 1-хъ, по его мнѣнію, государи вольны жаловать въ чины, влекущіе за собою дворянство, и было бы предосудительно ихъ слову выключить изъ числа дворянъ всѣхъ, получившихъ это званіе чрезъ службу, ибо этимъ были бы обижены всѣ, кто, не будучи дворяниномъ, достигъ чиновъ и пріобрѣлъ себѣ на этомъ правѣ недвижимыя имѣнія. Во вторыхъ, становясь на юридическую точку зрѣнія, Политика доказывалъ, что право новыхъ дворянъ есть родъ привилегій, а таковыя не отнимаются безъ какихъ либо преступленій и, наконецъ, полученіе дворянскаго достоинства только тамъ стараются сдѣлать затруднительнымъ, гдѣ очень много дворянъ, въ Россіи же, по мнѣнію докладчика, ихъ весьма недостаточно и кромѣ того опытами доказано, „что тѣ монархіи сильнѣе и безопаснѣе, которыя по мѣрѣ пространства своего имѣютъ довольное число дворянъ, потому то сей родъ людей первая и сильнѣйшая подпора престолу“. Защищая дворянство „по чину“, Политика однако считалъ необходимымъ предоставить право пожалованія имъ не высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, дающимъ чины, а одному только государю, такъ какъ достиженія извѣстнаго чина въ его глазахъ еще недостаточно, чтобы стать дворяниномъ. Чинъ есть только условіе, но государь имѣетъ факультативное право сдѣлать или не сдѣлать кого либо дворяниномъ, хотя бы къ тому и существовали всѣ формальныя основанія. Что касается

---

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. IV, стр. 170.

[2]) Тотъ же Сборникъ т. 32, стр. 347.

нобилитаціи наличной массы шляхетства, то въ пользу ея, кромѣ указаній на заслуги предковъ и награжденіе ихъ чинами, въ наказахъ особенно часто встрѣчаются ссылки на пожалованіе малороссіянъ деревнями, землями, мельницами и пр., что, по мнѣнію составителей наказовъ, само по себѣ уже даетъ право считаться наравнѣ съ дворянами, „ибо не одно имя дворянина, представлялъ Политика, но больше того помѣстья и отчины, жалуемыя за службу къ отечеству, составляли въ прежнія времена прямое дворянское достоинство; между малороссійскимъ шляхетствомъ и россійскимъ дворянствомъ различіе состояло только въ одномъ имени, т. е. что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и другіе чины съ помѣстьемъ и отчинами, а малороссійскіе въ старшины съ тѣмъ же". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта аналогія Политики вполнѣ правильна и что наличность жалованныхъ деревень могла бы служить лучшимъ правовымъ основаніемъ для провѣрки законности претензій лицъ, хлопотавшихъ о дворянствѣ, но слабая сторона этого основанія состояла въ томъ, что при царствовавшей въ Малороссіи долгіе годы анархіи и волненіяхъ жалованныя грамоты многихъ были утрачены и къ концу XVIII вѣка было бы крайне трудно опредѣлить, у кого изъ малороссіянъ земли дѣйствительно жалованныя, а у кого скупленныя или захваченныя. Выйти изъ такого затрудненія можно было только признавъ всѣ старшинскіе роды, владѣющіе землями, дворянскими, конечно, къ большому ихъ удовольствію.

Какъ поступило по означенному вопросу русское правительство мы скажемъ немного ниже, теперь же посмотримъ, какъ думало шляхетство устроить внутреннюю организацію своего сословія, хотя, къ сожалѣнію, мы должны признаться, что обладаемъ по этому вопросу болѣе чѣмъ скромными данными. Существенное содержаніе всѣхъ наказовъ по этому предмету исчерпывается просьбами шляхетства объ учиненіи всѣмъ знатнымъ фамиліямъ, получившимъ дворянство отъ королей польскихъ, а также всѣмъ чиновникамъ, служащимъ и отъ службы уволеннымъ, а также и тѣмъ лицамъ, чьи предки вѣрно служили въ чинахъ военныхъ и штатскихъ, *„именного списка"*—„къ дости-

женію прославленія и въ чинахъ равенства". Учиненіемъ этого списка, или иначе геральдическихъ книгъ, составители наказовъ полагали: во 1-хъ, устранить на будущее время сомнѣнія о шляхетскомъ званіи малороссійскихъ родовъ и пресѣчь злоупотребленія, происходящія отъ неправильнаго присвоенія его „простонародными", не имѣющими за собою никакихъ заслугъ и преимуществъ, и во 2-хъ, дать малороссійскому шляхетству „твердое мѣроположеніе", т. е. утвердить его сословную честь на пристойной степени и мѣстѣ, ибо, разсчитывали составители, разъ разряды или „порядочныя" книги будутъ заведены, то кругъ шляхетства точно установится, сомнѣнія о „породѣ" его устранятся сами собой и въ будущемъ уже не будетъ мѣста для повторенія тѣхъ печальныхъ явленій прошлаго, когда заслуги и военныя доблести шляхетства не только оставались безъ всякаго возмездія со стороны верховной власти, но и само сословіе подвергалось отъ великороссійскихъ чиновниковъ явному пренебреженію и лишенію слѣдуемой ему славы и чести.

Кромѣ общаго желанія всѣхъ наказовъ учредить для малороссійскаго шляхетства герольдію, нѣкоторыми изъ нихъ было выражено еще стремленіе создать изъ шляхетства болѣе или менѣе замкнутую сословную группу. Таковы, напримѣръ, были желанія черниговцевъ, просившихъ, чтобы никому постороннему, не внесенному въ шляхетскіе списки не было бы позволено покупать шляхетскихъ земель и угодій прежде чѣмъ покупатель не будетъ принятъ въ шляхетское сообщество по докладу г. губернатора общимъ всего шляхетства и его предводителя опредѣленіемъ [1]). Стремясь этимъ путемъ ограничить доступъ въ шляхетское сословіе, черниговцы, а съ ними переяславцы, выразили также желаніе имѣть свой особый для сословныхъ нуждъ органъ и съ этою цѣлью просили обратить временную должность предводителей въ постоянную и точнѣе опредѣлить ихъ права и обязанности по представительству мѣстныхъ интересовъ дворянскихъ обществъ предъ верховной властью. Это разумное желаніе малороссіянъ нашло себѣ сильную поддержку въ велико-

[1]) Наказы, стр. 16, 43.

русскихъ и финляндскихъ наказахъ, исполненныхъ того же рода прошеній, и даже, можно сказать, болѣе подробно въ этомъ отношеніи разработанныхъ [1]); что касается другихъ желаній въ смыслѣ внутренняго устройства шляхетскаго сословія, то таковыхъ болѣе въ наказахъ не имѣется и мы, покончивъ съ этимъ вопросомъ, коснемся теперь того, какимъ образомъ согласить выраженное малороссійскимъ шляхетствомъ тяготѣніе къ децентрализаціи и самобытности съ его же стремленіемъ къ „сообществу и объединенію въ одинъ корпусъ“ съ великорусскими дворянами. Не противорѣчитъ ли одно другому? Мы ставимъ этотъ вопросъ потому, что нѣкоторые изслѣдователи, какъ г. Авсѣенко, а за нимъ и г. Латкинъ, основываясь на иныхъ мѣстахъ наказовъ, трактовавшихъ о дружбѣ и единеніи съ великорусскими дворянами, пытаются доказать, что въ малорусскомъ обществѣ XVIII вѣка отсутствовали стремленія не только къ національной, съ чѣмъ согласны и мы, но и къ провинціальной обособленности, чего уже никакъ нельзя допустить въ виду массы указаній прямо противоположнаго характера. По мнѣнію г. Авсѣенко, содержаніе, тонъ и характеръ наказовъ „ясно и неопровержимо свидѣтельствуютъ, что въ малороссійскомъ шляхетствѣ XVIII вѣка не существовало никакихъ стремленій къ національной или даже провинціальной самобытности“, что шляхетство, хотя и сознавало свою отдѣльность отъ русскаго дворянства, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремилось не только сравниться въ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ, но слиться съ нимъ дружественно и единодушно [2]) Того же мнѣнія держится и г. Латкинъ въ своемъ трудѣ „Законодательныя коммиссіи въ XVIII вѣкѣ“ [3]); но насколько это мнѣніе основательно и заслуживаетъ довѣрія можно судить по рѣчамъ малороссійскихъ ораторовъ, говорившихъ о проектѣ о правахъ благородныхъ, и по прошенію, поданному

[1]) Финляндское дворянство ходатайствовало о дозволеніи ему чрезъ каждые 3 года имѣть съѣздъ въ Выборгѣ подъ дирекціей своего предводителя „гдѣ бы о всѣхъ дворянскихъ установляемыхъ порядкахъ разсуждать и для апробаціи въ высшее мѣсто, куда будетъ повелѣно, поднести могли“.

[2]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 году, стр. 55

[3]) Латкинъ. Зак. Ком. въ XVIII вѣкѣ. стр. 265

депутатами по обсужденіи проекта въ Коммиссіи, такъ какъ въ нихъ всего лучше открывается, каковы были истинныя намѣренія малороссіянъ и какъ далеки они были отъ приписываемыхъ имъ желаній стать подъ эгиду одного нивеллирующаго закона. Особенно это выяснилось при обсужденіи 43-го пункта проекта, гласившаго, „что всѣми, изложенными въ проектѣ правами никто не можетъ въ Россіи пользоваться, кромѣ россійскихъ благородныхъ". Этотъ пунктъ, упоминавшій только объ одномъ россійскомъ дворянствѣ и ни однимъ словомъ не обмолвившійся о существованіи другаго (малороссійскаго, лифляндскаго и пр.), вызвалъ среди представителей забытаго дворянства сильное волненіе и страхъ за цѣлость своихъ правъ и преимуществъ; тѣ самые депутаты, которые привезли наказы объ уравненіи себя въ честяхъ и преимуществахъ съ русскимъ дворянствомъ и о присовокупленіи себя „въ сообщество единого закона", теперь заговорили въ совершенно иномъ тонѣ. Недовольство редакціей 43-го пункта проекта было общее. Депутатъ повѣтовъ козелецкаго и остерскаго, Золотницкій, выслушавъ этотъ пунктъ, находилъ, напримѣръ, необходимымъ измѣнить его такимъ образомъ, что преимуществами, изложенными въ проектѣ о правахъ благородныхъ, должно пользоваться одно великорусское дворянство что же касается до малороссійскаго, лифляндскаго и эстляндскаго, то оно остается „въ *разсужденіи ихъ мѣстъ на прежнихъ правахъ и привилегіяхъ*". Но если кто изъ нихъ будетъ въ великороссійской службѣ или будетъ имѣть свои владѣнія въ Великой Россіи, тотъ въ разсужденіи сего пользуется уже и сими преимуществами великороссійскаго дворянства [1]). Съ мнѣніемъ Золотницкаго согласились всѣ депутаты не только шляхетскіе, но отъ городовъ и козаковъ; энергичнѣе же всѣхъ къ этому дѣлу отнесся Политика, взявшій на себя трудъ, собравши во едино всѣ привилегіи шляхетства, представить ихъ въ коммиссію и доказать, что сочиненный проектъ не можетъ удовлетворить желаній малороссійскаго шляхетства, такъ какъ заключаетъ въ себѣ, „великія несходства и недостатки" въ сравненіи съ

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 32, стр. 306.

ихъ правами. Въ весьма интересномъ и замѣчательномъ по своему содержанію мнѣніи [1]) упомятый ораторъ объяснялъ коммиссіи, что особыя преимущества малороссійскаго шляхетства заключаются прежде всего въ томъ, *что ему послѣ высочайшей власти должно принадлежать все правленіе дѣлъ въ Малороссіи*, а именно: „право устанавливать, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о поддержаніи оныхъ". За этой основной привилегіей Политика указалъ еще и на другія, болѣе или менѣе важныя, какъ-то: внутреннее самоуправленіе, основанное на свободѣ избранія старшинъ безусловно изъ природныхъ малороссіянъ, полную независимость шляхетства въ вопросахъ о наложеніи и снятіи податей и повинностей, свободу шляхетскихъ имѣній отъ военныхъ постоевъ, налоговъ, поборовъ и др. повинностей и такъ далѣе. Что касается личныхъ льготъ малороссійскаго шляхетства, то Политика напомнилъ собранію депутатовъ, что по малороссійскимъ правамъ шляхетскаго стану люди пользуются неприкосновенностью своей личности и жилища, въ силу чего ни одинъ шляхтичъ, имѣющій помѣстье, не можетъ быть арестованъ и лишенъ свободы иначе, какъ по суду, исключая случаевъ задержанія in flagrante delicto, и что даже самые уголовные преступники не могутъ быть взяты изъ шляхетскаго дома безъ согласія хозяина. Затѣмъ Политика перечислилъ и другія привилегіи шляхетства, при чемъ большинство изъ нихъ было экономическаго характера, какъ напримѣръ,—беззапретная и безконтрольная эксплоатація шляхетскихъ имѣній, рудниковъ, солеварень и пр., право безпошлинной торговли внутри и внѣ государства, свободный въѣздъ въ казенные лѣса, ловъ въ нихъ звѣрей, а въ рѣкахъ и озерахъ рыбы и т. д., такъ что въ существенныхъ чертахъ Политикой были перечислены всѣ желанія шляхетства. Мы пропустили, впрочемъ, еще одну привилегію малороссійскаго шляхетства, на которую обратилъ вниманіе и Политика, и проектъ о правахъ благородныхъ,—это свободный выѣздъ шляхетства въ чужіе края для житья, службы и наукъ, безъ всякаго препятствія со стороны правительства, но и приведенныхъ уже заявленій Зо-

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 36, стр 355.

лотницкаго и Политики, достаточно, чтобы судить, насколько правильно понимаютъ гг. Авсѣенко и Латкинъ вопросъ объ единеніи малороссійскаго шляхетства съ великорусскимъ дворянствомъ и объ отсутствіи у перваго изъ нихъ „провинціальной обособленности“. Замѣчательная черта: при обсужденіи въ коммиссіи 43 пункта проекта на ряду съ шляхетскими депутатами принимали участіе и козацкіе; они горячо поддерживали желанія шляхетства относительно измѣненія редакціи 43-го пункта и дѣлали это на томъ основаніи, „что всѣ прежніе договоры и соглашенія во время благоприсоединенія М. Россіи къ россійской имперіи дѣлаемы были съ общаго всѣхъ чиновъ согласія“... и что „симъ благополучнымъ единствомъ и до нынѣ М. Россія утверждалась и управляема была“. Но особенно значительную поддержку оказали малороссійскому шляхетству лифляндскіе и эстляндскіе депутаты, также домогавшіеся сохраненія своихъ льготъ и привилегій, ибо 43-й пунктъ проекта поставилъ ихъ въ одинаковое съ малороссіянами положеніе. Подъ конецъ обсужденія въ коммиссіи проекта соединенными силами всѣхъ недовольныхъ депутатовъ ихъ домогательства настолько выяснились и такъ явно противорѣчили намѣреніямъ императрицы, что она рѣшила прекратить на будущее время всякіе разговоры по этому предмету и 9 сентября 1768 года маршалъ Бибиковъ заявилъ коммиссіи, что она, за силою 15 ст. Обряда, „не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, кромѣ того для чего учреждена“ и что малороссійскіе, лифляндскіе и эстляндскіе депутаты незаконно заявили въ коммиссіи желанія объ изъятіи ихъ изъ общероссійскихъ законовъ, такъ какъ это единственно должно зависѣть отъ власти самой монархини, но не коммиссіи, почему и всѣ замѣчанія и мнѣнія депутатовъ по этому поводу не только не могутъ быть внесены въ проектъ будущихъ законодательныхъ работъ, но даже не могутъ быть приняты въ коммиссію и ему, Бибикову, ничего не остается, какъ возвратить ихъ авторамъ, оставивъ только тѣ, которыя не касались запретныхъ вопросовъ.

Нечего говорить, что рѣчь Бибикова была рѣшительнымъ ударомъ для малороссійскихъ депутатовъ. Тотчасъ послѣ нея они подали императрицѣ свое извѣстное прошеніе о томъ, что проектъ,

прочитанный въ коммиссіи, совершенно не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ и что при такомъ направленіи дѣла они не надѣются достигнуть отъ коммиссіи удовлетворенія своихъ просьбъ и нуждъ и ждутъ ихъ разрѣшенія исключительно отъ ея императорскаго величества [1]), которая услышитъ ихъ мольбы *и утвердитъ всякому чину его вольности.* На нашъ взглядъ достаточно ознакомиться въ подлинникѣ съ означеннымъ прошеніемъ, чтобы убѣдиться, что малороссійское шляхетство никогда серьезно не желало „сливаться" въ одно цѣлое съ великорусскимъ дворянствомъ и ревниво оберегало свои традиціонныя привилегіи, желая расширить ихъ въ томъ же польскомъ духѣ, но не въ духѣ сочиненнаго проекта, и самымъ заявленіямъ наказовъ объ объединеніи мы не можемъ придавать другаго смысла, какъ стремленіе шляхетства занять въ русскомъ государствѣ положеніе ничѣмъ не низшее великороссійскихъ дворянъ, сравняться съ ними въ „чести и славѣ", „быть допущеннымъ во всѣ. для дворянства учрежденныя науки и достоинства" [2]) и изъ безпорядочной массы организоваться въ сословіе столь же высоко стоящее и уважаемое, какимъ шляхетство было въ Литвѣ и Польшѣ. Что идеалы малороссійскихъ депутатовъ, ихъ настроеніе и желанія были, именно, старо-польскіе, старо-шляхетскіе, а не великорусскіе—это достаточно рельефно иллюстрировано въ мнѣніи лубенскаго депутата Политики, объявившаго, что правленіе дѣлъ въ Малороссіи должно зависѣть послѣ государя единственно отъ шляхетства, которому предоставлено право „установлять, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о подтвержденіи ихъ". Послѣ просьбъ шляхетства о нобилитаціи другими, занимавшими важное мѣсто въ наказахъ, были просьбы, касавшіяся шляхетскаго землевладѣнія. Переходя къ нимъ, мы должны сказать, что вся сущность этихъ просьбъ заключалась въ стремленіи шляхетства добиться дарованія себѣ подтвердительныхъ грамотъ и крѣпостей на владѣемыя имъ земли, хутора, деревни, мельницы, рыбныя ловли и пр. маетности, остававшіяся въ боль-

[1]) Наказы, стр. 178.

[2]) Наказы, 68.

шинствѣ случаевъ не закрѣпленными за ихъ владѣльцами надлежащимъ образомъ и потому допускавшими противъ себя многочисленные споры и сомнѣнія въ отношеніи добросовѣстности владѣнія или пріобрѣтенія. Нужно добавить, что вопросъ, объ укрѣпленіи шляхетству и вообще всякому „чину“ людей его земель и угодій, поднятый безусловно всѣми наказами, занималъ интересы не только одного шляхетства, но и другихъ сословій потому, что съ разрѣшеніемъ его долженъ былъ быть положенъ предѣлъ и всѣмъ аграрнымъ затрудненіямъ и спорамъ, развившимся на почвѣ чрезвычайно запутанной и темной исторіи малороссійскаго землевладѣнія; съ разрѣшеніемъ этого вопроса, т. е. съ пожалованіемъ подтвердительныхъ грамотъ, каждый чинъ, каждое сословіе, каждое лицо надѣялись, наконецъ, достигнуть положительныхъ, непоколебимыхъ правооснованій своей собственности и полагали вывести свое землевладѣніе на настоящую, прямую дорогу, гдѣ не будетъ уже мѣста ни спорамъ и тяжбамъ различныхъ владѣльцевъ между собою, ни заподозрѣваніямъ другъ друга въ незаконныхъ пріобрѣтеніяхъ, ни, наконецъ, опасеніямъ и тревогамъ предъ правительствомъ о разоблаченіи имъ многихъ весьма предосудительныхъ мѣстъ въ исторіи шляхетской земельной собственности. Что касается, собственно, шляхетства, то оно было заинтересовано въ этомъ вопросѣ болѣе другихъ не только потому, что его владѣнія были обширнѣе, но и потому, что средства, которыми они были сосредоточены въ шляхетскихъ рукахъ не отличались легальностью и возбуждали подозрѣнія самихъ собственниковъ. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, что среди бывшихъ въ распоряженіи шляхетства средствъ скопленія земельной собственности считались: недозволенная заимка казенныхъ земель, присвоеніе земель, опредѣленныхъ на старшинскіе уряды, захватъ и незаконная скупля у маломощныхъ козаковъ, т. е. такія, о предосудительности которыхъ достаточно свидѣтельствуетъ само названіе. Въ итогѣ, какъ бы мы ни разсматривали шляхетское землевладѣніе и какъ бы мы ни объясняли мотивы, заставившіе просить о дарованіи подтвердительныхъ грамотъ, нельзя не прійти къ заключенію, что со стороны юридической шляхетское землевладѣніе вполнѣ напоминало собой положеніе

самого шляхетства, какъ сословія, ибо характерической чертой того и другаго въ историческомъ освѣщеніи является полнѣйшее отсутствіе на извѣстное право формальныхъ документовъ и вообще господство надъ правомъ факта, т. е. то неуравновѣшенное и неустановившееся состояніе сословныхъ и экономическихъ отношеній, которое вообще характеризуетъ молодые государственные организмы, гдѣ юридическія отношенія еще не вылились въ строгія нормы и не запечатлѣлись въ законѣ.

Мы разобрали уже, откуда возникли сомнѣнія „о породѣ шляхетства", теперь необходимо, хотя бы вскользь, посмотрѣть, откуда возникли упомянутыя нами спорность шляхетскаго землевладѣнія, отсутствіе должныхъ формальныхъ крѣпостей и неувѣренность, наконецъ, самыхъ собственниковъ въ своей собственности. Разумѣется, мы не можемъ ждать отъ наказовъ обсужденія этого вопроса съ должной откровенностью и объективностью, такъ какъ шляхетство являлось заинтересованной въ этомъ дѣлѣ стороной, желавшей по возможности обѣлить недостатки своего положенія; поэтому, напримѣръ, наказы совсѣмъ не сознаются въ незаконномъ характерѣ многихъ шляхетскихъ владѣній, но ссылаются лишь на независѣвшую отъ воли шляхетства утрату имъ жалованныхъ грамотъ, крѣпостей и другихъ документовъ во время бывшихъ въ Малороссіи войнъ и безпорядковъ, и этими безпорядками и утратами стараются объяснить все дѣло необоснованности малороссійскаго землевладѣнія. Впрочемъ, черниговскій наказъ [1]) къ этому объясненію присовокуплялъ и то, что отсутствіе у шляхетства подтвердительныхъ грамотъ на пожалованныя ему отъ гетмановъ земли и деревни иногда можетъ быть объясняемо и не утратой ихъ, а тѣмъ, что онѣ вовсе но были получены своевременно, такъ какъ полученіе ихъ было сопряжено съ хлопотами и расходами, не всегда доступными пожалованнымъ лицамъ отчасти въ силу ихъ бѣдности, отчасти же въ силу господствовавшихъ внутри страны безпокойствъ и волненій. Итакъ, по той или другой причинѣ, черниговскій наказъ признавалъ, что на часть земель шляхет-

[1]) Наказы, стр. 16.

ство не имѣло у себя никогда никакихъ подтвердительныхъ грамотъ, мы же съ своей стороны добавимъ, что права на земли, розданныя гетманами старшинамъ не отличались особой надежностью не только по отсутствію подтвердительныхъ грамотъ, но и потому, что самая раздача земель нерѣдко являлась актомъ гетманскаго произвола и нарушеніемъ царскихъ указовъ и на имѣнія, добытыя такимъ образомъ, русское правительство смотрѣло весьма подозрительно. Уже въ инструкціи Измайлову, приставленному къ гетману Скоропадскому, Петръ I повелѣлъ гетманамъ ни давать, ни отнимать земель безъ царскаго на то соизволенія, за усердную же службу гетманы могли назначать земли съ общаго согласія генеральной старшины и по представленію объ этомъ государю. Однако, уже Д. Апостолъ не стѣснялся этимъ закономъ и раздавалъ земли, села и деревни по своему усмотрѣнію, такъ что, когда послѣ его смерти князю Шаховскому было предписано разсмотрѣть всѣ села и деревни, розданныя противно указамъ и возвратить ихъ въ прежнее вѣдомство, то такихъ земель по разслѣдованію оказалось цѣлое множество. Тѣмъ не менѣе правительство какъ-то медлило рѣшительными мѣрами и даже много лѣтъ спустя Румянцеву въ его запискѣ о неустройствахъ въ Малороссіи снова пришлось доказывать, что всѣ почти села и деревни, принадлежащія „коронѣ“, состоятъ въ партикулярныхъ владѣніяхъ и что расхищеніе ихъ по рукамъ произошло безъ всякихъ подтвердительныхъ грамотъ, ибо, по язвительному замѣчанію Румянцева, „трудно было таковыя конфирмаціи и испрашивать, одно, что можетъ быть и заслугъ при этомъ не доставало, а другое, что по чрезвычайности удержаться бы и давно велѣно было“ [1]). Изъ записки Румянцева явствовало, да это и не было новостью для самого правительства, что значительная часть земель, причислявшихся наказами къ пожалованнымъ, никогда таковыми не были, но составляли войсковую собственность и были расхищены старшинами и населены помѣщиками „къ лучшему прибытку государства“ посполитыми крестьянами. Дѣлалось это

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 150.

старшинами подъ видомъ обычной заимки вольныхъ земель, но въ сущности по праву сильнаго и потому, что центральная власть не могла подробно вникать въ экономическія отношенія Малороссіи и на злоупотребленія въ этой области смотрѣла сквозь пальцы; однако же, естественно, что это обстоятельство еще не дѣлало заимки войсковыхъ земель законною и не освобождало заимщиковъ отъ необходимости исходатайствовать на свои займы подтвердительныя грамоты, т. е. иначе сказать отреченіе государства отъ своей собственности, безъ чего всегда можно было ожидать, что занятыя земли снова будутъ отобраны въ казенную собственность. Правда, до послѣдняго времени примѣровъ такого отобранія земель въ Малороссіи не было, но вотъ незадолго до созванія коммиссіи, какъ сообщаетъ черниговскій наказъ, нѣкоторыя владѣнія, „утвержденныя малороссійскому народу подъ именемъ займищъ“, стали подвергаться безпокойствамъ и многія изъ нихъ были отписаны въ казенное вѣдомство, что вызвало, конечно, среди малорусскаго общества большую сенсацію, ибо при отсутствіи точнаго разграниченія между землями, захваченными у короны и правильно пріобрѣтенными, владѣльцы ихъ одинаково рисковали и тѣми, и другими.

Если, такимъ образомъ, ни заимка, ни гетманскія пожалованія, какъ неправильныя, не могли давать малороссіянамъ спокойнаго и безспорнаго права собственности на ихъ имѣнія, то о деревняхъ, хуторахъ и пр., захваченныхъ старшинами подъ видомъ опредѣленныхъ на уряды, и говорить уже нечего, такъ какъ они были явно незаконно нажитыя; но казалось бы, что вполнѣ правовымъ характеромъ должны, по крайней мѣрѣ, отличаться земли и имѣнія, пріобрѣтенныя куплею и другими возмездными способами, и что просьбы объ ихъ укрѣпленіи новыми подтвердительными грамотами дѣло совершенно излишнее; однако у шляхетскаго землевладѣнія и здѣсь была своя ахиллесова пята, такъ какъ шляхетство въ теченіи долгихъ лѣтъ скупало въ свои руки земли и дворы ни въ какомъ случаѣ не подлежавшія отчужденію, а именно—казенные и съ 1739 года козацкіе. Относительно первыхъ, Тепловъ писалъ [1]), что старшина подъ видомъ

[1]) Кулишъ. Зап. о Южн. Р., т. II. стр. 179.

свободныхъ войсковыхъ неправильно раскупила принадлежавшіе казнѣ государя посполитые дворы съ землями и самыми мужиками и доказывалъ это тѣмъ, что по ревизіи послѣ гетмана Скоропадскаго такихъ дворовъ было болѣе 40 тыс., до гетмана Разумовскаго ихъ было роздано правительствомъ не болѣе 3 тыс., а между тѣмъ Разумовскій въ свое гетманство засталъ неразобранныхъ дворовъ не болѣе 4 тыс., остальные же попали въ руки старшины, хотя она и отрицала этотъ фактъ, заявляя, что посполитые посходили съ своихъ дворовъ въ Польшу. Что касается вторыхъ, т. е. козацкихъ земель, то въ 1739 году Анна Ивановна, въ виду сильнаго ихъ сокращенія и вреда для козачьей службы, запретила козакамъ продавать свои земли, тѣмъ не менѣе при господствѣ старшинскаго самовластья продажа и покупка ихъ продолжалась, хотя и безъ надлежащихъ актовъ, (если таковые не поддѣлывались только заднимъ числомъ до изданія ограничивающаго закона), но очевидно, что и такія пріобрѣтенія, какъ незаконныя, совершенныя вопреки царскому указу, должны были еще болѣе чѣмъ другія нуждаться въ подтвердительныхъ грамотахъ, утверждающихъ ихъ за тѣмъ кто купилъ. Такимъ образомъ изъ сдѣланнаго нами анализа выясняется, что просьбы наказовъ объ укрѣпленіи грамотами шляхетскаго землевладѣнія были вызваны его характеромъ и имѣли въ виду прекращеніе споровъ и безпокойствъ, происходившихъ отъ неимѣнія на земли, дворы, деревни и другія имѣнія формальныхъ актовъ укрѣпленія; въ этихъ же точно цѣляхъ шляхетство просило также указать особымъ межевщикамъ и землемѣрамъ „размѣрять и обмежевать его земли и утвердить каждому помѣщику его помѣстье вѣчно и наслѣдственно въ родъ обоего пола [1])“. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ наказахъ встрѣчаются также просьбы о положительной отмѣнѣ указа Анны Ивановны 1739 г. и о дозволеніи шляхетству по старому покупать у козаковъ грунты, земли, мельницы и пр., такъ какъ отъ такой продажи не можетъ послѣдовать вреда для козачьей службы и такъ какъ „сходственно то будетъ съ правами малороссійскими“.

[1]) Наказы, стр. 17, 26, 57.

Мы сказали о „положительной“ отмѣнѣ указа 1739 года потому, что отчасти онъ былъ уже отмѣненъ Разумовскимъ, дозволившимъ козакамъ продажу своихъ грунтовъ не полностью, а въ части, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы этимъ предупредить переводъ козаковъ въ посполитые, ибо козакъ, продавшій свой грунтъ полностью, но оставшійся на немъ жить, долженъ былъ отдавать повинность своему владѣльцу наравнѣ съ посполитыми и, слѣдовательно, выходилъ изъ рядовъ козачества.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о землевладѣніи удобно теперь же разсмотрѣть, что было высказано въ наказахъ и коммиссіи относительно посполитыхъ крестьянъ, населявшихъ шляхетскія земли, и взглянуть каковы были въ этомъ отношеніи тенденціи малороссійскаго шляхетства въ вѣкъ наибольшаго развитія рабовладѣльческихъ понятій и инстинктовъ. Хотя стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что вопросъ о томъ или иномъ положеніи владѣльческихъ посполитыхъ составлялъ для владѣльцевъ ихъ, т. е. шляхетства, вопросъ чрезвычайной важности, тѣмъ не менѣе мы должны заявить, что онъ весьма слабо былъ разработанъ наказами и только говорившіе въ коммиссіи ораторы бросили намъ кое какія отрывочныя разъясненія, вызванныя происходившими дебатами. Въ существенныхъ чертахъ содержаніе наказовъ по интересующему насъ вопросу состояло въ просьбахъ шляхетства о сохраненіи его посполитыхъ подданныхъ на правахъ и обыкновеніяхъ „предшествовавшихъ временъ“ и объ уменьшеніи и болѣе правильной раскладкѣ возложенныхъ на нихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей; весьма удивительно также, что ни въ одномъ наказѣ не было выражено желанія запретить посполитымъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто, чего такъ жадно еще недавно добивались малороссійскіе старшины и шляхетство въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи. Не имѣя основанія думать, что шляхетство вообще не желало интересоваться положеніемъ своихъ подданныхъ, ибо этому противорѣчатъ и естественный смыслъ, и заявленія, сдѣланныя въ коммиссіи, мы объясняемъ скромность наказовъ тѣмъ, что составители ихъ считали лишнимъ

обращать вниманіе представительнаго собранія на знакомство съ экономическими отношеніями шляхты и посполитыхъ.

Да и къ чему это? могли думать составители наказовъ. Не лучше-ли вообще просить о подтвержденіи своихъ правъ и законовъ и о сохраненіи посполитыхъ на положеніи предшествовавшихъ временъ, ибо далѣе шляхетство само съумѣетъ установить свои отношенія къ подданнымъ и потребовать отъ нихъ надлежащаго послушанія и повинностей? Мы думаемъ, что шляхетству, дѣйствительно, нечего было много распространяться о своихъ подданныхъ такъ какъ просьбами о сохраненіи ихъ на положеніи „предшествовавшихъ временъ“ оно выражало все, а идти дальше этихъ временъ и требовать большаго было совершенно излишне даже въ глазахъ самыхъ ярыхъ поборниковъ шляхетскихъ интересовъ. Дѣйствительно, „предшествовавшія времена“ давали полную свободу владѣльцамъ распоряжаться въ экономическомъ отношеніи личностью своего подданнаго; подданные же обязаны были отдавать своему владѣльцу надлежащее послушаніе и повинности, а если „какое гдѣ подъ какимъ видомъ отъ подданныхъ противъ владѣльцевъ ослушаніе и преступство показалось, за то всякому владѣльцу подданнаго своего по разсмотрѣнію наказывать вольно, а въ криминальныхъ дѣлахъ въ подлежащіе суда отсылать должно[1]). „Это такая свобода, что даже Политика не счелъ возможнымъ требовать большаго и заявилъ только, что шляхетство, по силѣ правъ малороссійскихъ, должно пользоваться судомъ и расправой надъ своими подданными и не допускать чужаго вмѣшательства въ свои отношенія. Весьма интересные дебаты относительно посполитыхъ крестьянъ возникли въ коммиссіи, когда извѣстный депутатъ отъ Хоперской крѣпости, Алейниковъ, высказалъ мнѣніе, что малороссійской старшинѣ должна быть воспрещена покупка новыхъ крестьянъ, а купленные ранѣе должны быть отписаны на императрицу въ виду того, что они терпятъ притѣсненія, вызывающія грабежи, разбои и пр., и что, кромѣ того, скупая крестьянъ, старшина приводитъ рядовыхъ козаковъ въ крайнее убожество[2]).

---

[1]) Права, по которымъ судится мал. нар. стр. 52.

[2]) Сб. И. Р. Ист. Общ. т. VIII, стр. 214

Мнѣніе Алейникова вызвало среди шляхетскихъ депутатовъ большую сенсацію; возражавшій на него депутатъ отъ шляхетства батуринскаго и нѣжинскаго повѣтовъ, Божичъ, отвѣчалъ, что заявленіе Алейникова о положеніи посполитыхъ совершенно несправедливо, что Алейникову неизвѣстны ни настоящее устройство Малороссіи, ни права Лит. Статута, по силѣ которыхъ украинское шляхетство имѣетъ власть какъ заводить на своихъ земляхъ новыя селенія, такъ и свободно отчуждать ихъ и что только пріобрѣтеніе недвижимости иностранцами стѣснено извѣстными ограниченіями. Особенно же Божичъ ставилъ коммиссіи на видъ то обстоятельство, что за отмѣной въ 1728 году указа, запрещавшаго великороссіянамъ покупать въ Малороссіи земельную собственность, въ ней сильно развились великорусскіе помѣщики и весьма замѣтно стѣснили козаковъ и посполитыхъ. Этимъ возраженіемъ, Божичъ, очевидно, хотѣлъ отнести часть брошеннаго его сословію обвиненія на самихъ великорусскихъ помѣщиковъ; что же касается козаковъ, то онъ утверждалъ, что они не могутъ жаловаться на обиды отъ старшинъ, такъ какъ сами имѣютъ наравнѣ съ нею грунты и земли и пользуются тѣми же шляхетскими правами и что объ обидахъ старшинами козаковъ въ Малороссіи ничего не слышно. Съ тою же убѣжденностью о довольствѣ владѣльческихъ подданныхъ своей судьбой говорилъ по другому поводу и депутатъ отъ переяславскаго шляхетства, Забѣла [1]), взявшій на себя трудъ возражать депутату отъ екатерининской провинціи, скромно выступившему на защиту правъ посполитыхъ... Екатерининскій депутатъ предложилъ установить для малороссійскихъ крестьянъ такой порядокъ, чтобы они изъ семи дней недѣли—2 посвящали себѣ, 2 помѣщику, 2 государству (т. е. отбывали повинности), а 7-ой день отдавали Богу и, кромѣ того, въ виду выгодъ бѣднѣйшихъ помѣщиковъ онъ предложилъ ограничить свободу перехода крестьянъ наложеніемъ штрафа на помѣщиковъ, принимающихъ крестьянъ безъ всякаго вида отъ надлежащаго начальства. Какъ ни скромны были предложенія екатерининскаго депутата, но За-

[1]) Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 32 стр. 520.

бѣла въ своемъ возраженіи удивлялся дерзости непрошеннаго реформатора и, ссылаясь на высочайшіе указы, просилъ оставить поселянъ на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ они всѣмъ довольны и счастливы подъ покровительствомъ владѣющаго ими шляхетства.

Насколько же шляхетству вообще были чужды желанія измѣнить правовое положеніе своихъ подданныхъ, мы можемъ сослаться на прошеніе миргородскаго, гадяцкаго и полтавскаго шляхетства, гдѣ, среди другихъ одобрительныхъ замѣчаній о возстановленіи Елизаветой Петровной старинныхъ правъ въ Малороссіи, съ удовольствіемъ подчеркивался даже непріятный для шляхетства указъ императрицы о возвращеніи малороссійскому народу свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто „во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ“ [1]). Совершенно невѣрнымъ и безосновательнымъ поэтому является замѣчаніе г. Латкина, что указъ 3 мая 1783 года, отнявшій у малороссійскихъ крестьянъ право перехода и поставившій ихъ въ условія крѣпостной зависимости, былъ отвѣтомъ императрицы на хлопоты южно-русскихъ шляхетскихъ наказовъ, ибо такихъ хлопотъ не было, хотя съ своей стороны мы не отрицаемъ, что шляхетство всегда добивалось установить болѣе прочную власть надъ поспольствомъ и въ эпоху коммиссіи болѣло этимъ недугомъ. Весьма любопытно, что высказанные въ наказахъ взгляды относительно перехода крестьянъ стояли въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ воззрѣніями шляхетства, выраженными въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи: въ то время какъ составители наказа отъ миргородскаго, полтавскаго и гадяцкаго шляхетства находили (совершенно правильно), что свободный переходъ крестьянъ, по силѣ Статута, составляетъ ихъ право, не далѣе какъ въ 1764 г. старшина и шляхетство, на основаніи якобы тѣхъ же правъ и въ сходство ихъ изданныхъ сеймовыхъ установленій, ратовали предъ императрицей, что малороссійскіе мужики не должны имѣть никакой вольности въ свободномъ съ мѣста на мѣсто переходѣ,

[1]) Наказы, стр. 63.

кромѣ случаевъ увольненія ихъ самими помѣщиками и что ни въ пунктахъ Хмельницкаго, ни другихъ гетмановъ вольный переходъ мужикамъ не дозволенъ, а усвоенъ ими въ нарушеніе закона и вслѣдствіе бывшихъ въ Малороссіи безпорядковъ, способствовавшихъ крестьянамъ во избѣжаніе повинностей переходить отъ одного владѣльца къ другому или даже записываться въ козаки. Отмѣченное нами измѣненіе во взглядахъ шляхетства весьма выгодно отличаетъ наказы отъ „прошенія“ и это тѣмъ болѣе для насъ пріятно, что такъ какъ свобода перехода крестьянъ имѣла интересъ не только шляхетскій, но и общегосударственный, и подвергалась порицанію со стороны такихъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, какъ Румянцевъ и Тепловъ [1]), то шляхетству ничего не стоило присоединить свой голосъ къ голосамъ порицателей и оно могло разсчитывать на полное удовлетвореніе своихъ желаній. Между тѣмъ шляхетство этого не сдѣлало и въ этомъ его заслуга.

Второй симпатичной чертой наказовъ нужно назвать еще отсутствіе въ нихъ фальшивыхъ жалобъ на обнищаніе шляхетства вслѣдствіе приписки мужиковъ въ козачье званіе. Потому-ли, что жалобы эти могли повлечь за собой противоположныя указанія объ обращеніи козаковъ въ посполитые, о скуплѣ ихъ грунтовъ и къ другимъ непріятнымъ разоблаченіямъ, или по другимъ причинамъ, но въ наказахъ нѣтъ ничего похожаго на то и возмутительное и курьезное заявленіе „прошенія“ 1764 года, что отъ зачисленія мужиковъ въ козаки шляхетство прійдетъ въ упадокъ, „а съ нимъ на послѣдокъ и вся Малая Россія опустѣетъ“.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Кулишъ. Зап. о Ю. Р., т. II, стр. 194.

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА V.

ПОДЪ БАТОГОМЪ.

Польскій лагерь съ широкими окопами раскинулся по берегу Буга недалеко отъ Ладыжина, у горы Батога. Въ лагерѣ была совершенная тишина, только передовые пикеты сверкали въ прозрачномъ сумракѣ теплой майской ночи. У одного изъ такихъ сторожевыхъ огней пріютилась кучка жолнеровъ, отъ нечего дѣлать перекидываясь разсказами и предположеніями о предстоящихъ событіяхъ. Лица у всѣхъ были сумрачныя, не слышалось ни шутокъ, ни смѣху.

— А что, панове, спросилъ одинъ изъ нихъ, кто изъ васъ видѣлъ вчера, что на небѣ дѣлалось?

— Я, и я, и я тоже! проговорило нѣсколько голосовъ.

— Разскажите же толкомъ, панове, что было, и что видѣли?

— Сперва появился свѣтъ, сталъ разсказывать одинъ изъ жолнеровъ, красивый юноша съ почти дѣтскимъ лицемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! не свѣтъ! А такія двѣ полоски, точно двѣ метлы.

— Ну, можетъ быть! съ досадою отвѣтилъ молодой человѣкъ. Не въ томъ дѣло. Потомъ, это ужъ всѣ ясно видѣли, вы-

---

[1)] „Кіевск. Стар.“, 1890 г., № 8.

тянулся на небѣ красный мечь, длинный, предлинный, рукоятью на востокъ, а лезвіемъ прямо на польскій лагерь.

— Да панамъ, можетъ быть, пригрезилось? усумнился спрашивающій.

— Нѣтъ! Всѣ видѣли, подтвердили говорившіе—самъ панъ хорунжій вышелъ смотрѣть.

— Плохо, панове! Ой, плохо! проговорилъ пожилой жолнеръ, качая головою. Вотъ и панъ хорунжій не къ добру на смотру съ коня свалился и уронилъ знамя.

— Что и говорить, плохія времена! подтвердили другіе.

— А правда, панове, спросилъ молодой жолнеръ, что колдунья напророчила смерть пану коронному гетману и пану Самуилу?

Колдуньей звали Зелиму, оставшуюся въ войскѣ въ качествѣ маркитантки.

— Правда! подтвердилъ старикъ. За то ее панъ гетманъ видѣть не можетъ. Еслибъ не князь Дмитрій, то ея давно бы въ войскѣ не было.

— А къ князю Дмитрію она ходитъ каждый вечеръ колдовать...

Всѣ засмѣялись.

— Слышали, панове! таинственно проговорилъ молодой статный жолнеръ, молчавшій до сихъ поръ и задумчиво смотрѣвшій въ огонь. Слышали, что здѣсь по близости есть скала, тамъ изъ подъ земли слышится человѣческій голосъ. Вотъ бы спросить.

Въ говорѣ красиваго жолнера слышался иностранный акцентъ; онъ былъ природный французъ и служилъ въ войскѣ недавно.

— А далеко это? освѣдомился кто-то.

— Нѣтъ, верстахъ въ полутора, надъ самымъ Бугомъ.

— А кто говорилъ объ этомъ пану? освѣдомилась молодежь.

— Я самъ тамъ былъ, задумчиво проговорилъ французъ.

— И панъ слышалъ голосъ?

— Нѣтъ, я былъ днемъ, мнѣ показывали это мѣсто; а голосъ можно слышать только ночью, послѣ полуночи. Если кто хочетъ со мною пойти, то я готовъ.

Старикъ поднялся.

— Пойдемъ, панъ! Мнѣ жить недолго; если вѣдьмы и съѣдятъ, не велика бѣда, шутливо замѣтилъ онъ.

— Одни только бабьи толки! замѣтилъ жолнеръ, начавшій разговоръ. Вдвоемъ пойдете, навѣрное ничего не услышите.

Всѣ встали, провожая уходившихъ шутками и пожеланіями счастливаго пути, и затѣмъ опять присѣли къ огню.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Однако, панове! что ни говори, началъ словоохотливый жолнеръ, а дѣла наши плохи. При такихъ окопахъ, какіе устроилъ панъ коронный гетманъ, чуть не на цѣлую милю, да еще въ такой мышеловкѣ, въ какую онъ насъ заключилъ, между горою, рѣкою и болотами, намъ навѣрное не сдобровать.

— Что же смотрѣлъ панъ Прѣіемскій? возразилъ кто-то. Такой опытный воинъ долженъ же былъ видѣть ошибки гетмана.

— Онъ и замѣтилъ, съ жаромъ возразилъ говорившій. Онъ ему представлялъ всѣ резоны, уговаривалъ уйти за Днѣпръ и собрать тамъ войско; умолялъ выбрать другое мѣсто для битвы...

— Ну, и что же?

— Ничего и слушать не хотѣлъ панъ гетманъ; уперся какъ всегда. Когда онъ получилъ предостерегательную грамоту отъ козацкаго гетмана, гдѣ тотъ виляетъ передъ нимъ, какъ лисица, и увѣряетъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, кажется, только онъ одинъ и повѣрилъ этому письму. Всѣ поняли, что хитрый козацкій атаманъ только смѣется надъ нами, а онъ твердилъ наперекоръ всѣмъ, что теперь настало время отомстить за Корсунь, и что онъ на веревкѣ приведетъ гетманскаго сына королю...

— Панове! смотрите, смотрите! въ ужасѣ прервалъ молодой жолнеръ разскащика, указывая на небо.

Въ воздухѣ, дѣйствительно, происходило что-то странное. Былъ ли то отблескъ только-что потухшей зари, или сѣверное сіяніе, или же миражъ душной лѣтней ночи, но вдали надъ горизонтомъ точно поднялась какая-то завѣса и по небу задвигались какія-то свѣтлыя тѣни, точно два войска сражались, потрясая мечами, скользя и падая въ ночной сумракъ, разстилав-

шійся внизу. Жолнеры вскочили и въ нѣмомъ изумленіи смотрѣли на странное зрѣлище.

— Доложить пану гетману, сказалъ кто-то, въ его палаткѣ свѣтъ; пусть полюбуется, можетъ быть, образумится.

— Пусть панъ идетъ и доложитъ! проговорили другіе.

— Чтожь, и доложу! отозвался тотъ и зашагалъ къ гетманской палаткѣ.

Странное явленіе длилось еще минутъ пять. Но когда коронный гетманъ въ сопровожденіи молодаго жолнера вышелъ изъ палатки, то все уже кончилось и только легкія полосы огненнаго свѣта догорали на небѣ.

— Гдѣ же панъ поручикъ видѣлъ миражъ? строго обратился Калиновскій къ молодому человѣку.

— Ясновельможный пане! смущенно отвѣчалъ молодой человѣкъ: видѣніе исчезло, но могу завѣрить, что всѣ мы ясно видѣли сражающихся огненныхъ людей на небѣ.

— Панъ поручикъ сейчасъ явится къ своему ближайшему начальнику и заявитъ ему, что онъ посаженъ мною подъ арестъ, вспылилъ панъ Калиновскій. И это еще легкое наказаніе для такихъ пустоголовыхъ трусовъ! крикнулъ онъ.

— Панъ гетманъ! въ свою очередь вспылилъ молодой человѣкъ, хватаясь за эфесъ шпаги.

— Да, я панъ гетманъ! не помня себя отъ гнѣва продолжалъ Калиновскій. А ты молокососъ слишкомъ молодъ, чтобы глумиться надо мною и тревожить меня изъ-за бабьихъ сплетень.

Онъ круто повернулся и скрылся въ своей палаткѣ. Молодаго человѣка тотчасъ же окружили его товарищи, издали слѣдившіе за происшедшей сценою.

— Что у васъ вышло? съ любопытствомъ спрашивали они.

Молодой человѣкъ въ нѣсколькихъ словахъ передалъ, въ чемъ дѣло.

— И по дѣломъ, не надо было пану къ нему ходить, замѣтилъ одинъ изъ жолнеровъ.

Въ эту минуту вдали показались французъ съ его спутникомъ, быстро приближавшіеся къ товарищамъ.

— Отойдемте къ костру! осторожно замѣтилъ кто-то. А то еще и намъ достанется.

Поручикъ двинулся за ними.

— Пану, кажется, слѣдуетъ идти подъ арестъ! замѣтилъ молодой жолнеръ, разсказывавшій о вчерашнемъ видѣніи.

— Это до пана не касается! раздражительно возразилъ поручикъ. Еще успѣю и подъ арестомъ насидѣться.

Блѣдныя разстроенныя лица двухъ подошедшихъ къ костру путниковъ навели на всѣхъ остальныхъ паническій страхъ.

— Что случилось? спрашивали ихъ.

— Ужасно! Непостижимо! Дайте отдышаться! отвѣтилъ старикъ, усаживаясь къ костру.

Французъ ничего не говорилъ; онъ только обводилъ всѣхъ стекляннымъ взоромъ, какъ будто не понимая, гдѣ онъ находится.

— Да не томите же, говорите! приставали къ нимъ.

— Ничего подобнаго никогда не случалось со мною, началъ свой разсказъ старикъ. Только что мы подошли съ паномъ поручикомъ къ этой чертовской скалѣ, мнѣ показалось, что камни загудѣли. Я схватилъ пана за руку и въ эту минуту мы оба ясно услышали голосъ изъ подъ земли. Густой мужской басъ, вотъ какъ у пана хорунжаго...

Слушатели придвинулись плотнѣе къ разскащику, пугливо озираясь. И только послѣ нѣсколькихъ секундъ гробоваго молчанія, кто-то рѣшился робко спросить:

— Что жъ онъ вамъ сказалъ?

— Не знаю, не знаю, торопливо проговорилъ старикъ и, кивнувъ головою на француза, прибавилъ: спросите вотъ его, онъ ему много по французски наговорилъ, я ничего не понялъ. Я только разобралъ: hetman... hetman... barbe... barbe... А какъ я увидѣлъ, что мой товарищъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, то и пустился назадъ безъ оглядки, даже не зналъ, слѣдуетъ ли панъ поручикъ за мною. Всѣ обратились къ французу.

— Гей, пане! тряся его за рукавъ, кричалъ ему въ ухо арестованный поручикъ. Языкъ у тебя отнялся что ли, съ испуга?

— Принести ему вина! замѣтилъ кто-то.

— Въ нашей палаткѣ есть, только я ни за что одинъ не пойду туда, сказалъ старикъ.

До палатки надо было дойти шаговъ сто, и вся компанія рѣшила идти вмѣстѣ, а потомъ тѣ, кому надо смѣнить дежурныхъ, вернутся.

Вообще о соблюденіи дисциплины въ польскомъ лагерѣ мало заботились, несмотря на то, что гетманъ кричалъ много, его слушали мало, тѣмъ болѣе что онъ отличался замѣчательною непослѣдовательностью и въ одинъ день могъ не разъ отмѣнить свои же собственныя приказанія. Поручикъ захватилъ горящую головню вмѣсто факела, и всѣ шумно двинулись къ палаткѣ на соблазнъ дремавшей стражѣ, вскакивавшей въ просонкахъ и хватавшейся за оружіе.

Въ палаткѣ спали въ повалку еще человѣкъ десять молодыхъ людей. Услышавъ шумъ, они повскакивали съ земли и, протирая глаза, съ удивленіемъ слушали разсказы прибывшихъ. Нашлось вино, обошла всѣхъ походная чарка. Французъ выпилъ даже цѣлыхъ три, и языкъ его развязался.

— Панове, проговорилъ онъ, не знаю, разсказывать ли то, что я слышалъ? Во всякомъ случаѣ паны меня не выдадутъ?

— Какъ можно, панъ поручикъ! дружно отвѣтили товарищи.

— Скажите вашему гетману, услышалъ я изъ подъ земли, что свирѣпый пьяница хочетъ обрить ему бороду, только бритва у него острая, съ бородой онъ можетъ отрѣзать и голову...

Не успѣлъ французъ окончить своихъ словъ, какъ сильный порывистый вѣтеръ ворвался въ палатку и загасилъ факелъ. Въ темнотѣ всѣ пришли въ смятеніе, всѣ заметались, попрятались по угламъ и только старый жолнеръ, не совсѣмъ потерявшій присутствіе духа, дрожащими руками высѣкъ огня и зажегъ восковую свѣчку.

Выглянувъ изъ палатки, онъ увидѣлъ, что началась гроза, и сталъ успокаивать своихъ испуганныхъ товарищей! Понемногу всѣ пришли въ себя, но толки о чудесныхъ событіяхъ не дали никому сомкнуть глазъ и съ разсвѣтомъ облетѣли весь лагерь, наводя на всѣхъ страхъ и суевѣрное предчувствіе чего то ужаснаго, чего никакъ нельзя предотвратить.

На слѣдующее утро была суббота 29 мая, праздникъ Божіей Матери. Войско съ самаго утра было уже въ волненіи, только что возвратившійся разъѣздъ, посланный нѣсколько дней тому назадъ, наткнулся на передовые отряды татаръ почти у самаго лагеря. Всѣ точно застыли, услышавъ это извѣстіе; но потомъ въ войскѣ поднялся такой шумъ и крикъ, что коронный гетманъ едва могъ возстановить порядокъ. Онъ объѣхалъ весь лагерь и построилъ войско въ боевой порядокъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, дѣйствительно, появились передовые татарскіе отряды съ нѣсколькими козацкими сотнями. Они двигались чинно, спокойно, будто не замѣчая польскаго лагеря.

— Стрѣлять по собакамъ! скомандовалъ Калиновскій, принявшій начальство надъ войскомъ.

— Что дѣлаетъ панъ коронный гетманъ? остановилъ его старикъ Пржіемскій. Пусть бы ихъ ѣхали мимо. Для нападенія у насъ слишкомъ мало войска.

— Пустяки! горячо проговорилъ Калиновскій. Натискъ первое дѣло! Панъ артиллеристъ можетъ сидѣть со своими пушками въ окопахъ. Онъ увидитъ, какъ моя конница сомнетъ хлоповъ.

Послѣдовалъ залпъ. Татары круто повернули назадъ, и польская конница быстро понеслась за ними съ громкими возгласами: „Свента Марія!“ оставляя далеко за собою лагерь.

Въ эту минуту въ лагерѣ случилось что то странное. Съ сѣверной стороны послышалось какое-то смятеніе; пронесся крикъ:

— Козаки въ тылу! Непріятель въ обозѣ!

Въ тотъ же моментъ ротмистръ Зелинскій бросился за конницею, не дожидаясь даже приказанія главнокомандующаго.

— Назадъ! назадъ! кричалъ онъ. Вернитесь назадъ! Козаки въ лагерѣ!

Задніе ряды конницы повернули къ лагерю; передніе ряды неслись еще нѣсколько секундъ впередъ, но увидавъ, что они раздвоились, оставили преслѣдованіе. Козаки же и татары бросились по ихъ слѣдамъ. Зажужжали стрѣлы, засвистѣли пули, многіе всадники попадали. Ряды спутались, стройная колонна обратилась въ безпорядочный пчелиный рой. Достигнувъ лагеря.

поляки не досчитались, по крайней мѣрѣ, трети своихъ воиновъ. Непріятель же сталъ внѣ выстрѣловъ и, казалось, не имѣлъ намѣренія отступать.

Собственно говоря, козаковъ еще въ обозѣ не было. Прибѣжали только остатки польскаго отряда, высланнаго къ Ладыжину и разбитаго на голову Тимошемъ. Онъ со своимъ отрядомъ двигался по лѣвому берегу Буга и переправился черезъ рѣку выше Ладыжина. Бѣжавшіе увѣряли, что козаки тотчасъ нападутъ на обозъ и что ихъ видимо невидимо, тысячъ до ста. Пану гетману съ большимъ трудомъ удалось опять привести войско въ порядокъ. Повсюду онъ наталкивался на сильное возбужденіе; начальники отдѣльныхъ отрядовъ не слушали его приказаній. Вездѣ слышался ропотъ. Старые заслуженные воины чуть не на глазахъ у гетмана сходились въ кучки и обсуждали свое положеніе.

— Онъ ничего не знаетъ, какой онъ главнокомандующій! Онъ загналъ насъ сюда, какъ въ бойню, и даже не узналъ хорошенько о непріятельскихъ силахъ.

Кто-то предложилъ отдать гетмана въ неволю татарамъ.

— Пусть его опять посидитъ въ Крыму. За что намъ погибать всѣмъ изъ за сумасбродной головы! раздавалось въ толпѣ.

— Нѣтъ! отошлемъ его Хмельницкому! кричали другіе.

— Трусы, измѣнники! вдругъ раздался въ толпѣ рѣзкій голосъ гетмана.

Калиновскій прибѣжалъ изъ палатки, запыхавшись, дрожа отъ волненія, глаза его метали искры, рука крѣпко сжимала саблю; онъ махалъ ею надъ головою.

— Вы сами сумасброды, вы потеряли головы! Впередъ изъ обоза, или я зарублю всякаго ослушника.

Въ первую минуту неожиданное появленіе короннаго гетмана смутило пановъ; они было смолкли, но тотчасъ же снова зашумѣли и наступая съ обнаженными саблями на Калиновскаго, кричали ему:

— Ты трусъ, ты измѣнникъ, а не мы! Ты предалъ насъ въ руки хлоповъ и татаръ.

Нѣсколько молодыхъ пановъ, въ томъ числѣ князь Дмитрій и Николай Потоцкій заслонили собою гетмана и старались об-

разумить взволнованную толпу. Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бы Калиновскій, исчерпавъ все свое краснорѣчіе, не удалился въ свою палатку, куда за нимъ послѣдовали Пржіемскій и нѣсколько приближенныхъ пановъ.

На взволнованный лагерь спустился сумракъ; козаки еще не являлись, но ихъ ждали каждую минуту.

Нѣсколько храбрецовъ, наслушавшись отъ француза о чудесной скалѣ, въ полночь ходили туда и тоже опрометью вернулись назадъ; невидимый духъ повторилъ имъ по польски тоже самое, что и въ прошлую ночь.

Всю ночь до самаго разсвѣта просидѣлъ Калиновскій со старымъ артиллеристомъ, обсуждая всевозможные способы обороны. А въ лагерѣ, между тѣмъ, безотчетный, необъяснимый страхъ возросталъ каждую минуту, и едва только первая полоса утренней зари освѣтила лагерь, всѣ уже были на коняхъ, всѣ какъ одинъ человѣкъ рѣшились оставить гетмана и бѣжать куда глаза глядятъ. Этому много способствовало и поведеніе колдуньи. Она бѣгала по лагерю съ распущенными волосами и повелительнымъ жестомъ указывала на лѣвый берегъ Буга.

— Туда, туда надо вамъ идти! Я знаю, что онъ идетъ на васъ съ сѣвера, вамъ надо обойти его, перехитрить; здѣсь же васъ всѣхъ ждетъ гибель!

Панъ Самуилъ подошелъ къ ней и велѣлъ ей удалиться:

— Ступай прочь, Зелима! Тебѣ здѣсь не мѣсто!

— Это тебѣ здѣсь не мѣсто! возразила она, и взоръ ея сверкнулъ ненавистью: Ты вмѣстѣ съ отцомъ хотѣлъ выгнать бѣдную Зелиму. Смерть вамъ обоимъ! Аллахъ скоро отомститъ за меня.

Она побѣжала вонъ изъ лагеря, а за нею послѣдовали и многіе отряды.

Князь Дмитрій и панъ Самуилъ бросились къ палаткѣ коронаго гетмана.

— Отецъ, останови ихъ! Они бѣгутъ! въ волненіи вскрикнулъ панъ Самуилъ на порогѣ.

— Подлецы, трусы! вскрикнулъ Калиновскій, но голосъ его задрожалъ и оборвался.

Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ, какъ ошеломленный. Потомъ, выскочивъ изъ палатки и увлекая Пржіемскаго, онъ бросился къ артиллеріи, стоявшей на валу и не принимавшей никакого участія въ волненіи. Старые посѣдѣвшіе ветераны, дѣлившіе со своимъ старымъ вождемъ славу его въ битвахъ съ иноземцами, чинно стояли каждый на своемъ посту, готовые умереть, не моргнувъ глазомъ, по одному мановенію своего начальника.

— Я приказываю пану направить орудія на бѣглецовъ! скомандовалъ Калиновскій.

— Обдумалъ ли панъ коронный гетманъ, что онъ дѣлаетъ? попробовалъ его остановить Пржіемскій.

— Предлагаю пану слушаться главнокомандующаго! рѣзко отвѣтилъ Калиновскій.

Приказаніе было отдано. Раздался оглушительный залпъ, и дымъ застлалъ лагерь синеватымъ туманомъ, а обезумѣвшій отъ гнѣва гетманъ уже гналъ за бѣглецами нѣмецкую пѣхоту. Въ ту же почти минуту въ обозѣ вспыхнуло зарево. Панскіе хлопы, желая подслужиться козакамъ, сговорились сжечь лагерь. Когда дымъ пушечнаго залпа разсѣялся, первые лучи восходящаго солнца и яркое зарево пожара освѣтили ужасную картину. Множество поляковъ лежало на мѣстѣ; другіе съ яростью бросились на нѣмцевъ, завязалась отчаянная рукопашная борьба; нѣкоторые совершенно обезумѣли отъ страха и бросались кто въ воду, кто въ пламя горѣвшихъ костровъ. Изъ обоза то и дѣло вылетали цѣлые снопы пылавшаго сѣна, все болѣе и болѣе распространяя пожаръ по лагерю.

Вдругъ пронесся крикъ, и изъ за холма хлынула цѣлая волна козаковъ въ перемежку съ татарами. Впереди всѣхъ двигался красивый атлетъ запорожецъ, какъ изъ стали выкованный, и хитрымъ проницательнымъ взоромъ окинулъ страшную картину. Увидѣвъ борьбу, онъ заслонилъ глаза ладонью и сталъ всматриваться, удержавъ коня на вершинѣ холма. Занимъ остановились и козаки и стали въ удивленіи перешептываться.

— Не обманъ ли это? какая видьма ихъ зачаровала? Или они горилки перепились? говорили они вполголоса и нерѣшительно смотрѣли на своего предводителя.

Наконецъ широкая усмѣшка озарила лицо атамана. Это былъ зять Богдана, храбрый Иванъ Золотаренко, первѣйшій врагъ ляховъ, хорошо изучившій всѣ ихъ звычаи и обычаи.

— Смотрите-ка, братове, что творятъ ляхи! крикнулъ онъ и громко расхохотался; сами себя сѣкутъ и сами себя жгутъ. Этакъ мы ихъ голыми руками заберемъ, да и подушимъ ихъ въ ихъ же огнѣ. Отомстимъ имъ за Берестечко, перебьемъ нашихъ враговъ!

Тысячи голосовъ отвѣтили ему громкими криками.

Какъ лава, растеклось козацкое войско по всему лагерю; польская конница въ мигъ была смята. Все войско пришло въ такое смятеніе, что цѣлые отряды бросались въ рѣку и топили другъ друга. Бросившихся въ обозъ козаки оцѣпили плотною цѣпью и они всѣ погибли въ пламени, искавшихъ спасенія за окопами въ лѣсу и болотѣ почти всѣхъ перекололи, перерубили, перерѣзали. Небольшая кучка воиновъ, преимущественно артиллеристовъ Пржіемскаго, столпилась около гетмана. Панъ хорунжій старался высоко держать знамя, надѣясь, что бѣглецы опомнятся, соберутся. Но вдругъ просвистѣла татарская стрѣла и панъ хорунжій, не испустивъ ни одного звука, упалъ на землю, а знамя покрыло его точь въ точь какъ нѣсколько дней тому назадъ на смотру. Князь Дмитрій стоялъ тутъ же подлѣ хорунжаго; густыя волны дыма окружали ихъ всѣхъ, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. Вдругъ къ князю приблизилась какая то тѣнь, схватила его за руку и онъ услышалъ голосъ Зелимы:

— Если не хочешь погибнуть, иди за мною.

Въ ту же минуту онъ увидѣлъ, какъ упалъ на землю панъ Пржіемскій, и изо рта у него волною хлынула кровь. Въ нѣкоторомъ разстояніи въ дыму можно было уже различить татаръ и козаковъ. Князь не сопротивлялся, онъ послѣдовалъ за татаркою; она влекла его куда-то, онъ послушно шелъ за нею, спотыкаясь о тѣла, задыхаясь отъ дыма, перескакивая чрезъ горящія головни. Наконецъ дымъ сталъ рѣдѣть, они достигли берега рѣки въ сторонѣ отъ окоповъ и лагеря. Татарка вошла по колѣна въ воду, увлекая за собою князя; такъ они прошли съ

полверсты, скрытые высокою зарослью камыша. Тогда Зелима круто повернула за одинъ изъ выдающихся уступовъ скалы и указала князю на небольшой челнъ, скрытый между камнями.

— Надо подождать вечера, сказала она: до тѣхъ поръ Зелима скроетъ тебя въ пещерѣ.

Въ лагерѣ, между тѣмъ, продолжалась рѣзня. Калиновскій съ отчаянія самъ бросился въ толпу враговъ и пронзенный стрѣлами упалъ, обливаясь кровью.

Султанъ Нуреддинъ велѣлъ отрубить ему голову, а Золотаренко отрядилъ козака отвезти ее Богдану.

Самуилу Калиновскому съ нѣсколькими панами удалось вплавь перебраться черезъ Бугъ; но и они не нашли спасенія. Въ сосѣдней деревушкѣ, когда они скакали черезъ мостъ, гнилыя доски обломились и всѣ они упали въ воду, а хлопы не дали имъ выбраться на берегъ и добили ихъ.

Бѣдная пани Урсула! Отъ нея скрыли смерть мужа, увѣривъ ее, что онъ попался въ плѣнъ. Но и это извѣстіе такъ потрясло ее, что она долго не могла оправиться. Она продавала свои помѣстья и вотчины, а вырученныя отъ продажи деньги посылала въ Крымъ тому или другому агенту въ надеждѣ разыскать и освободить мужа.

ГЛАВА VI.

ВОЛКЪ ВЪ ЗАПАДНѢ.

Въ Яссахъ все задрожало при извѣстіи о батогскомъ разгромѣ. Побѣдоносный женихъ въ сопровожденіи своихъ воинственныхъ поѣзжанъ медленно надвигался къ границѣ.

Господарь созвалъ чрезвычайный совѣтъ. Засѣданіе этого собранія происходило при особенно торжественной обстановкѣ. Всѣ бароны совѣта и бароны дивана собрались въ большемъ аудіенцъ-залѣ, занимавшемъ центръ замка. У задней стѣны залы на высокомъ позолоченномъ тронѣ возсѣдалъ князь Василій, облеченный знаками княжескаго достоинства, въ богатой шапкѣ,

украшенной страусовыми перьями. Поверхъ нея была надѣта княжеская корона. Въ рукѣ онъ держалъ жезлъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Надъ тропомъ висѣлъ образъ Іисуса Христа, приведеннаго на судъ передъ Пилатомъ, въ богатой ризѣ, блиставшей драгоцѣнными каменьями, а передъ нимъ спускалось прекрасное фарфоровое паникадило съ толстою зеленою свѣчею, распространявшею благоуханіе. По лѣвую руку князя возвышался другой тронъ пониже для митрополита, возсѣдавшаго въ полномъ облаченіи. За нимъ вся лѣвая стѣна была занята мѣстами бояръ, расположенными по чинамъ со строгимъ соблюденіемъ занимаемыхъ ими должностей. По правую руку князя стоялъ великій меченосецъ съ двумя помощниками и держалъ княжескій мечь; а немного поодаль отъ него помѣщался цѣлый рядъ постельниковъ со своимъ начальникомъ во главѣ. Почетный караулъ, состоявшій изъ апродовъ и армашей, двумя длинными рядами стоялъ противъ князя. По правой же сторонѣ зала сидѣли отставные бояре, тоже размѣщенные по прежнимъ ихъ должностямъ.

Князь открылъ засѣданіе краткою молитвою, обращенною къ Господу Іисусу Христу, затѣмъ принялъ благословеніе отъ митрополита и обратился съ рѣчью къ засѣдавшимъ боярамъ, причемъ въ голосѣ его не слышалось уже обычной, рѣзкой повелительной нотки.

— Благородные вѣрные бояре! какъ то необычно мягко и вкрадчиво проговорилъ онъ. Мудрые мои совѣтники! Обращаюсь къ вамъ и жду отъ васъ рѣшенія всѣхъ затрудняющихъ меня вопросовъ. Вамъ извѣстно, въ какомъ положеніи мы находимся. Козаки подступили къ границѣ и грозятъ новымъ разгромомъ. Они опять запаслись дружбою татарскою; а гетманъ козаковъ настоятельно требуетъ, чтобы я отдалъ руку моей дочери сыну его Тимоѳею. Но, друзья мои, поймите чувства отца. Мнѣ невыносима мысль, что прекрасная княжна, которую я лелѣялъ нѣсколько лѣтъ, станетъ простою козачкою, выйдетъ замужъ за полудикаря, за человѣка низкаго происхожденія и должна будетъ влачить жизнь въ средѣ, вовсе ей несвойственной. Мнѣ бы легче было видѣть ее мертвой! заключилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Наступило тяжелое продолжительное молчаніе. Наконецъ всталъ одинъ изъ отрѣшенныхъ отъ должности бояръ и просилъ слова:

— Два года тому назадъ мы жестоко испытали, что значитъ гнѣвъ храбраго воина Тимоѳея Хмельницкаго. Побросавъ свое имущество, забравъ женъ и дѣтей, мы принуждены были бѣжать въ лѣса и съ высокихъ деревьевъ въ отчаяніи мы смотрѣли, какъ пламя пожирало наше имущество, уничтожало жилища, разрушало благосостояніе. Коварные поляки и не думали оказать намъ помощи. Ты же, князь, на нихъ тогда надѣялся такъ же, какъ надѣешься теперь. И теперь, какъ тогда, они не оправдали твоихъ надеждъ. Теперь они разбиты, а мы въ рукахъ козаковъ и татаръ. Настоящее нашествіе будетъ еще ужаснѣе перваго. О чемъ же теперь совѣщаться и что же тутъ обдумывать то, что очевидно. Неужели пережитыя бѣдствія не послужатъ намъ достаточнымъ урокомъ.

Глухой ропотъ пронесся по залу.

— Не хотимъ мы опять быть отданными въ руки татаръ! раздавались голоса бояръ. Чѣмъ Тимоѳей не зять князю, онъ храбрый воинъ и будетъ доблестнымъ его преемникомъ. Отдавай, князь, свою дочь за гетманова сына, его любитъ народъ, о его подвигахъ говоритъ вся страна, только ты одинъ не хочешь сознаться, что лучшаго зятя тебѣ не найти.

— Я долженъ присоединить и свою просьбу къ просьбѣ бояръ, сказалъ митрополитъ. Вѣра русская ближе къ нашей, чѣмъ католическая. Мы братія съ русскими по духу и должны сочувствовать имъ, такъ какъ они борятся за родную намъ вѣру. Народъ сильно не одобряетъ твою дружбу съ ляхами, князь, и если ты теперь воспротивишься, кто знаетъ, чернь можетъ возмутиться, посадить на престолъ храбраго Тимоѳея, а тебя изгнать навсегда изъ страны.

Василій слушалъ слова митрополита съ затаеннымъ гнѣвомъ. Въ другое время онъ не допустилъ бы такихъ рѣзкихъ возраженій; но теперь онъ зналъ, что во всемъ залѣ не найдется ни одного боярина, который бы отнесся къ нему доброжелательно. Онъ утомился въ этой безплодной борьбѣ и предчувство-

валъ, что стоглавая гидра, которую онъ давилъ столько лѣтъ, поднимется и задушитъ его, задушитъ жестоко, безжалостно, не вспомнивъ ни одного благодѣянія, доставленнаго имъ странѣ, поставивъ ему въ вину каждую ошибку, какъ бы она ни была ничтожна. Онъ и не думалъ бороться съ этимъ грознымъ призракомъ, онъ хотѣлъ только отдалить эту роковую минуту, купивъ себѣ хотя временное спокойствіе какою-бы то ни было цѣною.

Слова митрополита вызвали шумное одобреніе. Князь нѣсколько разъ призывалъ къ молчанію, но его не слушали, каждый старался подѣлиться своими впечатлѣніями, каждый по своему выяснялъ сказанное.

Василій старался привѣтливо улыбаться; но сурово сдвинутыя брови и блестѣвшій изъ подъ нихъ далеко неласковый взглядъ напоминали волка, загнаннаго въ западню. Онъ далъ утихнуть волненію и тогда смиренно произнесъ:

— Я готовъ исполнить волю народа моего; но спасетъ ли это насъ отъ дикихъ необузданныхъ гостей и ихъ насилій? Не лучше ли снестись съ найяснѣйшимъ королемъ польскимъ и, получивъ отъ него подкрѣпленія, двинуть къ границамъ всѣ наши военныя силы.

Услышавъ эти слова, медленно поднялся съ своего мѣста великій дворецкій, величавымъ движеніемъ протянулъ онъ свой позолоченный жезлъ впередъ, указывая въ окно на полуразрушенные силуэты дворцовъ и зданій, на разоренныя окрестности города, и проговорилъ:

— Два года тому назадъ, наша столица цвѣла, утопая въ роскоши садовъ, богатыхъ пажитей и нивъ. Тогда легче было собрать сильное и крѣпкое войско и двинуть его на встрѣчу врагу. Но тогда князь надѣялся на своихъ друзей ляховъ, допустилъ опустошить страну, разгромить и сжечь столицу. Какихъ же воиновъ дастъ теперь наша страна, не оправившаяся еще отъ опустошенія, когда у нея не хватаетъ рукъ для воздѣлыванія полей, когда чуть не половина населенія томится еще въ татарской неволѣ? Нѣтъ, князь, поздно думать о войнѣ, заключилъ онъ, слѣдуетъ отбросить ложную гордость и смириться передъ побѣдителемъ.

Князь поблѣднѣлъ отъ волненія, закусилъ губу, но черезъ минуту уже овладѣлъ собою и сказалъ:

— Пусть будетъ по вашему: для блага страны я готовъ пожертвовать дочерью!

При этихъ словахъ онъ три раза стукнулъ жезломъ объ полъ, въ знакъ того, что засѣданіе закрыто. Всѣ шумно встали съ своихъ мѣстъ, не соблюдая при этомъ обычнаго чиннаго спокойствія, предписываемаго этикетомъ.

На широкомъ княжескомъ дворѣ кучка бояръ столпилась около Георгицы.

— Долго ли же будемъ мы терпѣть козни этого волка? говорили они. Сегодня онъ говоритъ одно, а завтра дѣлаетъ другое. Лучше и вправду посадить на престолъ храбраго Тимоѳея.

Георгица насмѣшливо покачалъ головой.

— Тогда мы угодимъ изъ пасти волка въ пасть медвѣдя, проговорилъ онъ иронически. Если волкъ насъ подчасъ грызетъ волчьими зубами, то медвѣдь сразу насъ раздавитъ своею медвѣжьей лапой; и я незнаю, что хуже. Я предложилъ бы другое, дорогіе товарищи, проговорилъ онъ почти шепотомъ, осторожно озираясь. Пусть волкъ съ медвѣдемъ породнятся между собою и мнятъ себя въ безопасности. А мы тѣмъ временемъ потихоньку натравимъ на нихъ ихъ враговъ, да и стряхнемъ съ себя ихъ обоихъ.

— А потомъ что? освѣдомился великій вистерникъ, съ недовѣріемъ посматривая на своего сотоварища.

— А потомъ мы изберемъ изъ среды своей способнѣйшаго; онъ будетъ управлять нами разумно на благо страны.

Великій вистерникъ пытливо посмотрѣлъ въ глаза своему собесѣднику и, обращаясь къ остальнымъ боярамъ, проговорилъ:

— Сладкія рѣчи, давно мы ихъ слышали, да только власть то такая сила, кто до нея доберется, тотчасъ объ нихъ и забудетъ.

Всѣ поняли намекъ и, двусмысленно улыбаясь, стали расходиться, а Георгица, злобно смотря вслѣдъ удалявшемуся вистернику, прошепталъ про себя:

— Попомнишь ты эти сладкія рѣчи, на первомъ на тебѣ испробую силу власти.

Черезъ нѣсколько дней Яссы готовились къ торжественному пріему жениха. Тимошъ шелъ одинъ съ козаками, по просьбѣ будущаго тестя онъ оставилъ татаръ въ Польшѣ. На границѣ его встрѣтило почетное посольство съ двоюроднымъ братомъ князя Василія во главѣ. Своевольнаго племянника, грозу боярынь и боярышенъ, отправили въ Чигиринъ въ качествѣ заложника. Бояре втихомолку смѣялись, что Молдавія ничего бы не потеряла, если бы Богданъ свернулъ голову этому заложнику.

Тимоша сопровождалъ Иванъ Выговскій, правая рука гетмана; самъ же Богданъ остался въ Чигиринѣ.

Жаркій знойный день не помѣшалъ господарю соблюсти со всею торжественностью обрядъ встрѣчи. Почти за часъ до прибытія жениха онъ ужъ былъ за городскими воротами, окруженный необычайнымъ великолѣпіемъ и пышностью. Конница въ богатыхъ золоченныхъ латахъ и крылатыхъ каскахъ блистала на коняхъ, покрытыхъ роскошною сбруею. Великолѣпныя попоны княжескаго и боярскихъ коней, переливались на солнцѣ своими драгоцѣнными украшеніями. Разноцвѣтныя страусовыя перья на шапкахъ, дорогіе аграфы, тяжелые пояса, цѣнностью въ цѣлое состояніе, бархатъ, атласъ, серебро и золото, все это переносило въ какой то сказочный міръ; а тысячная толпа, высыпавшая за городъ встрѣтить жениха ставшаго популярнымъ во всей Молдавіи, придавала торжеству оттѣнокъ чего то грандіознаго, чего то такого, что невольно заставляло сильнѣе биться сердце каждаго изъ присутствовавшихъ.

Наконецъ ожидаемый гость показался вдали со своею свитою. Князь Василій слѣзъ съ коня и пѣшкомъ, сопровождаемый высшими своими сановниками, пошелъ къ нему навстрѣчу.

Тимошъ былъ одѣтъ до чрезвычайности просто, въ обыкновенномъ синемъ козацкомъ кафтанѣ прекраснаго тонкаго голландскаго сукна, въ широкихъ бархатныхъ шароварахъ темномалиноваго цвѣта, спускавшихся волнистыми складками на высокіе блестящіе козацкіе сапоги съ большими серебряными шпорами. Подъ мышкой онъ держалъ высокую смушковую шапку съ бархатнымъ верхомъ цвѣта шароваръ. Черезъ плечо на ремнѣ висѣла сабля, подаренная ему султаномъ Калгою, съ драгоцѣн-

ною рукоятью, осыпанною алмазами, изумрудами и рубинами, а за широкимъ поясомъ изъ массивныхъ золотыхъ бляхъ висѣлъ кинжалъ затѣйливой венеціанской работы, весь усыпанный дорогими каменьями. Этотъ простой нарядъ какъ то особенно изящно обрисовывалъ стройную фигуру молодаго козака, а его скромный и немного смущенный видъ составлялъ рѣзкую противоположность съ горделивой фигурой посматривавшаго на него свысока князя.

Приблизившись къ господарю, Тимошъ упалъ передъ нимъ на колѣни, но тотъ милостиво поднялъ его, поцѣловалъ въ лобъ и громко проговорилъ, осматривая его съ головы до ногъ.

— Любезный сынъ нашъ! вижу, что ты закалился въ бою, сталъ такимъ красавцемъ и молодцемъ, что, пожалуй, Локсандра и не узнаетъ тебя.

Комплиментъ будущаго тестя засталъ Тимоша врасплохъ. Простодушный юноша не ожидалъ такого ласковаго сердечнаго пріема и совершенно смутился. Онъ почувствовалъ себя вдругъ виноватымъ передъ этимъ человѣкомъ и несмотря на свои двадцать слишкомъ лѣтъ, вспыхнулъ, какъ красная дѣвица. На помощь къ нему подоспѣлъ находчивый Выговскій, совершенная противоположность Тимошу. Вся его фигура горѣла и блестѣла отъ множества драгоцѣнныхъ каменьевъ, украшавшихъ богатый бархатный кафтанъ съ золотыми позументами и шнурами, смотрѣвшихъ и изъ множества перстней на пальцахъ, и изъ аграфа на его шапочкѣ, и даже изъ пряжекъ на сафьянныхъ сапогахъ. Выговскій отвѣсилъ низкій поклонъ князю и проговорилъ:

— Наисвѣтлѣйшій князь, господарь всея Молдавіи, не осуди насъ, скромныхъ козаковъ, если мы не съумѣемъ вполнѣ выразить тебѣ всю нашу пріязнь, всю нашу готовность всегда и во всемъ служить странѣ твоей. Великій гетманъ всей Украйны шлетъ тебѣ свой братскій привѣтъ и поклонъ и проситъ тебя всегда держать въ любви сына его Тимоѳея. Онъ готовъ во всякое время помогать противъ враговъ твоихъ, кто бы они не были, и проситъ тебя быть увѣреннымъ въ его любви къ тебѣ.

Князь молча величественно поклонился, взялъ Тимоша за руку и подвелъ его къ богато убранному бѣлому коню, покры-

тому серебряною парчевою попоною. Потомъ самъ сѣлъ на коня, пропустилъ Тимоша впередъ и процессія торжественно двинулась къ воротамъ. Сотни колоколовъ загудѣли во всѣхъ ясскихъ церквяхъ и заглушали собою шедшихъ во главѣ процессіи трубачей. Толпа единодушно, восторженно кричала:

— Да здравствуетъ Тимошъ, храбрый воинъ!

А женщины усыпали дорогу душистыми цвѣтами.

Всѣ улицы были наполнены народомъ; народъ сидѣлъ на крышахъ, на деревьяхъ, на колокольняхъ. Ни одного вновь избраннаго князя не встрѣчали съ такимъ тріумфомъ, и Василій невольно вспоминалъ угрозу, брошенную ему въ лицо митрополитомъ: „Чернь можетъ посадить на престолъ храбраго воина, а тебя, ненавистнаго князя, выгнать вонъ изъ страны“, повторялъ онъ про себя мысленно. „Да, это опасный соперникъ“, думалъ онъ, опустивъ мрачно голову. „Надо поскорѣе спровадить его въ Украину“.

На ступеняхъ дворца ихъ встрѣтилъ митрополитъ съ крестомъ и святою водою, а сверху изъ маленькаго окна высокой башни смотрѣла Локсандра, и сердце ея, какъ птичка въ клѣткѣ, билось, при видѣ мужественнаго статнаго воина, несмотря на всѣ препятствія съумѣвшаго завоевать ее себѣ.

Въ день пріѣзда жениха обычай не дозволялъ ей съ нимъ видѣться, и она отъ души завидовала своей мачихѣ, облачившейся въ княжескія парадныя одежды и ушедшей въ пріемные покои. Локсандра даже принялась плакать, но Маріанка съумѣла уговорить ее, заявивъ, что у княжны будутъ глаза красные, а это можетъ не понравиться жениху. Чтобы скоротать время, Локсандра ушла въ тѣнистый садъ, бродила тамъ по дорожкамъ, срывая то пышную розу, то душистый жасминъ, то нарядную лилію.

ГЛАВА VII.

С Г О В О Р Ъ.

На слѣдующій день начинался цѣлый рядъ торжествъ, предшествовавшихъ бракосочетанію. Прежде всего слѣдовало совер-

шить обрядъ сговора по старинному обычаю страны. Панъ Кутнарскій вызвался быть руководителемъ. Съ вечера онъ зашелъ къ Тимошу, чтобы объяснить ему, что должно ему дѣлать. Его встрѣтилъ старинный его пріятель панъ Доброшевскій.

— Мое почтеніе пану! съ легкою ироніею проговорилъ Кутнарскій. Каково здоровье пана?

— Благодарю пана за ласку! холодно отвѣчалъ Доброшевскій. Живется мнѣ очень хорошо. Панъ Тимошъ храбрый благородный воинъ.

— Радуюсь благоденствію пана! съ еще большею ироніею проговорилъ Кутнарскій. Полагаю, что панъ тоже будетъ однимъ изъ печиторовъ (сватовъ).

— Кажется, панъ Тимошъ хочетъ справить сговоръ по украински! А впрочемъ, я доложу пану.

Онъ провелъ Кутнарскаго къ Тимошу.

Тимошу, собственно говоря, было все равно, какъ ни справить всѣ обряды, лишь бы поскорѣе съ ними покончить и увезти Локсандру къ себѣ на родину.

Но упрямые козаки, съ Золотаренкомъ, Носачемъ и Пушкаремъ во главѣ, непремѣнно хотѣли поддержать козацкую честь, тѣмъ болѣе что имъ пришлось вести переговоры съ заносчивымъ паномъ, не хотѣвшимъ да и не умѣвшимъ ихъ уламывать. Такъ какъ споры не привели ни къ какимъ результатамъ, то господарь рѣшилъ въ тотъ же день собрать семейный совѣтъ и сообща установить всѣ свадебные обряды. На совѣщаніе явились сваты, женихъ, господарь съ женою и еще нѣсколько приближенныхъ изъ семьи господаря.

Козаки предъявили свои требованія, чтобы были соблюдены не только молдавскіе, но и украинскіе обряды. Господарь поморщился и сталъ отнѣкиваться.

— У насъ, вѣдь, никто не знаетъ ни вашихъ пѣсенъ, ни вашихъ плясокъ, говорилъ онъ, еще чего добраго все перепутаютъ и выйдетъ не торжество, а посмѣшище.

За козаковъ вступилась господарша.

— Отчего же не устроить такъ, чтобы совершить и наши, и ихъ обряды? Мы поищемъ старыхъ козачекъ; онѣ научатъ

нашихъ боярышень украинскимъ пѣснямъ. Это будетъ даже весело! А если выйдетъ въ чемъ нибудь ошибка, храбрые воины насъ не осудятъ; мы отъ души желаемъ угодить имъ! весело проговорила она, посматривая на Тимоша.

— Вотъ это умно! сказалъ Тимошъ, схватилъ руку тещи и громко ее поцѣловалъ, не стѣсняясь придворнымъ этикетомъ.

Господарша засмѣялась, вспыхнула, быстро отдернула руку, а князь сурово покосился на жену и предложилъ немедля обсудить, какіе изъ украинскихъ обрядовъ можно соблюсти.

— У васъ тамъ можетъ быть окажется что нибудь такое, чего не можетъ допустить нашъ придворный этикетъ! сказалъ онъ съ неудовольствіемъ, снова косясь на жену.

Но на этотъ разъ господарша совсѣмъ не замѣчала косыхъ взглядовъ мужа. Въ счастьи своей падчерицы она переживала вторую молодость, расцвѣла и повеселѣла и, казалось, ничего не видѣла помимо интересовъ Локсандры и Тимоша.

— Нѣтъ, Василій! отвѣчала она. Я отлично знаю все, что поется и дѣлается на малороссійскихъ свадьбахъ, тамъ ничего нѣтъ предосудительнаго, пѣсни хорошія, и не трудно ихъ выучить.

— Что-то ты скоро познакомилась съ украинскими обычаями? рѣзко проговорилъ господарь.

— Я хотѣла угодить Тимошу, скромно отвѣчала она, опустивъ глаза. Мы съ Локсандрой уже цѣлый мѣсяцъ разучиваемъ эти пѣсни, и козачки къ намъ ходятъ. Локсандра даже и плясать научилась. Господарша все это проговорила съ невиннымъ видомъ, какъ бы поддразнивая мужа. Съ нѣкотораго времени ей доставляло особое удовольствіе сердить его.

Василій еще сердитѣе сдвинулъ брови. Онъ собирался уже замѣтить, что все это дѣлалось за его спиною, безъ его позволенія. Но, взглянувъ на сіявшее лицо Тимоша, удержался. Теперь, когда этотъ ненавистный зять все таки навязался ему, не оставалось ничего другаго, какъ угождать строптивому козаку, приручить его и извлечь изъ него наиболѣе пользы.

— Хорошо! я согласенъ, проговорилъ онъ. Это дѣло женское, и мнѣ все равно. Я только желаю одного, чтобы нашъ обычай былъ соблюденъ во всей чистотѣ, чтобы никто не могъ

сказать, что дочь господаря взята насильно, какъ боевая добыча.

— Это значитъ, тихо прошепталъ Золотаренко Носачу, мы хотимъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы.

— А какъ же мы будемъ по вашему объясняться? спросилъ Золотаренко, обращаясь къ господарю.

— Я могу помочь затрудненію, вмѣшался Выговскій. Если мнѣ въ общихъ чертахъ укажутъ, что говорить, то я не затруднюсь.

— Ну и добре! замѣтилъ Золотаренко. Ты говори, а мы будемъ поддакивать.

Затрудненія такимъ образомъ были устранены.

На другой день съ самаго ранняго утра всѣ суетились, шумѣли, толкались. Весь женскій персоналъ, начиная съ княгини и кончая послѣднею рабою, проникся торжественностью минуты. И немудрено! Предстояло одѣть княжну къ сговору такъ, чтобы она была краше всѣхъ, чтобы поразить и жениха, и сватовъ. Нѣсколько самыхъ знатныхъ боярынь и боярышенъ окружали господаршу и княжну, торжественно разбирая гардеробъ ея и обсуждая ея нарядъ до малѣйшей подробности. Локсандра только изъ приличія стояла тутъ же. Она совершенно равнодушно смотрѣла на богатую парчу, яркій шелкъ и драгоцѣнные каменья. Если бы спросили ея мнѣнія, она всего охотнѣе одѣлась бы въ малороссійскую плахту и запаску съ причудливымъ шитьемъ, подарокъ жениха, торжественно ей переданный утромъ паномъ Доброшевскимъ. Но ея мнѣнія не спрашивали, придворный этикетъ требовалъ особаго великолѣпія, и Локсандра покорно подчинилась ему, утѣшая себя мыслью, что покажется своему жениху въ украинской одеждѣ потомъ, когда минуютъ эти скучныя церемоніи.

Часа за два до назначеннаго времени въ большой залѣ замка собралась вся знать, бояре и боярыни и размѣстились на указанныхъ имъ мѣстахъ. Когда прибыли сваты, князь и княгиня вышли изъ внутреннихъ покоевъ въ сопровожденіи почетной свиты.

Роскошь и великолѣпіе царили повсюду. Одежды князя и княгини горѣли алмазами, боярыни щеголяли одна передъ дру-

гою богатымъ шитьемъ, дорогими шелками, парчею и бархатомъ.

Наконецъ въ залъ торжественно ввели печиторовъ. Въ качествѣ старосты былъ панъ Выговскій въ богатомъ кунтушѣ, опоясанномъ драгоцѣннымъ поясомъ, съ дорогою цѣпью на шеѣ. Онь выступалъ плавно, мягко, съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, нисколько, повидимому, не смущаясь многочисленностью собранія. Совершенную съ нимъ противоположность составляли остальные сваты. Ихъ дюжія, коренастыя фигуры съ длинными чубами, черныя, загорѣлыя лица и простой нарядъ запорожцевъ, а главное огромные неуклюжіе сапоги, работы сѣчеваго мастера, невольно обращали на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Козаки чувствовали себя неловко, не знали, куда дѣть руки, на кого смотрѣть.

Подойдя къ князю, Выговскій началъ свою рѣчь плавно, краснорѣчиво, со всѣми нужными оттѣнками и по залѣ пронесся шепотъ одобренія.

Онъ говорилъ:

— Свѣтлѣйшій князь, высокопрославленный господарь! Мы охотились съ господиномъ нашимъ, храбрымъ паномъ Тимоѳеемъ, сыномъ знаменитаго гетмана всея Украйны, Богдана Хмельницкаго, и забрели въ твою землю, обильную медомъ и млекомъ. Заманила насъ сюда еленица стыдливая, боязливая, заманила и скрылася въ домѣ твоемъ. Мы пришли по слѣдамъ ея, утомились, догоняя ее, и просимъ тебя отдать намъ ее или указать, куда она бѣжала.

Выговскій отвѣсилъ при этомъ низкій поклонъ и, опершись на рукоять сабли, ожидалъ отвѣта.

— Не знаю, не знаю! покачивая отрицательно головою, отвѣчалъ князь: не приходила такая дичина въ домъ мой, не сбились ли славные охотники въ слѣдахъ, не скрылась ли ваша еленица въ сосѣдствѣ.

— Нѣтъ, свѣтлѣйшій князь! съ легкою усмѣшкою настаивалъ староста, еленица у тебя въ домѣ, наши гончія хорошо разнюхали ея слѣдъ.

Князь далъ знакъ рукою. Отворилась дверь. Двѣ боярыни вывели старую грязную цыганку въ заплатанныхъ рубищахъ, съ босыми ногами.

— Тьфу! видьму какую подобрали! не вытерпѣлъ Золотаренко и сплюнулъ. Вотъ такъ сговоръ! Бисъ ихъ возьми!

Онъ вообще чувствовалъ себя не въ духѣ. Панъ Выговскій обернулся и строго посмотрѣлъ на него.

— Ничего, пане, я такъ, про себя! Бреши себѣ дальше! пробормоталъ козакъ.

— Вотъ вамъ еленица, добрые охотники! Не за нею ли вы гнались?

— Нѣтъ, великій властитель! съ трудомъ удерживая улыбку, отвѣчалъ Выговскій. За такою дичью нашъ господинъ не погнался бы. Та еленица была златорогая, златошерстая, у нея сокольи очи, жемчужные зубы, губы румянѣе вишень, тѣло, какъ у львицы, грудь гусиная, шея лебединая, персты нѣжнѣе воска, взоръ яснѣе солнца и мѣсяца.

— Никогда такой дичины мы не видывали, отвѣчала господарша. Ваши гончія ошиблись, дорогіе охотники.

— Хорошо! съ угрожающимъ жестомъ проговорилъ тогда староста, грозно выпрямившись и обнажая саблю. Если гончія наши ошиблись, такъ не ошибется наше оружіе. Съ обнаженнымъ мечомъ обойдемъ мы домъ твой, и горе тебѣ, господарь! если ты скрылъ еленицу.

— Вотъ такъ добре! проговорилъ Золотаренко и, слѣдуя примѣру Выговскаго, обнажилъ оружіе. То по нашему звычаю! Гдѣ языкъ не помогаетъ, тамъ шаблюка научитъ.

— Не гнѣвитесь, храбрые охотники! вставая и отвѣшивая старостѣ поклонъ, сказали князь и княгиня. Есть еще у насъ еленица пугливая, стыдливая.

При этихъ словахъ отворилась другая дверь, и двѣ боярыни торжественно ввели Локсандру.

Козаки не могли скрыть своего восторга.

— Вотъ-то гарная дивчина! проговорили они.

— Жаль, что только много на ней напутано, прибавилъ Носачъ, и не разглядѣть, какая она есть.

Княжну увѣшали всевозможными ожерельями, нитками алмазовъ и жемчуговъ, украсили кольцами, браслетами, даже на сапожкахъ были намотаны нити драгоцѣнныхъ камней.

— Вотъ она наша давно желанная еленица! сказалъ Выговскій, преклоняя колѣна передъ княжною.

Вставъ, онъ медленно подошелъ къ входной двери и отворивъ ее, взялъ за руку ожидавшаго за дверью Тимоша и подвелъ его къ невѣстѣ.

Локсандра дрожала отъ волненія, не смѣла поднять глазъ и, дѣйствительно, напоминала загнанную еленицу. Ей было и страшно, и весело, и смѣшно, и грустно; казалось, что это сонъ, не вѣрилось, что подлѣ нея стоитъ Тимошъ, тотъ Тимошъ, которымъ она грезила и во снѣ, и на яву.

Вслѣдъ за женихомъ вошелъ митрополитъ въ полномъ облаченіи въ сопровожденіи протодіакона, несшаго на богатомъ блюдѣ кольца.

Молодыхъ людей обручили при громкомъ звонѣ колоколовъ, а господарша торжественно повязала всѣхъ сватовъ богатыми шелковыми ручниками съпрекраснымъ разноцвѣтнымъ шитьемъ. Тимошу же она перевязала правый рукавъ красивымъ шелковымъ платкомъ съ цвѣтной каймой.

Тимошъ думалъ, что ихъ теперь посадятъ подъ образа, какъ это дѣлалось на Украйнѣ и втайнѣ тѣшилъ себя пріятною близостью съ любимой дѣвушкой; но не тутъ-то было!

Боярыни подхватили княжну и увлекли ее во внутренніе покои, къ великой досадѣ жениха.

— Что, братику? проговорилъ Золотаренко, похлопывая Тимоша по плечу. Вотъ тебѣ и еленица! показала рога да и утекла.

— А я-жъ ее все таки увижу! сердито проворчалъ Тимошъ. Не будь я козакъ, если не увижу.

Господарь торжественно подошелъ къ Тимошу, взялъ его за руку и съ низкимъ поклономъ просилъ не побрезгать, откушать его хлѣба-соли.

Всѣ двинулись въ просторную столовую съ широкими массивными дубовыми столами и стѣнами, украшенными звѣриными головами и чучелами птицъ.

Роскошныя яства, прекрасныя вина до нѣкоторой степени примирили козаковъ съ празднествомъ; а горѣлку вполнѣ замѣнило зеленое котнарское, густое, какъ масло, и жгучее, какъ раскаленное желѣзо. Душистые соты и всевозможные плоды закончили обѣдъ. Яблоки показались козакамъ слишкомъ мелкими и недостаточно сочными, груши были крѣпки, а сливы хоть и крупны да водянисты.

— Ишь, вражьи дѣти! ворчалъ Золотаренко, не умѣютъ и плодовъ выростить. Земля такая благословенная, а садовъ нема.

— Подожди, лукаво подмигнувъ, замѣтилъ Пушкарь. Какъ посадимъ мы сюда нашего молодаго батька, такъ не то будетъ. Онъ ихъ всему научитъ.

— Бреши, да не забрехивайся! многозначительно отвѣтилъ Золотаренко, искоса посматривая на Георгицу, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ.

Но Георгицѣ было не до нихъ. Онъ весь ушелъ въ созерцаніе того, что происходило напротивъ, гдѣ сидѣли Тимошъ, господарша и князь.

Тимошъ, разгоряченный виномъ, увѣрялъ князя въ своей готовности всегда стоять за него и за его интересы.

— Не бойся, князь! говорилъ онъ. Теперь тебѣ не будутъ страшны никакіе враги. Мы съ отцомъ отстоимъ тебя отъ всякаго недруга. Не страшенъ намъ ни Ракоцій, ни Бассарба, всѣхъ ихъ заставимъ плясать по нашей дудкѣ. Понадобится Порту купить и ее купимъ, денегъ у насъ на это хватитъ.

Георгица многозначительно переглянулся съ женою, сидѣвшею наискосокъ по другую сторону стола.

Василій старался успокоить расходившагося зятя.

— Мы съ тобою еще переговоримъ объ этомъ! замѣтилъ онъ вполгоса и положилъ на столъ расшитый утиральникъ, поданный ему однимъ изъ пажей.

Великій постельникъ, ожидавшій этого знака, стукнулъ объ полъ серебрянымъ жезломъ, и всѣ встали изъ-за стола.

Тимошъ воспользовался удобною минутою и скользнулъ никѣмъ незамѣченный на женскую половину.

— Гдѣ княжна? спросилъ онъ первую попавшуюся служанку по-молдавански.

Служанка совершенно оторопѣла при видѣ рыцаря и смущенно пробормотала:

— Гуляетъ въ саду.

— Добре! замѣтилъ про себя Тимошъ и, обращаясь къ рабынѣ, спросилъ: а гдѣ садъ?

У рабыни языкъ прилипъ къ горлу отъ страха, она могла только указать рукой на чернѣвшуюся дверь въ концѣ узкаго корридора и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать.

Тимошъ быстро направился къ указанному выходу, отворилъ дверь и очутился въ густомъ саду съ тѣнистыми буковыми аллеями, причудливыми гротами, бесѣдками и фонтанами. Онъ остановился было въ нерѣшимости; но взглянувъ на посыпанную пескомъ дорожку, привычнымъ взглядомъ отличилъ маленькіе узкіе слѣды кожаныхъ сандалій княжны.

Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и любовался стройною ея фигурою, наклонившеюся надъ фонтаномъ.

— Локсандра, серденько мое! проговорилъ онъ тихо.

Локсандра обернулась, и лицо ея изобразило полнѣйшій испугъ. Она замахала на него руками и въ ужасѣ проговорила:

— Уйди, уйди, сумасшедшій! Тебѣ не надо меня видѣть. Урбители прогнѣваются на насъ; нашлютъ на тебя Фрумоазель!

Тимошъ засмѣялся.

— Какіе тамъ Урбители? проговорилъ онъ. Ты моя Фрумоазель, и знать я ничего не знаю! Я и то цѣлыхъ два дня терпѣлъ: не видѣлъ тебя и не слышалъ о тебѣ. А теперь ни за что не уйду, пока ты меня сама не поцѣлуешь.

Онъ обнялъ ее и посадилъ на скамейку.

Почувствовавъ себя въ объятіяхъ Тимоша, Локсандра забыла и Урбителей, и Фрумоазель, и со всѣмъ пыломъ горячаго любящаго дѣвичьяго сердца прижалась къ нему.

— Что-жъ, уйти? проговорилъ онъ, цѣлуя ее.

— Ужъ пришелъ, такъ посиди! съ шаловливой улыбкой проговорила она. А все таки не хорошо, что мы видимся.

— Вздоръ! ободрительно проговорилъ онъ: это только у васъ такой обычай; а у насъ во время сговора женихъ съ невѣстою пируютъ со всѣми вмѣстѣ.

Локсандра все таки не позволила ему долго оставаться съ нею. Она, видимо, безпокоилась и гнала его отъ себя, и разставалась съ сожалѣніемъ.

Тимошъ тѣмъ же путемъ пробрался въ залъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, подсѣлъ къ козакамъ.

— Ты это гдѣ шатался? спросилъ Пушкарь, многозначительно подмигивая.

— Невѣсту смотрѣлъ! лаконически отвѣчалъ Тимошъ.

— Эге-е! протянулъ Пушкарь. Ты тутъ видно, братику, всѣ входы и выходы знаешь.

Тимошъ усмѣхнулся и ничего не отвѣтилъ.

Скоро господарь раскланялся съ козаками, такъ какъ вечеромъ предстоялъ обрядъ расплетанія косы, нѣчто вродѣ дѣвичника; на немъ женихъ отсутствуетъ.

Господарша приготовила падчерицѣ пріятный сюрпризъ: она гдѣ-то раздобыла стараго дѣда-кобзаря. Онъ весь вечеръ распѣвалъ украинскія думы, а подъ конецъ пустился отплясывать гопака не хуже молодаго парубка къ великому удовольствію боярынь и боярышень.

Дѣвичникъ вышелъ скорѣе веселый, чѣмъ грустный. Даже господарша тряхнула стариною и прошлась въ плавномъ восточномъ танцѣ, позвякивая своими браслетами и ожерельями.

Свадьбу назначили черезъ два дня на тридцать первое августа, а черезъ недѣлю молодые должны были уѣхать въ Украйну. Это было отчасти противъ обычая, такъ какъ обыкновенно послѣ сговора слѣдовало пировать еще недѣлю. Но въ виду поспѣшности нѣкоторые обряды соединили съ дѣвичникомъ, такъ что не было обычныхъ просѣваленъ, когда женщины просѣваютъ муку для свадьбы.

ГЛАВА VIII.

СВАДЬБА.

Въ день вѣнчанія Тимошъ съ утра устроилъ прощаніе со своими дружками и свадебными боярами, одарилъ ихъ всѣхъ кого саблею, кого конемъ, кого кафтаномъ и собрался съ ними въ путь верхомъ на статныхъ коняхъ задолго до часа назначеннаго для брачной церемоніи. Не доѣзжая дворца, свадебная свита его раздѣлилась на двѣ группы и одна изъ нихъ, имѣя во главѣ Выговскаго, поскакала впередъ, чтобы увѣдомить о прибытіи жениха.

Толпы народа стояли на улицахъ и смотрѣли на все происходившее.

Жениховы вѣстники знали, что на дорогѣ ихъ стерегутъ невѣстины бояре и чтобы поддержать честь жениха, они гнали своихъ степныхъ скакуновъ изо всей силы, стараясь ускользнуть отъ мнимаго непріятеля. На одномъ изъ поворотовъ, дѣйствительно, выскочило нѣсколько молодыхъ людей на прекрасныхъ молдавскихъ коняхъ, и пустились за ними въ догонку, стараясь перерѣзать путь, чтобы ввести ихъ во дворецъ съ тріумфомъ, какъ плѣнныхъ. Впереди всѣхъ скакалъ сорви—голова племянникъ господаря. Но козацкихъ коней не легко было догнать; нѣсколько разъ преслѣдующіе почти уже настигали козаковъ; но тѣ вертѣлись, какъ вьюны, и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, опять улетали впередъ. Только одинъ панъ Доброшевскій не поспѣвалъ за остальными; на одномъ изъ крутыхъ поворотовъ лошадь его споткнулась и чрезъ минуту онъ уже былъ въ плѣну.

Дружки же, достигнувъ замка, соскочили съ коней и при громкихъ крикахъ толпы вступили во дворецъ.

— Что нужно храбрымъ воинамъ? спросилъ господарь, ожидавшій уже ихъ на верхней площадкѣ широкой каменной лѣстницы.

— Повелитель нашъ послалъ насъ объявить войну замку. Сейчасъ онъ и самъ прибудетъ сюда съ войскомъ! отвѣчалъ Выговскій.

— Будемъ ожидать вашего повелителя, проговорилъ князь и, замѣтивъ плѣнника, прибавилъ:—идите къ господину вашему, а этого мы оставимъ у себя заложникомъ.

Послы вернулись навстрѣчу жениху, а пана Доброшевскаго заставили выпить выкупную чарку порядочныхъ размѣровъ.

Жениха встрѣтили пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ, а господарша торжественно приняла изъ рукъ дружекъ украинскій каравай, украшенный замысловатыми сахарными фигурами. Ихъ тотчасъ отвели на арену, приготовленную для ристанія. На широкомъ княжескомъ дворѣ собралась вся знать, размѣщенная по чинамъ; на возвышенномъ княжескомъ мѣстѣ сидѣла господарша въ порфирѣ и коронѣ, а подлѣ нея помѣщалась невѣста съ распущенными волосами и душистымъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Ей предстояло раздавать награды побѣдителямъ, состоявшія изъ кусковъ дорогой шелковой матеріи и сукна, лежавшихъ передъ княжною на большомъ серебряномъ подносѣ. Тимоша тоже ввели на княжеское мѣсто и посадили рядомъ съ Локсандрой. Князь занималъ въ этотъ день второе мѣсто послѣ жениха, дружки же, перевязанные на крестъ ручниками, помѣстились сзади невѣсты. Съ другой стороны Тимоша сѣла свѣтилка, роль ея за неимѣніемъ родной сестры исполняла двоюродная сестра Локсандры. Въ угоду жениху и невѣста, и господарша, и приближенныя боярыни и боярышни всѣ были въ малороссійскихъ костюмахъ.

Тимошъ подалъ знакъ, и началось ристаніе. Послѣ двухчасоваго состязанія, скачекъ въ запуски, черезъ барьеръ, черезъ ровъ побѣдителями остались двое: княжескій племянникъ и отважный козакъ, начальникъ украинскихъ левенцовъ, Грыцько. Коней ихъ торжественно украсили вѣнками изъ душистыхъ цвѣтовъ, а изъ рукъ невѣсты они получили награду, причемъ Грыцько торжественно обвязалъ кусокъ драгоцѣнной шелковой матеріи въ видѣ пояса. Такъ какъ вечеромъ предстоялъ пиръ, то два часа ранѣе зазвонили къ вечернѣ и невѣсту стали собирать къ вѣнцу; поѣзжане же и гости собрались передъ дворцемъ и расположились въ извѣстномъ порядкѣ, предписанномъ церемоніаломъ. Свадебная процессія отличалась особымъ

великолѣпіемъ и пышностью. Новыя только что сшитыя одежды скороходовъ блестѣли серебромъ и золотомъ, высокія шапки ихъ на подобіе опрокинутыхъ стакановъ были украшены княжескими гербами, рельефно выдававшимися на золотомъ фонѣ. Великій конюшій съ двумя помощниками держали прекрасныхъ бѣлыхъ арабскихъ коней въ уздахъ усыпанныхъ драгоцѣнными каменьями и покрытыхъ попонами шитыми золотомъ и серебромъ. Кони эти были предназначены жениху и невѣстѣ. Позади ихъ второй конюшій со своими помощниками держалъ тоже богатоукрашенныхъ коней для господаря и господарши. Затѣмъ слѣдовала знатнѣйшая свита изъ перворазрядныхъ бояръ и боярынь. Къ нимъ присоединились по выходѣ изъ дворца и дружки, и родственники невѣсты. Свѣтилка ѣхала съ невѣстой рядомъ, торжественно держа саблю съ прикрѣпленною къ ней восковою свѣчею. Остальныя приближенныя боярышни по малороссійски были съ вѣнками на головахъ; онѣ окружали свѣтилку.

Передъ отъѣздомъ въ церковь жениха и невѣсту благословили господарь и господарша образомъ и хлѣбомъ, послѣ чего они три раза поклонились въ землю, приложились къ образамъ и поцѣловали ихъ руки.

Громкая музыка сопровождала шествіе въ соборъ, и за звуками трубъ не слышно было даже криковъ толпы, восторженно встрѣчавшихъ и провожавшихъ жениха и невѣсту пожеланіями всѣхъ благъ.

Посреди церкви былъ разостланъ коверъ съ разсыпанными на немъ червонцами. Сватъ и сваха съ двумя толстыми свѣчами ввели жениха и невѣсту и поставили жениха по правую, а невѣсту по лѣвую сторону ковра. Свѣтилка встала подлѣ невѣсты, а позади невѣсты двѣ старшія дружки; онѣ должны были держать вѣнецъ.

Раздалось торжественное пѣніе, какъ только женихъ и невѣста показались на порогѣ церкви. Во время бракосочетанія родственники невѣсты осыпали всѣхъ присутствовавшихъ мелкими деньгами, орѣхами и сухимъ хмѣлемъ. Священникъ читалъ обычныя молитвы при вѣнчаніи, три раза обручилъ ихъ кольцами, три раза въ вѣнцахъ обвелъ ихъ вокругъ аналоя и

въ концѣ далъ имъ три раза вкусить хлѣба, намазаннаго медомъ. Невѣстѣ завѣсили лицо тонкимъ шелковымъ краснымъ платкомъ, прикрѣпленнымъ къ двумъ стрѣламъ.

На возвратномъ пути дѣвушки и женщины, окружавшія новобрачныхъ, бросали имъ подъ ноги букеты и вѣнки изъ цвѣтовъ, а во дворцѣ весь путь и всѣ залы были усыпаны розмариномъ и украшены пышными пестрыми гирляндами цвѣтовъ. Въ меньшемъ аудіенцъ-залѣ гостей ожидалъ богатый пиръ. Женихъ съ невѣстою, князь и княгиня, всѣ приближенные и родные заняли назначенныя имъ мѣста, кромѣ тѣхъ бояръ, которые должны были служить за столомъ. При звукѣ трубъ и литавръ стольничьи въ предшествіи ватава внесли кушанья и передали ихъ великому стольнику; онъ же поставилъ ихъ предъ новобрачными и всталъ на свое мѣсто за стуломъ князя. Всѣ встали, митрополитъ прочелъ молитву и благословилъ яства, а старшій медельничаръ принесъ воду для омовенія рукъ.

Громкій пушечный залпъ возвѣстилъ городу, что новобрачные сѣли за трапезу, а съ высокихъ хоръ зала раздалась турецкая музыка. Великій пачарникъ взялъ сосудъ съ виномъ, налилъ его въ кубокъ, стоявшій передъ княземъ и съ поклономъ отошелъ на свое мѣсто, помощники же его наливали вино остальнымъ гостямъ. Митрополитъ, за нимъ все духовенство и всѣ бояре встали въ ожиданіи, когда князь окреденцуетъ вино, т. е. отопьетъ первый глотокъ; но князь предоставилъ эту честь жениху, первый поклонился ему въ поясъ, а за нимъ и всѣ гости. Послѣ этого всѣ сѣли и принялись за обѣдъ; женщины, соблюдая этикетъ, едва замѣтно клали себѣ въ ротъ маленькіе кусочки, дѣлая видъ, что онѣ не ѣдятъ, а только пробуютъ, передъ монашествующими духовными стояли только рыбныя и молочныя блюда. Мужчины не заставляли себя просить, быстро истребляя и дичь, и жареныхъ быковъ, и барановъ.

Послѣ перваго блюда князь всталъ и провозгласилъ тостъ за своего храбраго сына Тимоѳея.

Громкое „да здравствуетъ“! огласило своды зала.

Тимошъ всталъ и, выпивъ свой кубокъ, велѣлъ себѣ налить второй, и провозгласилъ тостъ за любезнаго тестя своего,

причемъ, выпивъ кубокъ до дна, сильно стукнулъ имъ по столу и громко прибавилъ:

— Да будетъ между нами миръ и согласіе! Я готовъ исполнить всѣ твои желанія, а какъ подѣлимъ мы съ тобою Волощину и Молдавію, такъ обоимъ намъ мѣста хватитъ, не изъ зачего будетъ ссориться.

Между боярами произошло легкое замѣшательство. Тимошъ же протянулъ свой кубокъ къ стоявшему за нимъ почарнику и провозгласилъ третій тостъ: за процвѣтаніе Молдавіи и Валахіи, скрѣпленныхъ дружескимъ союзомъ.

Василій съ неудовольствіемъ сдвинулъ брови и сердито взглянулъ на зятя, а великій логоѳетъ замѣтилъ вполголоса, что Валахіей нельзя распоряжаться по произволу, такъ какъ она находится въ зависимости отъ Турціи.

— Что за бѣда? самонадѣянно отвѣчалъ Тимошъ, мы сможемъ получить турецкое согласіе, такъ какъ турки наши пріятели. Султанъ Калга имѣетъ связи въ Константинополѣ, а онъ мой побратимъ, все для меня сдѣлаетъ.

Князь не зналъ, какъ прекратить этотъ непріятный разговоръ. На его счастье послѣ третьяго тоста началась смѣна первыхъ чиновъ; при чемъ великій меченосецъ, великій стольникъ, великій почарникъ и великій медельничаръ получили жалованныя имъ съ княжескаго стола блюда и ушли кушать въ сосѣдній залъ, гдѣ имъ былъ накрытъ особый столъ; вторые же чины заняли ихъ мѣста и подали вторую смѣну яствъ.

Провозглашены были тосты за новобрачную, за господаршу, за благоденствіе новобрачныхъ. Вино лилось рѣкой, и шумные разговоры нѣсколько разъ прерывались пушечными залпами. Наконецъ испили и три великія братины вина: первую за Божію милость и милосердіе, вторую за благоденствіе императора, и третью предложилъ митрополитъ за здравіе новобрачныхъ и князя.

При этомъ всѣ встали. Митрополитъ осѣнилъ князя крестнымъ знаменіемъ и благословилъ его, грянула музыка, раздался пушечный залпъ. Митрополитъ взялъ тяжелый серебряный кубокъ и, едва держа его руками, поднесъ къ устамъ. Бояре же, выпивъ свои кубки, по двое, поддерживаемые великимъ постель-

ничьимъ, подходили къ князю, цѣловали его руку и потомъ занимали свои мѣста.

Пиръ длился долго, наконецъ великій медельничаръ принесъ свѣчи и всѣ встали изъ-за стола, чтобы перейти въ большой залъ, гдѣ начались пѣсни и пляски.

Остатки кушаньевъ расхватала княжеская прислуга; каждый старался хоть чѣмъ-нибудь полакомиться съ княжескаго стола. Великому ключару было не мало хлопотъ, чтобы собрать всю серебряную посуду, оказавшуюся во всѣхъ углахъ столовой.

Въ большемъ залѣ сперва пѣлась молдавская хора; дѣвушки и юноши, схватясь руками, образовали кругъ и переходили мѣрно въ тактъ справа на лѣво, причудливо извиваясь, то сходясь, то расходясь. Женихъ со своими дружками тоже былъ въ кругу, не отходя отъ невѣсты. За хорою слѣдовалъ данчь, всѣ взялись за руки, образуя длинную вереницу и плавно покачиваясь, описывая разнообразные обороты, круги, полукруги, свиваясь и развиваясь. Наконецъ великій постельникъ установилъ мужчинъ и женщинъ отдѣльно въ два длинные ряда, принесли два пестрыхъ жезла съ расшитыми платками на концахъ, выбрали двухъ старыхъ бояръ; они должны были вести свадебный танецъ. Женихъ и невѣста занимали третьи мѣста; на второмъ мѣстѣ мужскаго ряда свадебный маршалъ, на второмъ мѣстѣ женскаго первая сваха. Сперва оба ряда двигались тихо, медленно, то обращаясь одинъ рядъ къ другому лицемъ, то спиною, потомъ движенія стали все ускоряться, ряды завивались въ видѣ треугольника, четырехъугольника, овала, наконецъ оба ряда переплелись, и такъ какъ всѣ боярыни и бояре стали по чину, то жены очутились около своихъ мужей, а боярышни стояли рядомъ съ молодыми людьми одинаковаго съ ними общественнаго положенія. Боярышни пѣли малороссійскія пѣсни, а козаки такъ разошлись, что пустились плясать, припѣвая:

„А кто любитъ гарбузъ, гарбузъ, а я люблю дыньку,
А кто любитъ господаря, а я господыньку“.

Потомъ стали плясать и „журавля“...

Улучивъ удобную минуту, князь Василій отвелъ зятя въ сторону и сказалъ ему:

— Я очень радъ видѣть въ тебѣ такого храбраго воина, но ты долженъ быть осторожнѣе и таить свои замыслы до поры до времени.

— Да, вѣдь, я говорилъ въ своемъ кругу, отвѣчалъ Тимошъ.

— Это у васъ, козаковъ, есть свой кругъ, и каждый стоитъ за своего батька, а у меня никакого круга нѣтъ, есть одни только враги; они при всякомъ удобномъ случаѣ готовы свергнуть меня съ престола, натравить на меня моихъ недруговъ.

— Такъ я-жъ того не зналъ, отвѣчалъ Тимошъ смущенно, впередъ буду умнѣе.

Георгица въ другомъ углу зала тихо разговаривалъ съ нѣсколькими боярами:

— Вы увидите, что этотъ молодой медвѣдь сдержитъ свое обѣщаніе. Если мы не примемъ мѣры, онъ осѣдлаетъ насъ хуже Лупула; за него войско и народъ. Слышали вы, какіе заздравные клики встрѣчали его при въѣздѣ; такъ не встрѣчали ни одного владѣтельнаго князя. Толпа всегда готова преклоняться передъ побѣдителемъ.

— Что-жъ тутъ дурнаго? проговорилъ великій вистерникъ лукаво посматривая на оратора. И какое намъ-то дѣло до того, что этотъ храбрый воинъ завладѣетъ Валахіею? Это можетъ волновать лишь тѣхъ, у кого тамъ есть родственныя связи, а мы коренные молдаване, и волохи никогда не были нашими друзьями.

При намекѣ на его родство съ валашскимъ правительствомъ Бурдуцъ закусилъ губу и проговорилъ:

— И мы не останемся въ сторонѣ, насъ заставятъ сражаться за валашскій престолъ.

— Заставятъ или не заставятъ, возразилъ вистерникъ, лучше промѣнять ястреба на сокола, чѣмъ на ворону.

Бурдуцъ поблѣднѣлъ отъ злости, а бояре разсмѣялись и замолчали, увидѣвъ приближавшагося князя.

Черезъ нѣсколько минутъ Георгица подошелъ къ женѣ и, шепнувъ: „мнѣ надо съ тобою переговорить“, прошелъ въ сосѣднюю небольшую комнату.

— Ты слышала, сказалъ онъ ей, что говорилъ за столомъ степной женихъ? Надо дать знать и въ Валахію, и седмиград-

скому князю; пришла пора намъ дѣйствовать, если мы будемъ медлить, намъ не сносить нашихъ головъ. Домна Георгица одобрительно кивнула головой.

— Я давно тебѣ говорила, что пора дѣйствовать, только не упусти изъ рукъ тронъ, онъ самъ тебѣ дается.

Бурдуцъ со страхомъ оглянулся.

— Молчи, Бога ради! проговорилъ онъ женѣ. Не такъ то легко мнѣ дается власть, продолжалъ онъ шепотомъ. Враги мои мѣшаютъ мнѣ на каждомъ шагу.

— А ты заранѣе избавься отъ нихъ, отвѣчала она тоже вполголоса. Ты въ силѣ, господарь тебя слушаетъ, очисти себѣ путь.

Лицо ея приняло хищническое непріятное выраженіе, и мужъ ея посмотрѣлъ на нее со страхомъ.

— Я не Радулъ, тихо проговорилъ онъ.

— Нельзя достигнуть власти, не перешагнувъ черезъ трупы.

Георгица быстро взглянулъ на нее и ему показалось, что она читаетъ въ душѣ его.

Слѣдствіемъ этого разговора было то, что великій вистерникъ и еще нѣсколько бояръ попали въ опалу князя, судились— вистерникъ за мнимую растрату казенныхъ суммъ, остальные тоже по доносу разныхъ подставныхъ лицъ, и хотя не было открыто никакихъ явныхъ доказательствъ ихъ виновности, они были лишены занимаемыхъ ими должностей и удалены отъ двора. Причемъ дальновидный Бурдуцъ позаботился, чтобы на ихъ мѣста были назначены его кліенты.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОБОЖЬЕ ВЪ XVII и XVIII В.

Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1]).

I.

Побожье.—Главные землянскіе роды, осѣвшіе тутъ.—Ихъ наслѣдники въ началѣ XVIII в.

Колонизаціонное движеніе на пограничьи Брацлавщины, начатое въ половинѣ XVI в., тянулось почти столѣтіе, вплоть до хмельницины; съ теченіемъ времени оно пріобрѣтало все бо́льшую силу и развивалось почти съ каждымъ днемъ. Старинные землянскіе роды, густо осѣвшіе вокругъ Брацлава и Винницы еще на основѣ жалованныхъ грамотъ Витовта и Свидригайла, постепенно вымирали благодаря безпрерывнымъ военнымъ стычкамъ, на стражѣ угрожаемаго займища, но оставались въ живыхъ женскіе потомки. Путемъ брачныхъ союзовъ имѣнія переходили къ новымъ пришельцамъ или и мѣстнымъ землянамъ, которымъ удалось подняться изъ ничтожества благодаря измѣн-

[1]) Настоящая работа д-ра Антонія І. (г. Ролле), извѣстнаго изслѣдователя исторической Подоліи, появилась на страницахъ краковскаго журнала „Świat“ и затѣмъ издана отдѣльной брошюрой (Po inkursyi kozackiej. Kraków, 1890, стр. 138). Она составлена главнымъ образомъ по документамъ тывровскаго фамильнаго архива г. Адама Ярошинскаго. Сколько извѣстно, бумаги этого архива не были еще предметомъ литературной обработки до появленія монографіи г. Ролле, которую предлагаемъ здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями, преимущественно въ области генеалогическихъ изысканій автора.—*Прим. пер.*

чивости окраинnаго быта. Такъ исчезли со сцены князья Коротки и Козары, такъ вымерли Мормилы, Кошки, Якушинскіе, Байбузы, Красносельскіе, Сѣмашки, Ластовецкіе, Житинскіе, Слупицы, Клещевскіе и множество другихъ. Если нѣкоторые изъ нихъ по счастливой случайности и уцѣлѣли, то благодаря безпрестаннымъ татарскимъ набѣгамъ впали въ убожество; лишенные имѣній и прежняго положенія въ обществѣ, они обыкновенно сливаются съ сельской массой и вынужденные добывать пропитаніе тяжкимъ трудомъ, утрачиваютъ всякое воспоминаніе о прежнемъ достаткѣ и выдающемся положеніи. Подобнаго рода перемѣны происходятъ всюду, онѣ въ порядкѣ вещей, но въ Брацлавщинѣ наблюдаешь ихъ слишкомъ часто, на протяженіи самаго незначительнаго промежутка времени. Лишенная прочной опоры благодаря исключительнымъ условіямъ быта, среди вѣчныхъ замѣшательствъ, колонизація погибала безвозвратно; на старыхъ пепелищахъ осѣдали новые поселенцы, привлекаемые самою опасностью предпріятія и тѣмъ очарованіемъ, которое такъ свойственно пограничью.

Дѣйствительно, лакомый кусокъ представляла полоса земли по обоимъ берегамъ Буга, начиная отъ Винницы до Саврани, на границѣ „дикихъ полей“; слегка волнистая равнина мягкими переливами плыла къ югу, широкая и спокойная; дѣвственная почва давала богатый урожай; колонизаторъ могъ добывать пропитаніе безъ чрезмѣрныхъ усилій; при этомъ множество притоковъ Буга, не высыхавшихъ въ самое жаркое лѣто, не грозившихъ наводненіями подъ часъ весеннихъ разливовъ, притоковъ, образующихъ обширные пруды, роскошные притоны для всевозможной рыбы, и дающихъ даровую рабочую силу для мельницъ, которую легко регулировать и направить по желанію. А вдоль побережья рѣки и прудовъ роскошныя сѣножати, на умѣренно сырыхъ лугахъ превосходныя травы для многочисленныхъ стадъ разнаго скота; палящій зной юга не только не портилъ травъ, но даже приносилъ свою пользу, умѣряя холодъ съ востока, гдѣ высились огромные лѣса, извѣстные всюду подъ именемъ бугскихъ пущъ; послѣднія тянулись вдоль берега и исчезали около Ладыжина, на сѣверо-востокѣ сливались съ литинскими

и хмельницкими лѣсами, а на юго-западѣ соприкасались съ пущами барскаго староства. Достаточно было матеріала и для разныхъ построекъ, и для золы, необходимой при добычѣ поташа и селитры; достаточно сказать, что въ половинѣ XVIII ст. Захарія Ярошинскій въ теченіи четырехъ лѣтъ продалъ въ Данцигъ на 200,000 зл. этихъ матеріаловъ изъ лѣсовъ Василевки, что около Тыврова. Всякаго звѣря было довольно въ пущахъ; современные документы еще въ половинѣ XVI в. перечисляютъ въ качествѣ доходныхъ статей: „куницы, денежныя десятины, пчельное съ пасѣкъ, звѣриные ловы, бобровые гоны“ и т. п. Медъ и воскъ составляли важную статью дохода въ бюджетѣ сельскаго хозяина. Такъ, въ 1639 г. владѣтель небольшаго с. Клещева обезпечиваетъ своимъ дочерямъ по 2000 зл. на пчельной десятинѣ, и то всего на четыре года. Еще въ прошломъ вѣкѣ пчеловодство процвѣтало на Побожьи, какъ видно изъ люстрацій: такъ, напр., въ 1754 г. въ Рахнахъ 12 крестьянъ владѣютъ 260 пнями пасѣки, въ Шершняхъ—8 крестьянъ владѣютъ 126, въ Василевкѣ 22 кр.—685 пнями. Содержаніе водяныхъ мельницъ также играло большую роль въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Такъ напр. въ раздѣльномъ актѣ 1645 г. въ третьей части тывровскаго имѣнія и селахъ Василевкѣ и Соколинцахъ упоминается о 18 прудахъ, годныхъ для устройства мельницъ, „excepto другихъ, которые въ актѣ раздѣла не оговорены“....

На этомъ то Побожьи свили себѣ гнѣзда цѣлые рои землянъ, чтобы попытать здѣсь счастья и побороться съ недолей, но мы обратимъ вниманіе на три землянскіе рода, соединившіе въ своихъ рукахъ значительные участки земли, такъ какъ нашъ разсказъ касается судебъ именно этой полосы.

Первое мѣсто принадлежитъ Слупицамъ, которые осѣли здѣсь еще по жалованной грамотѣ Витовта. Владѣнія ихъ тянулись на нѣсколько десятковъ миль, отъ Лобачева до Бершади и Батога; на этомъ пространствѣ уже въ XVI вѣкѣ насчитывалось свыше тридцати поселковъ, между ними т. н. Облинскіе грунты на 12 миль протяженія. Одинъ изъ первыхъ Слупицъ опозорилъ себя измѣной—передалъ брацлавскій замокъ хану пе-

рекопскому, поэтому положеніе ихъ было испорчено, и черезъ столѣтіе фамилія угасла. Но еще раньше ихъ владѣнія значительно расширились благодаря бракамъ. Внучка кн. Богуша Коротки, Евдоксія Житинская, принесла въ приданое Семену Слупицѣ Коротковскій ключъ съ городомъ Ладыжиномъ и 26 деревнями, не считая урочищъ и хуторовъ. Единственная дочь Семена и Евдоксіи, Гальшка, въ 1622 г. вышла за Василія Рогозинскаго, и въ рукахъ наслѣдниковъ Гальшки соединилось какъ имѣніе матери, такъ и наслѣдство послѣ Мормиловъ, родственниковъ Василія Рогозинскаго, угасшихъ въ половинѣ XVII вѣка. Изъ семерыхъ сыновей Гальшки шестеро погибли подъ Батогомъ. Путемъ дальнѣйшихъ браковъ наслѣдство переходитъ по частямъ къ Вольскимъ, Борейкамъ, Свидзинскимъ, Барциковскимъ, Терлецкимъ, Пашковскимъ, Нарбутамъ и Веліогорскимъ; послѣ паліивщины на пространствѣ 100,000 морговъ наслѣдства, уцѣлѣвшаго въ разныхъ рукахъ по наслѣдству отъ Слупичанки-Рогозинской, насчитывалось едва нѣсколько поселковъ: Куна, Кунка, Губникъ, Калинякъ, Деревичи, Жерденовка старая и новая.... Затѣмъ были вскорѣ вновь заселены Соболевка, Скибинцы, Гусаковцы и Гарпачка. Въ сравненіи съ первоначальными владѣніями Козаровъ, Коротковъ, Мормилъ, Рогозинскихъ и Слупицъ имѣнія ихъ наслѣдниковъ представляли незначительную дробь. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда сюда входило все наслѣдство Збаражскихъ—ключъ Немировскій, Бершадскій, Ладыжинскій и часть Дашевскаго; отсюда Синявскіе получили свою Грановщину; Валентій Калиновскій, этотъ знаменитый собиратель украинныхъ земель—имѣнія Тростянецъ и Деренковъ; кн. Янушъ Острожскій—имѣнія Ольбачевъ и Треножинъ; Конецпольскій—рядъ имѣній „на богскомъ трактѣ“ около Саврани; и это только крупнѣйшіе изъ пріобрѣтателей, а сколько здѣсь осѣло мелкихъ даже перечислить нынѣ невозможно.

Подобную же судьбу испытали и сутисскія имѣнія, принадлежавшія въ 1552 году дочерямъ Семена Сѣмашки. Сюда входили Витава, Габинъ (?), Янковъ, Маяновъ, обѣ Шершни, Ворошиловка и другія, расположенныя „въ Брацлавскомъ воеводствѣ“. Въ 1611 г. имѣнія эти уже принадлежатъ пятерымъ

владѣльцамъ, а въ началѣ XVIII в. „фортуна Сѣмашовская“ уже считаетъ цѣлый рой владѣльцевъ дѣйствительныхъ и не менѣе того претендентовъ: тутъ встрѣчаемъ девятерыхъ Прушинскихъ, Родонскихъ, Ластовецкихъ, Комаровъ, Пшездзѣцкихъ, Кобылянскихъ, Гулевичей, Снитовскихъ, Пясковскихъ и т. д.

Гораздо обширнѣе было родовое имѣніе Клещовскихъ, рядомъ съ сутисскимъ; земли и лѣсовъ было обильнѣе, оба берега Буга принадлежали сюда. Родовымъ гнѣздомъ было сельцо Клещево. Въ 1505 г. владѣльцемъ имѣнія былъ Ѳедько Дашковичъ, внукъ Германа, за которымъ утвердилъ земли вел. кн. Витовтъ въ награду за службу. Въ составъ его входили: Клещево, Шандырево, Тростянецъ, Тывровъ, Волчковцы, Нестеровцы и др., „дидына и отчына“ Ѳедька. Путемъ браковъ и переходовъ по наслѣдству, имѣніе съ начала XVI в. дробится безпрерывно, и уже въ первой половинѣ XVIII в. встрѣчаемъ здѣсь безконечный рядъ владѣльцевъ, какъ то: Маньковскіе, Плончевскіе, де Войно Андрушевичи, Боровскіе, Мысловскіе, трое Вишневскихъ, Зміевскіе, Бѣжинскіе, Гулевичи, Чарнецкіе (четверо), Ледуховскіе, Корженевскіе, Пневскіе, Красновскіе, Езерковскіе, Круковскіе, Буковскіе, Вольскіе, Жабокрицкіе (три рода), Ястрембскіе, Вируки, Лонцкіе (трое), Жаболицкіе (пятеро), Яворскіе, Корыцкіе и Свидерскіе.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ пространство земли вдоль Буга, отъ Винницы до савранскихъ степей, разбилось на нѣсколько десятковъ небольшихъ имѣній; всѣ эти владѣльцы стояли между собою въ болѣе или менѣе отдаленномъ родствѣ или свойствѣ и составляли какъ бы одинъ большой родъ. При нормальныхъ условіяхъ, наслѣдство не раздробилось бы на такія микроскопическія части, такъ какъ болѣе богатые наслѣдники уплачивали бы бѣднѣйшимъ и такимъ образомъ погашали бы взаимные счеты. Но на дѣлѣ было не такъ: козацкое движеніе захватило и Рогозинскихъ, и Житинскихъ, и Клещовскихъ еще при жизни; они впали въ убожество и угасли именно въ ту пору, когда окраинныя земли охватилъ пожаръ, а затѣмъ надъ пепелищемъ все это время распространялъ свои права турецкій протекторатъ; затѣмъ наступило возстаніе Палія, и только около

1715—20 г. начали смѣлѣе возвращаться прежніе владѣльцы на брацлавскія равнины. Наслѣдники послѣ трехъ отдѣльныхъ родовъ въ теченіи почти 70 лѣтъ размножались, росли и умирали гдѣ нибудь въ болѣе спокойныхъ уголкахъ Рѣчи Посполитой, лишь по преданію зная о гнѣздѣ, изъ котораго произошли, и сохраняя память о своихъ правахъ на наслѣдство въ краѣ, „текущемъ медомъ и млекомъ“; правда, край теперь былъ еще недоступенъ, но впослѣдствіи, когда все войдетъ въ мирную колею и падутъ всѣ препятствія, можно будетъ вернуться, и тогда то будутъ вознаграждены и лишенія и тоска безпріютной жизни... И на тему этого возвращенія воображеніе рисовало самые фантастическіе узоры, всѣмъ представлялись золотыя горы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, смотря по тому, какъ пришлось влачить каждому свое невольное существованіе вдали отъ обѣтованной земли. Кому удалось прочно осѣсть въ Великой Польшѣ или на Литвѣ, тотъ не очень то безпокоился о своихъ правахъ на окраинное наслѣдство; многіе относились къ этому вопросу съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, несмотря на обширность наслѣдства. Какой нибудь Янъ Александръ Конецпольскій, послѣдній въ родѣ, ни разу не посѣтилъ своихъ пограничныхъ имѣній; онъ не побывалъ здѣсь даже послѣ прекращенія паліивщины, а между тѣмъ передъ турецкимъ занятіемъ въ этихъ имѣніяхъ числилось до 300 поселеній, приносившихъ въ мирное время 650,000 зл. ежегоднаго дохода, не включая сюда поволовщины, селитры, поташа и пчельной десятины. Если въ началѣ прошлаго вѣка имѣнія ничего не давали, то потому, что воевода не имѣлъ желанія заняться ими. Болѣе предпріимчивые конечно захватывали его владѣнія. Въ Котельнѣ засѣлъ какой то шляхтичъ, именовавшій себя котельницкимъ старостою; мгліевскимъ ключемъ завладѣлъ коронный хорунжій Янъ Александръ Яблоновскій, кажется даже раздобылъ себѣ *consens* и собиралъ доходы точно съ королевскаго имѣнія. А панъ Ледуховскій за 40,000 зл., занятыхъ воеводѣ, взялъ на три года въ залогъ шаргородское имѣніе, въ счетъ процентовъ по займу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по истеченіи срока кредиторъ не желалъ получить обратно долгъ, такъ какъ капиталъ приносилъ ему ежегодно 30,000 зл., т. е. 75% (Ра-

miętniki o Koniecpolskich, стр. 336—409). Словомъ, всюду царилъ полнѣйшій безпорядокъ. Передъ смертью Конецпольскій записалъ въ 1725 г. Валевскому 12,000 зл., своимъ дворянамъ около той же суммы, и обезпечилъ записи на украинскихъ имѣніяхъ; Валевскій скупилъ претензіи этихъ дворянъ и перепродалъ ихъ и свою собственную за 1 милліонъ зл. коронному подстолію кн. Станиславу Любомирскому, который такимъ образомъ оказался владѣльцемъ половины нын. могилевскаго уѣзда, всего ямпольскаго, ольгопольскаго, балтскаго—въ границахъ, въ какихъ этотъ принадлежалъ къ Рѣчи Посполитой—и огромнаго пространства въ южной Кіевщинѣ, всего же по современному исчисленію около 5 милліоновъ морговъ земли. По городамъ такое отреченіе отъ собственности было еще очевиднѣе; такъ напр. въ Каменцѣ *post hosticum* безхозяйныя усадьбы стояли впустѣ цѣлыхъ 70 лѣтъ, и только при Станиславѣ Августѣ внесенъ былъ сюда нѣкоторый порядокъ.

Повторяемъ, не всѣ пользовались своими правами и привилегіями, довольствуясь тѣмъ, что успѣли добыть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и предпочитая вѣрный достатокъ будущимъ богатствамъ. Но такихъ было меньшинство; большая же часть обезземеленныхъ не успѣла устроиться приличнымъ образомъ; такой землянинъ, заброшенный игрою судьбы куда нибудь на другой конецъ Рѣчи Посполитой, оказывался безпомощнымъ, а такъ какъ приняться за черную работу казалось неприличнымъ, то оставалось лишь ожидать съ нетерпѣніемъ часа возвращенія на собственное пепелище; не удалось дожить до благословенной минуты—онъ передавалъ наслѣдникамъ документы, удостовѣрявшіе его права; наслѣдникъ, скиталецъ безъ средствъ и связей, при первомъ удобномъ случаѣ бѣжалъ на окраину... Тысячи такихъ семействъ появились въ Брацлавщинѣ на поиски дѣдины и отчины; а такъ какъ во время козацко-панскихъ войнъ погибали не только деревни, но и цѣлые города и хранившіеся здѣсь документы дѣлались жертвою пламени, то возникъ невиданный хаосъ. Наслѣдникъ часто не въ состояніи былъ указать своего наслѣдства; нѣкогда многолюдное поселеніе представляло теперь простое урочище,

нерѣдко—голую пустошь. Что всего хуже, на одну и ту же землю являлось разомъ нѣсколько, иногда даже нѣсколько десятковъ претендентовъ; если они приходили къ соглашенію и приступали къ раздѣлу, снова начинались раздоры, сыпались жалобы, заявленія, отзывы, возраженія, съѣзды и т. д. до безконечности. Случалось, что пришельцы заставали на своей отчинѣ совершенно неожиданнаго гостя: сосѣда ли, который округлялъ на ихъ счетъ свою границу, или залогодержателя, обыкновенно человѣка со средствами, лучше знакомаго съ мѣстными условіями, словомъ, опаснаго противника,—приходилось или вступать съ нимъ въ соглашеніе, или же подыскивать болѣе выгоднаго покупщика претензій. Вслѣдствіе этого развился въ краѣ особый классъ посредниковъ, которые въ собственныхъ интересахъ неутомимо поддерживали недоразумѣнія и замѣшательство... Въ концѣ концовъ оказалось, что не было въ Брацлавщинѣ ни одного имѣнія, которое не вело бы процесса о границахъ съ сосѣднимъ владѣльцемъ и не имѣло бы, рядомъ съ собственникомъ *de facto*, по крайней мѣрѣ нѣсколько владѣльцевъ мнимыхъ. Послѣдствіемъ этого было развитіе кляузничества. Въ Винницѣ подвизалось до тридцати адвокатовъ одновременно, которые содержали толпу писцовъ, и весь этотъ народъ кормился на счетъ землянъ, вынужденныхъ безпрестанно защищаться отъ самыхъ неожиданныхъ напастей.

Отъ общей характеристики перейдемъ къ деталямъ. Не были счастливѣе и наслѣдники трехъ землянскихъ родовъ, упомянутыхъ нами въ началѣ. Большую часть наслѣдства Слупицъ захватили Вишневецкіе; въ отчинѣ Сѣмашковъ хозяйничали наслѣдники князей Острожскихъ, а въ клещевскомъ имѣніи сидѣлъ залогодержатель, быть можетъ опаснѣе всѣхъ остальныхъ.

II.

Янъ Михаилъ Калетынскій, хорунжій брацлавскій.

О предкахъ пана хорунжаго извѣстно только, что бабушка его происходила изъ дома Красносельскихъ, а мать—Маріанна Ярошинская, сестра Ѳедора, житомирскаго подчашія. Ихъ было

два брата: упомянутый Янъ-Михаилъ, родившійся въ 1672 г., и Юрій, старше его на пять лѣтъ. Младшему брату повезло въ матеріальномъ отношеніи, но дѣтей не было; у старшаго ничего не было, но за то отъ пятерыхъ дочерей остался легіонъ внуковъ и внучатъ. Вторая жена его Софья Боровская происходила изъ рода, имѣвшаго права на участіе въ наслѣдствѣ Клещевскихъ. Въ 1715 г. старшаго брата уже не было въ живыхъ, а убогіе потомки его разбрелись по бѣлу свѣту въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Въ то же время панъ хорунжій поселяется въ Тывровѣ въ качествѣ залогодержателя, хозяйничаетъ кромѣ того въ Соколинцахъ и Пилавѣ, ведетъ нескончаемые споры съ наслѣдниками Клещевскихъ, у которыхъ отнялъ порядочный кусокъ земли для округленія своихъ границъ. Онъ принадлежалъ къ числу выдающихся личностей и имѣлъ перевѣсъ надъ другими, въ особенности благодаря знакомству съ мѣстными условіями. Еще отецъ пана Михаила, выгнанный изъ имѣнія во время козацкой войны, пережидалъ бурю въ сосѣдней Волыни, но сынъ, родившійся здѣсь, уже постоянно навѣдывается на пограничье, приглядываясь, нельзя-ли поселиться тамъ навсегда. Съ 1700 г. онъ часто посѣщаетъ Винницу; пятнадцать лѣтъ спустя онъ предается сельскому хозяйству и съ той поры до самой смерти энергично работаетъ надъ водвореніемъ порядка въ краѣ; онъ заложилъ палацъ въ Тывровѣ—дѣло нешуточное въ эту пору, когда показывались признаки гайдамачества,—рядомъ съ дворомъ строитъ каплицу, привлекаетъ мѣщанъ, ремесленниковъ, торговцевъ, обезпечиваетъ торговыя выгоды купцамъ, строитъ дома, погреба въ ратушѣ, красиво высившейся среди главной площади. Затѣмъ послѣдовала сельская колонизація; старое урочище Гуту онъ заселилъ и назвалъ Шкляровкой; застроилъ старую Василевку и переименовалъ ее въ Михайловку; въ Соколинцахъ онъ поселилъ нѣсколько десятковъ раскольничьихъ семействъ филипповскаго согласія, освободилъ отъ чинша, обязавъ лишь очередной службы въ дворянской милиціи, которая выдѣлялась изъ числа прочихъ и внушала почтеніе разному бродячему и разбойному люду. Съ 1720 г. замѣтно уже участіе пана Михаила въ общественныхъ дѣлахъ; правда, тогда стало спокойнѣе

въ краѣ, понемногу стекались и товарищи, именно Четвертинскіе, Грохольскій, Павелъ Ярошинскій, съ которымъ Калетынскій находился въ родствѣ. Въ сеймикахъ начинаютъ принимать постоянное участіе Михаилъ Потоцкій, Свидзинскій, будущій воевода брацлавскій, Калиновскій, староста винницкій, и даже кн. Августъ Чарторыйскій. Энергичнѣе всего поработалъ хорунжій брацлавскій въ эпоху безкоролевья послѣ Августа II, когда Брацлавщина такъ сильно пострадала. Равнодушный къ политикѣ, хотя державшійся партіи Лещинскаго, панъ Михаилъ болѣе всего заботился о спокойствіи своего уголка. Такъ онъ является, какъ депутатъ отъ шляхты, къ кіевскому генералъ-губернатору Вейсбаху съ ходатайствомъ о пріостановкѣ разорительныхъ военныхъ реквизицій (Арх. ю.-з. Рос., III, 3, стр. 183); нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ выступаетъ въ качествѣ посла на варшавскомъ сеймѣ, въ слѣдующемъ году назначенъ коммиссаромъ по разграниченію воеводства брацлавскаго отъ кіевскаго (ib., 222). Наконецъ, удалось усмирить бурю, союзныя войска начали помогать землянамъ въ подавленіи народныхъ движеній, чему болѣе всего содѣйствовалъ Калетынскій: онъ сошелся съ генераломъ фонъ-Гоймомъ, который квартировалъ съ своей дивизіей въ Немировѣ и часто гостилъ у пана Михаила. Противникъ устройства мѣстныхъ милицій, онъ стоялъ за введеніе регулярнаго войска. Его товарищъ по трудамъ, подкоморій брацлавскій Павелъ Ярошинскій, былъ другаго мнѣнія, но въ качествѣ „миротворца“ рѣшилъ, что и милиція не мѣшаетъ, и коронное войско можетъ пригодиться, поэтому была послана петиція къ гетману; въ 1738 г. хоругви притянули на окраину, но оказалось, что онѣ позволяютъ себѣ самыя жестокія насилія. Калетынскій имѣлъ мужество заявить объ этомъ публично на сеймикѣ 1740 г. и обвинялъ Нитославскаго, „регименторя украинской партіи“, въ томъ, что онъ ведетъ себя на родинѣ такъ, какъ не позволитъ себѣ вести даже въ непріятельской странѣ человѣкъ рыцарскихъ правилъ (ib., 306). Поступокъ былъ смѣлый, но панъ Михаилъ быть можетъ болѣе другихъ имѣлъ основанія пенять на такое отсутствіе охраны. Такъ, въ Таганчѣ, которую онъ арендовалъ, возмутившіеся крестьяне умертвили его племянника Яна Гораина и все

опустошили. Убытковъ исчислено на 120,000 зл. Мало того. Импровизованный ватажекъ повстанцевъ, сотникъ Антонъ Приченко, узналъ отъ слугъ, взятыхъ „на квестію“, что Калетынскій хранитъ въ барской кассѣ 80,000 зл., пробрался обманнымъ образомъ въ замокъ и захватилъ всѣ деньги (ib., 65). Это было въ іюнѣ 1734 г. Годъ спустя новое несчастіе. Какъ сказано выше, хорунжій заселилъ Соколинцы раскольниками; между тѣмъ союзнымъ войскамъ было предписано собрать всѣхъ великорусскихъ поселенцевъ на пограничьи и доставить за Днѣпръ; поэтому и Соколинцы опустѣли. Такъ какъ дѣло было въ началѣ сентября, то послѣ увода раскольниковъ остались полныя гумна хлѣба. Жившій въ Клещевѣ сынъ брацлавскаго стольника Михаилъ Чарнецкій воспользовался случаемъ, вторгся въ опустѣлое селище, захватилъ что могъ, а остальное предалъ огню (ib., 185). Такой неожиданный поступокъ сосѣда былъ слѣдствіемъ спора о наслѣдствѣ, большую часть котораго захватилъ Калетынскій. Но это еще не все. За Бугомъ, въ лѣсу, называемомъ Каламаньщына, стоялъ небольшой Клещевскій монастырь, на землѣ, принадлежавшей къ Тыврову; онъ возникъ, вѣроятно, еще въ ту пору, когда владѣльцы имѣнія исповѣдывали греческую вѣру. Убогіе монахи находились подъ защитой помѣщика, который охранялъ ихъ отъ обидъ со стороны иновѣрцевъ, не допуская мысли, чтобы единовѣрцы напали на скитъ и церковь, не обладавшую никакою цѣнною утварью; случилось однако иначе; одинъ изъ козацкихъ ватажковъ разогналъ монаховъ, а церковь и монастырь сжегъ до тла. Возмущенный хорунжій много лѣтъ добивался управы, безуспѣшно разыскивая за Днѣпромъ виновниковъ разбоя и похищенныя реликвіи (ib., 181).

Несмотря однако на матеріальныя потери, понесенныя во время безкоролевья, владѣтель Тыврова принадлежалъ къ зажиточнѣйшимъ обывателямъ въ краѣ. Старый холостякъ, бережливый, умѣренный, онъ не могъ тратить много... И вдругъ на шестидесятомъ году жизни онъ воспылалъ страстью къ княжнѣ Доминиціи Четвертинской, но что интереснѣе всего, легко получилъ согласіе на бракъ какъ отъ невѣсты, такъ и ея родственниковъ. Эта княжеская отрасль, осѣвшая въ Брацлавщинѣ,

владѣла болѣе нежели скромнымъ состояніемъ. То были потомки кн. Гавріила, который вынужденъ былъ продать свое родовое гнѣздо Старую Четвертню и удовольствоваться крохами, уцѣлѣвшими отъ женина приданаго (изъ рода Оранскихъ). Имущества было мало, дѣтей—очень много: 7 сыновей и 6 дочерей. Правда, старшій изъ нихъ, Михаилъ, староста жичинскій и подкоморій брацлавскій (съ 1740 г.), сидѣвшій въ Латанцахъ, добился достатка и выкупилъ отчину, но и только. Остальные ютились при немъ; счастье еще, что собственныхъ дѣтей у него не было. Изъ этого то дома взялъ брацлавскій хорунжій себѣ жену въ 1735 или 1736 г. Отнынѣ панъ Михаилъ весь къ услугамъ своей новой родни; молодая жена овладѣла имъ нераздѣльно. Тывровъ ожилъ; дворъ полонъ гостей, потому что при п. Доминиціи жили двѣ молодыя сестры, а братья, кн. Александръ и Святославъ, тоже нерѣдко заглядывали сюда не безъ цѣли: у пана Михаила жили панны Островскія, его родственницы, съ весьма приличнымъ приданымъ. Панъ Михаилъ такъ увлекся, что женилъ обоихъ шурьевъ на двухъ сестрахъ; великолѣпная свадьба была отпразднована въ Тывровѣ въ 1739 г. Благословилъ брачущихся преоръ винницкихъ доминикановъ, и быть можетъ въ это время возникла мысль поселить этихъ монаховъ въ Тывровѣ. Вскорѣ кн. Александръ Четвертинскій сталъ брацлавскимъ подсудкомъ, а его младшій братъ Святославъ поселился въ Сахновѣ и при помощи опекуна очистилъ отъ долговъ и другое село Берлинцы, женино родовое помѣстье. Послѣ такого удачнаго устройства дѣлъ, супруги Калетынскіе отправились въ Ченстоховъ, чтобы возблагодарить Пр. Дѣву за всѣ благодѣянія, и здѣсь панъ Михаилъ купилъ у какой то дѣвочки образъ Божіей Матери, который велѣлъ повѣсить въ столовой тывровскаго палаца. Въ 1740 г. работавшій здѣсь еврей-ремесленникъ, погруженный въ субботнія молитвы, обратилъ вниманіе своихъ коллегъ на просвѣтленіе лика на образѣ; сбѣжалась дворня; пригласили капеллана Мошинскаго. Послѣ провѣрки факта, образъ перенесли въ замковую каплицу, а затѣмъ, когда коммиссія подъ предсѣдательствомъ луцкаго епископа 15 ноября 1742 г. удостовѣрила его чудотворность—въ уніатскую церковь,

выстроенную тутъ-же за Бугомъ во имя св. Николая. Ежегодно, на первый день зеленыхъ святъ, стекаются къ чудотворному образу тысячи вѣрующихъ; лирники разсказываютъ для любопытныхъ исторію открытія образа... Съ этой поры въ характерѣ пана хорунжаго происходитъ рѣзкая перемѣна: онъ вѣчно занятъ мыслью о дѣлахъ благочестія. Такъ, онъ выстроилъ въ 1742 г. костелъ на мѣстѣ, гдѣ съ 1569 г. существовалъ старый деревянный, сожженный во время козацкихъ войнъ; кромѣ матеріала онъ даетъ на постройку еще 50,000 зл. Не лишено интереса, что именно въ эту пору панъ хорунжій совершаетъ формальное нашествіе на Носовку, принадлежавшую къ кунянскимъ имѣніямъ и неправо занятую кн. Вишневецкимъ; онъ имѣлъ притязанія на это село по закладной своей бабушки Красносельской. Калетынскій добивался своихъ правъ, угрожалъ, наконецъ, по совѣту жены, предпринялъ походъ. Значительный военный отрядъ сопровождалъ супруговъ, которые ѣхали на челѣ въ каретѣ шестерикомъ... Никто не предполагалъ враждебныхъ намѣреній; казалась, что супруги ѣдутъ въ гости, а военный отрядъ былъ обычнымъ въ то время конвоемъ, безъ котораго не отправлялись въ дорогу. Хорунжій, какъ порядочный человѣкъ, прежде чѣмъ приступить къ сраженью, предложилъ мировую; противникамъ пришлось „съ великой охотой и добрымъ сердцемъ уступить достопочтенному пану добродію", по совѣту друзей (Rulikowski, Bracławszczyzna въ *Kwiaty i Owoce*. Кіевъ, 1870, стр. 319). Точнѣе говоря, состоялось соглашеніе, въ силу котораго нападающая сторона отказалась за приличную сумму отъ своихъ притязаній на Носовку... и враги разстались въ мирѣ. Тотчасъ же по возвращеніи изъ удачнаго похода панъ Калетынскій пригласилъ преора винницкихъ доминикановъ и заявилъ о своемъ желаніи соорудить при костелѣ доминиканскій монастырь; назначилъ мѣсто, обязался выплатить 100,000 зл. съ условіемъ вносить эту сумму по частямъ ежегодно, но безъ процентовъ, на случай же смерти обязанность эта переходила къ наслѣдникамъ. По его желанію, четверо монаховъ были немедленно поселены при костелѣ; онъ назначилъ имъ для житья деревянный домикъ и кромѣ того фольваркъ за Бу-

гомъ, „поля на три руки по пятнадцать дней въ каждой, сѣножати на двѣнадцать косарей, прудъ, мливо и два каменя воску". Хотя панъ Михаилъ не дожилъ до окончанія постройки, но передъ смертью прибавилъ еще 50,000 зл., въ томъ числѣ 5,000 зл. на богадѣльню для шести неимущихъ стариковъ, остальное на содержаніе костела. Во время многолѣтняго управленія хорунжаго мѣстечко Тывровъ расширилось и пріукрасилось; онъ выхлопоталъ для него у Августа III ярмарочное право (1744 г.), обезпечилъ мѣщанамъ безопасность; по современной люстраціи въ Тывровѣ насчитывалось мѣщанскихъ семействъ 171, крестьянскихъ 72 (кромѣ платившихъ чиншъ натурою или работой), евреевъ-ремесленниковъ 61 и людей „вольныхъ отъ даней" 24 семейства. Кромѣ ратуши въ мѣстечкѣ числилось 347 домовъ, костелъ, православная церковь; господскія постройки и дворъ, называемый замкомъ, содержались въ великомъ порядкѣ. Замокъ выглядѣлъ настоящей крѣпостью и импонировалъ безпокойному люду, который, быть можетъ, слишкомъ уже легко давалъ вѣру слухамъ о безчисленныхъ богатствахъ стараго тывровскаго пана.

Такимъ образомъ, панъ хорунжій не даромъ пользовался почетомъ въ своемъ околоткѣ. Но онъ не былъ свободенъ отъ недостатка, который былъ такъ распространенъ въ ту эпоху: разъ захваченную землю онъ защищалъ до послѣдней капли крови; когда приходилось круто, онъ готовъ былъ платить, и платить щедро, но выжить его можно было только силой. Такъ, въ 1734 г. онъ предложилъ Жабоклицкимъ—главнымъ наслѣдникамъ по-клещевскихъ имѣній—54,000 зл. за ихъ наслѣдіе, которымъ владѣлъ безнаказанно уже болѣе 18 лѣтъ; соглашенія не послѣдовало, и панъ хорунжій поклялся, что истратитъ вдвое столько, а поставитъ на своемъ. Отсюда неудовольствіе, кляузы, ссоры. Лишенные своей собственности переуступили въ концѣ концовъ свои права и претензіи другимъ лицамъ; къ счастію для пана Калетынскаго, пріобрѣтателемъ правъ оказался Павелъ Ярошинскій, испытанный другъ, близкій родственникъ и человѣкъ, прежде всего желавшій жить съ всѣми въ мирѣ. Онъ выкупилъ все наслѣдство послѣ Василія Клещевскаго (т. е. третью часть всего имѣнія), но устроился хозяйствомъ только въ Василевкѣ, на

кускѣ земли, котораго еще не успѣлъ захватить панъ хорунжій. Свои претензіи на остальныя захваченныя земли Ярошинскій представилъ *ad acta*... уже наслѣдники вынуждены были съ тяжкими усиліями добывать свои права собственности, а такъ какъ они располагали соотвѣтственными средствами, то борьба была энергичная, упорная и продолжительная... Недомогавшій панъ хорунжій, обремененный лѣтами, готовъ былъ наконецъ на уступки, тѣмъ болѣе, что считалъ себя неправымъ, но тутъ уже жена не согласилась на полюбовное окончаніе прецесса; молодая, быть можетъ слишкомъ энергическая особа, она принимала на свою отвѣтственность послѣдствія этой домашней войны.

III.

Ярошинскіе.—Дѣятельность Павла Ярошинскаго въ окраинныхъ провинціяхъ

Познакомимся теперь съ главными дѣятелями борьбы, которая тянулась почти полвѣка. Ярошинскіе принадлежали къ старинной шляхтѣ, происходятъ отъ богатыхъ землянъ, несутъ то военную службу, то посольскія обязанности, часто встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ собственниковъ и залогодержателей на Волыни и въ кіевскомъ воеводствѣ; лишь въ XVIII ст. они осѣдаютъ главнымъ образомъ въ Брацлавщинѣ; люди со достаткомъ, умѣлые и дѣятельные хозяева, они въ концѣ концовъ наживаютъ большое состояніе. О родоначальникѣ ихъ Дмитріи извѣстно лишь, что онъ родился въ 1565 г., а въ 1597 г. былъ избранъ посломъ на сеймъ воеводства волынскаго. Сынъ его Петръ, женатый на Пеньковской, сидѣлъ въ родовыхъ Подлисцахъ въ луцкомъ повѣтѣ, пріобрѣтенныхъ въ 1636 г. отъ кн. Пузыны, владимірскаго подкоморія. Янъ Михаилъ Калетынскій, о которомъ шла рѣчь выше, былъ внукомъ Петра Ярошинскаго по дочери его Маріаннѣ.

Сынъ Петра Стефанъ, ротмистръ молдавской хоругви, получилъ въ 1653 г. отъ Яна Казимира „въ награду за военныя заслуги“ село Керданы въ кіевскомъ воеводствѣ, надъ р. Котлуемъ, конфискованное послѣ Семена Богушевича, „бунтовщика“. Въ ту пору Ярошинскіе придерживались восточнаго обряда, такъ какъ въ 1686 г. встрѣчаемъ Стефана въ спискѣ членовъ луцкаго

братства „шляхетскаго сословія *sub titulo* Воздвиженія честнаго Креста“ (Памятн. кіев. врем. ком. Кіевъ, 1848. Т. I, ч. I, стр. 193).

Старшій братъ Стефана, Иванъ, мечникъ брацлавскій, начальникъ хоругви польнаго коронnаго писаря, получилъ отъ короля въ 1653 г. часть села Кошеватой; привилегія занесена въ томъ же году во владимірскія земскія книги. Въ концѣ XVI в. селомъ владѣли Любартъ Островскій и Грыцько Чернышевичъ (отсюда названіе села также Чернышки). Послѣ бѣлоцерковскаго трактата съ половинѣ XVII в., когда борьба съ Хмельницкимъ на время пріутихла, возникло живое колонизаціонное движеніе шляхты въ окраинныя земли, стоявшія впустѣ. Король охотно раздавалъ заслуженнымъ людямъ грамоты на эти земли. Такимъ образомъ оказалось, что Стефанъ Млодецкій, тоже жолнеръ, получилъ грамоту на Кошеватую еще въ 1651 г., за два года до Ярошинскаго,—по ошибкѣ-ли королевской канцеляріи, или по другимъ причинамъ трудно сказать. Но прежде нежели владѣльцы успѣли явиться въ пожалованное имѣніе, война началась вновь. Ярошинскій и Млодецкій оставались только титулярными собственниками, оба именовали себя кошеватскими старостами, но въ 1660 г. наслѣдники Млодецкаго добыли новую жалованную грамоту, съ точнымъ означеніемъ границъ, куда вошли не только мѣстечко, но и окрестныя села Кисла, Лукьяновка и и Лука (Słown. geograf., IV, 486—s. t. Кошеватая, ст. Э. Руликовскаго). Въ 1672 г. брацлавскій мечникъ умеръ, не добившись своихъ правъ—время было трудное; младшіе братья его Стефанъ и Ѳедоръ должны были удовольствоваться тѣмъ, что на сеймикѣ воеводства брацлавскаго ихъ признали „за старинныхъ, извѣстныхъ по предкамъ шляхтичей брацлавскихъ“.

Третій потомокъ Петра Ярошинскаго, начальникъ гусарской хоругви волынскаго подчашія и королевскаго ротмистра Вьельгорскаго, Ѳедоръ, получилъ въ 1652 г. отъ Яна Казимира с. Коростовецъ въ предѣлахъ бывшаго барскаго староства, но кажется ему не удалось вступить во владѣніе пожалованнымъ селомъ; родовыя Подлисцы были разорены въ время козацкой войны и панъ Ѳедоръ поселился въ Ольховцѣ на Горыни около Лановецъ. За женой онъ получилъ во владѣніе Горохово въ

1661 г., пять лѣтъ спустя пріобрѣлъ отъ тещи права залогодержателя въ Берковичахъ на Волыни, Вернигородкѣ, Нападовцахъ и Слободкѣ въ Кіевщинѣ, кромѣ того владѣлъ Ушовкой во владимірскомъ повѣтѣ, Свинаровымъ въ луцкомъ, Крапивной, Зарудинцами и Рудней Рожанской въ овручскомъ; внукъ его Никифоръ Василій Шептицкій былъ лаврскимъ архимандритомъ и генераломъ базиліанскаго ордена, а правнукъ Левъ-Людовикъ—митрополитомъ всей Руси. Умеръ Ѳедоръ въ 1690 г. во званіи житомирскаго подчашія.

Единственный сынъ его, Павелъ, принадлежалъ къ выдающимся людямъ въ своемъ кругу. Въ молодости воинъ, затѣмъ политикъ, государственный человѣкъ, пользовавшійся милостями трехъ королей подрядъ, онъ добросовѣстно выполнялъ принятыя на себя обязанности. Онъ то былъ главнымъ основателемъ могущества рода Ярошинскихъ. Родился Павелъ въ 1656 г., въ 1691 г. получилъ отъ матери Берговичи, вскорѣ затѣмъ колонизовалъ Подлисцы, пріобрѣлъ Лучинцы и Горидничку, а въ 1700 г. Оливаровъ невдалекѣ отъ Горохова и съ той поры именуетъ себя уже Павломъ на Олизаровѣ Ярошинскимъ. Ему же принадлежали и Свинюхи въ луцкомъ повѣтѣ, весьма благоустроенное по тому времени имѣніе, какъ можно судить по размѣру учиненнаго здѣсь „капитанъ-лейтенантомъ“ литовскаго войска паномъ Мусинскимъ грабежа.

Съ 1680 г. панъ Павелъ почти въ теченіи десяти лѣтъ занятъ былъ военной службой; бывалъ въ походахъ въ Молдавіи и подъ Каменцемъ, тогда еще въ неволѣ турецкой. Въ это время и создалась неосновательная легенда о взятіи пана Павла въ плѣнъ татарами. На самомъ дѣлѣ, несчастіе это постигло его двоюроднаго брата Александра Пеньковскаго, и родственники безуспѣшно хлопотали лично и черезъ посланцевъ въ Крыму о его освобожденіи, для чего среди родни производились регулярные сборы пожертвованій „на выкупъ изъ неволи татарской“,— черта весьма характерная для той эпохи, когда оо. тринитаріи едва только начинали свою дѣятельность и нуждались въ средствахъ.

Въ 1699 г. панъ Павелъ оставляетъ военную службу, и въ награду за нимъ было подтверждено кошеватское пожало-

ваніе, съ прибавленіемъ села Лукьяновки поблизу мѣстечка. Грамота была выдана пану Павлу въ августѣ, а въ декабрѣ уже началась борьба съ Млодецкимъ. Кошеватская королевщина лежала на рубежѣ воеводства кіевскаго и брацлавскаго и хотя въ урядовыхъ актахъ числилась въ „бѣлоцерковскомъ повѣтѣ", никогда, впрочемъ, не существовавшемъ, но сборщики податей обоихъ воеводствъ требовали съ нея „квартъ". Ярошинскій имѣлъ пріятелей въ Брацлавщинѣ и при ихъ помощи началъ борьбу съ фактическимъ владѣльцемъ имѣнія Млодецкимъ; уже 14 декабря послѣдній жалуется на пана Павла за захватъ подводъ и разграбленіе Кошеватой (Опис. акт. кн. кіев. центр. арх. № 22, стр. 6), 30 декабря—на новое нападеніе и причиненное собственнику насиліе (ib. № 7, стр. 50), а 19 января 1700 г. кіевскій судъ за разбойное нападеніе приговариваетъ Павла Ярскаго къ баниціи (ib. № 22, стр. 4). Такимъ образомъ, панъ Павелъ овладѣлъ своимъ имѣніемъ, но лишь на короткое время, такъ какъ Млодецкій тѣмъ же путемъ выжилъ его вновь. Примиренія не послѣдовало, и вплоть до конца прошлаго вѣка Ярошинскіе не забывали своихъ правъ на Кошеватую и передавали наслѣдникамъ необходимые для этого документы. Панъ Павелъ вынужденъ былъ вернуться въ опустошенныя Подлисцы и въ томъ же 1700 г. былъ назначенъ подчашимъ овручскимъ.

XVIII вѣкъ начался при самыхъ печальныхъ для Рѣчи Посполитой предзнаменованіяхъ: сверху—борьба за тронъ разбивала край на партіи; внизу—движенія мѣстнаго козачества, выбитаго изъ колеи распоряженіями, которыя проводились въ жизнь по смерти Собѣсскаго и уничтожали полки полѣсскихъ и украинныхъ воителей; козаки, непримиримые и неукротимые, опасавшіеся при томъ за свое существованіе, начали купами соединяться подъ крыльями Палія, который воспользовался современными замѣшательствами и если не *de jure*, то *de facto* завладѣлъ окраинными провинціями. На Подольи сохранялся какой-нибудь законный порядокъ только около Каменца, — Брацлавщина и Кіевщина были охвачены огнемъ. „Ребеллія" угрожала Волыни, поэтому шляхта собралась здѣсь, чтобы предупредить бѣду. Изгнанные изъ своихъ гнѣздъ, кіевляне и брацлавяне сбѣжались на

совѣтъ во Владимірѣ; въ Луцкѣ соединились всѣ три волынскихъ повѣта. Въ концѣ 1702 г. шляхта рѣшила создать пятнадцать хоругвей съ особымъ ротмистромъ для каждой; въ числѣ послѣднихъ оказался и панъ Павелъ Ярошинскій, какъ человѣкъ бывалый и опытный въ военномъ дѣлѣ. Онъ же былъ и замѣстителемъ главнаго начальника или полковника, пана Ледоховскаго, который пребывалъ въ Варшавѣ и затѣмъ умеръ. Дѣла шляхты были плохи, пока не вмѣшался Мазепа и не издалъ свой универсалъ изъ главной квартиры въ Дубнѣ (февр. 1706 г.). Какъ „регементарь-замѣститель", Ярошинскій исполнялъ свои обязанности, повидимому, аккуратно: по крайней мѣрѣ, въ современныхъ актахъ, переполненныхъ жалобами шляхты на дѣйствія ротмистровъ, нѣтъ ни слова противъ пана Павла.

По успокоеніи Волыни панъ Павелъ два года пробылъ въ глубинѣ Польши въ качествѣ начальника панцырной хоругви литовскаго хорунжаго кн. Іосифа Чарторыйскаго—задача нелегкая при необузданности шляхты—и затѣмъ вновь вернулся въ Брацлавщину. Дѣла его шли хорошо, состояніе расло; кромѣ собственнаго имѣнія, онъ съ 1697 г. держалъ въ арендѣ два большіе ключа—Дубенскій и Острожскій, выплачивая за нихъ ежегодно 20,000 зл., а во время похода всѣ хлопоты по хозяйству лежали на его дѣятельной и энергичной помощницѣ—женѣ. Всѣ доходы употреблялись на покупку земли и только земли. Сравнительно съ другими воеводствами, Волынь пострадала менѣе всего, населеніе было здѣсь гуще, имѣнія, или ничтожныя, или чрезмѣрно крупныя и вообще благоустроенныя, не давали большихъ выгодъ; въ Кіевщинѣ опасно было заниматься земледѣліемъ; за то Брацлавщина представляла въ этомъ отношеніи настоящій рай, особенно Побожье, такъ какъ земля лежала здѣсь нетронутою въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Выше было упомянуто объ имущественной неурядицѣ, царившей здѣсь въ началѣ XVIII в.; цѣлыя массы неимущихъ наслѣдниковъ сидѣли по городамъ съ своими документами, подыскивая покупщиковъ, лишь бы только на наличныя. А наличныя были у Ярошинскаго, онъ зналъ цѣну землѣ, зналъ, что при благопріятныхъ условіяхъ она въ недалекомъ будущемъ вознаградитъ

его сторицею; поэтому, хотя быть можетъ надъ нимъ и подтрунивали изподтишка сосѣди, онъ дѣлалъ свое, такъ какъ понималъ, что дѣло стоило того.

Но не легко было пану Павлу вступать во владѣніе своими землями въ Брацлавщинѣ. Пріобрѣтеніе имѣній въ окраинныхъ провинціяхъ, недавно возвращенныхъ Польшѣ, было дѣломъ невѣрнымъ, въ виду легіона претендентовъ на одинъ и тотъ же участокъ земли. Владѣніе на залоговомъ правѣ было повсемѣстно распространено въ ту пору, а съ другой стороны пріобрѣтались права собственности на данное имѣніе, хотя имѣть право далеко еще не значило быть дѣйствительнымъ собственникомъ. Но пану подчашему удалось какъ-то обойти эти подводные камни. Наслѣдники сутисскихъ имѣній, обѣднѣвшіе и чрезмѣрно размножившіеся, не въ состояніи были даже получить въ руки своего наслѣдства; поэтому уже въ 1722 г. послѣ разныхъ споровъ вошли въ соглашеніе съ Ярошинскимъ. Сперва онъ пріобрѣлъ у нихъ Шершни, затѣмъ Сутиску и часть Витавы; прибавимъ, что ему пришлось имѣть дѣло съ 32 наслѣдниками по-сѣмашковскихъ имѣній—и однако онъ довелъ дѣло до конца. Еще ранѣе, въ 1714 г., онъ пріобрѣлъ отъ Красновскаго половину Василевки подъ Тывровымъ; нѣсколько лѣтъ спустя выплатилъ ихъ части Андрушевичамъ, Жабокрицкимъ, Пневскимъ—и сталъ собственникомъ трети по-клещевскаго наслѣдства.

Тотчасъ же онъ устроилъ въ Василевкѣ новую резиденцію, кромѣ волынской, очень удобную, такъ какъ она находилась невдалекѣ Винницы, центральнаго пункта воеводства. Недалеко же былъ и Тывровъ, гдѣ жилъ панъ Калетынскій, родственникъ и пріятель, вѣчно воевавшій съ обнищалыми наслѣдниками по-клещевскихъ имѣній. Панъ Павелъ жилъ въ мирѣ со всѣми, такъ какъ не пользовался своими правами съ обычной для того времени суровостью. Значительную часть своихъ капиталовъ онъ „помѣстилъ“, какъ нынче выражаются, въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Слупицъ, часть котораго лежала около Куны и Киблича. Послѣднему наслѣднику Слупицъ, подчашему новгородскому Фелиціану Борейкѣ, не повезло въ хозяйствѣ, слобо-

жане неохотно селились на пустошахъ, подвергавшихся прежде всего военнымъ набѣгамъ во время козацкихъ волненій. Павелъ Ярошинскій охотно вошелъ въ сдѣлку съ Борейкомъ и его сестрами. Въ самомъ дѣлѣ, Ярошинскій этотъ представлялъ любопытный типъ современнаго хозяина: бережливъ до скупости, счастливъ въ скупкѣ земель, оборотливъ, мягокъ и уступчивъ съ неисправными должниками, если, конечно, не было опасности, что капиталъ пропадетъ. О процентахъ и рѣчи не было въ тѣ блаженныя времена. Такъ, кунянскія имѣнія поглотили почти 80,000 зл., которые въ теченіи пятнадцати лѣтъ не принесли никакого дохода.

Назначенный овруцкимъ стольникомъ съ 1718 г., панъ Павелъ не переставалъ принимать живѣйшее участіе въ общественныхъ дѣлахъ; родственныя связи съ вліятельнѣйшими панами, напр. Свидзинскими, имущественный достатокъ, старыя военныя заслуги—все это создало Ярошинскому выдающееся положеніе въ краѣ, а дѣятельность его въ роли приверженца Лещинскаго по смерти Августа II поставила пана Павла во главѣ брацлавскаго воеводства.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго.

Въ числѣ малороссійскихъ старшинъ XVIII ст. было не мало такихъ образованныхъ людей, которые, съ успѣхомъ отправляя военныя и административныя обязанности, любили въ часы досуга браться за перо и съ увлеченіемъ отдавались историко-литературнымъ занятіямъ. Одни изъ нихъ, какъ генеральный хорунжій Н. Ханенко или генеральный подскарбій Я. Марковичъ, въ теченіе многихъ лѣтъ изо дня въ день вели записки или мемуары обо всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ; другіе списывали или передѣлывали старыя козацкія лѣтописи, дополняя ихъ повѣствованіемъ о событіяхъ своего времени; третьи, наконецъ, сознавая уже недостаточность однѣхъ этихъ лѣтописей для болѣе полнаго изученія прошлой жизни своей родины, занимались собираніемъ и сводомъ историческихъ матеріаловъ, черпая ихъ изъ другихъ, часто иноземныхъ источниковъ, переводили польскихъ историковъ, составляли хронологическіе конспекты историческихъ лицъ и событій и т. под. Такъ образовалась довольно значительная историческая литература въ Малороссіи въ XVIII ст., сослужившая службу и современникамъ въ дѣлѣ ознакомленія ихъ съ прошлыми судьбами края, и послѣдующимъ историкамъ, нашедшимъ въ ней готовый сводъ матеріаловъ.

Къ числу такихъ лѣтописателей—компиляторовъ принадлежитъ и Стефанъ Васильевичъ *Лукомскій*, начавшій службу въ 1731 г. въ генеральной канцеляріи и впослѣдствіи дослужившійся до чина полковаго обознаго. Еще въ бытность свою полковымъ прилуцкимъ

сотникомъ, Лукомскій въ 1738 г. перевелъ съ польскаго дневникъ Окольскаго „О Остраниновой войнѣ зъ ляхами“ 1638 г., дополнивъ его разсказомъ о событіяхъ въ Малороссіи съ 1639 по 1648 г. на основаніи безымянныхъ козацкихъ лѣтописей; впослѣдствіи онъ перевелъ также съ польскаго записки Матѳея Титловскаго о двухъ походахъ султана турецкаго Османа I противъ поляковъ въ 1620 и 1621 годахъ, подвергнувъ и эти записки значительнымъ поправкамъ и дополненіямъ на основаніи мѣстныхъ лѣтописей. Оба эти перевода, по мысли Лукомскаго, должны были служить какъ-бы введеніемъ къ переведенной имъ же исторической поэмѣ Самуила Твардовскаго „Wojna Domowa“ (о войнахъ Б. Хмельницкаго). Наконецъ, въ 1770 г., состоя уже въ отставкѣ и проживая въ г. Прилукахъ, престарѣлый Лукомскій, не желая, какъ онъ самъ говоритъ, „напрасно и бездѣльно времени терять, но чтобъ какую-нибудь прислугу обществу дѣлать“, скомпилировалъ лѣтописный сборникъ подъ заглавіемъ „Собраніе Историческое“, обнимающій событія въ Малороссіи отъ временъ Гедимина до конца XVI ст. и составленный на основаніи сочиненій польскаго историка XVI ст. Александра Гвагнина и козацкихъ лѣтописей. Это „Собраніе“ напечатано въ приложеніи къ изданной въ 1877 г. кіевской коммиссіей Лѣтописи Самовидца, а переводъ Титловскаго и дополненіе къ дневнику Окольскаго помѣщены въ IV т. Лѣтописи С. Величка.

О жизни Стефана Лукомскаго доселѣ извѣстно было лишь только то, что въ 1738—43 годахъ онъ занималъ урядъ сотника прилуцкаго и участвовалъ въ занятіяхъ особой коммиссіи, учрежденной, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, для перевода и свода малороссійскихъ законовъ, а въ 1770 г. проживалъ въ г. Прилукахъ въ званіи отставнаго полковаго обознаго. Помѣщаемая ниже „сказка“ представляетъ весьма обстоятельный разсказъ самого Лукомскаго объ его происхожденіи, о службѣ козацкой его дѣда и отца, о его обученіи въ кіевскихъ школахъ и неудавшейся попыткѣ отправиться за границу для окончанія образованія и наконецъ о первыхъ годахъ служебной дѣятельности Лукомскаго въ войсковой генеральной канцеляріи. Помимо біографическаго интереса, разсказъ

Лукомскаго о скитальческой жизни его родителей довольно живо иллюстрируетъ бѣдственное положеніе жителей правобережной Украины въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., когда населеніе этой благодатной страны, подъ вліяніемъ несчастливо слагавшихся политическихъ обстоятельствъ, неоднократно было вынуждаемо покидать родныя мѣста и селиться на чужихъ земляхъ въ гетманщинѣ.

Помѣщаемая „сказка“ доставлена намъ покойнымъ В. П. Масловымъ и извлечена имъ изъ хранящагося въ моск. архивѣ минист. юстиціи [1]) дѣла о Лукомскомъ, „о родствѣ его и о службахъ дѣда его Андрея Гайдука, а паче Василія, отца его, и прочихъ родственниковъ его россійскимъ императорамъ“. Дѣло это производилось въ 1733—1734 гг. въ генеральной войсковой канцеляріи; въ немъ заключаются показанія разныхъ лицъ полковой старшины и между прочими бывшаго бѣлоцерковскаго полковника Емельянова. Этими показаніями вполнѣ подтвердились факты, о которыхъ упоминается въ личной „сказкѣ“ Лукомскаго. О немъ же самомъ войсковая старшина дала такой отзывъ, что онъ „человѣкъ добрый, вѣрный и къ ея императорскому величеству не подозрительный и въ службахъ е. и. в-ству быть достоинъ, годенъ и потребенъ“. Подъ этимъ отзывомъ подписались: генеральный подскарбій Андрей Марковичъ и генеральный судья Михайло Забѣло.

О. Л.

1733 году, августа 29 дня, въ генеральной войсковой канцеляріи Стефанъ Лукомскій сказкою показую: націею я малороссіянинъ, вѣры христіанской, благочестивого греческаго исповѣданія, лѣтъ отъ роду мнѣ тридцать два. Родился я за Днѣпромъ, въ украинскомъ городѣ Умани, подъ высочайшою державою ихъ императорского величества. Дѣдъ мой Иванъ Лукомскій и прадѣдъ (имени его не помню), козаки, родились полку лубенского, въ мѣстечку Лукомлѣ, и тамо они имѣли свои грунта,

---

[1]) Кн. дѣлъ Сената по малороссійской экспедиціи 1733, № $\frac{100}{1827}$, стр. 637—639; а также № $\frac{22}{1749}$, стр. 235—237 и 277.

только жъ тіе грунта, во время войны гетмана Богдана Хмельницкого съ ляхами и ради другихъ въ тѣхъ старихъ годахъ неспокойствъ, отошли въ другіе владѣнія. Такожъ оные дѣдъ и прадѣдъ мой имѣли свои грунта за Днѣпромъ въ городѣ и около города Умани, помѣжніе съ Скоропадскими, изъ которыхъ и гетманомъ малороссійскимъ Иванъ Илѣчъ Скоропадскій былъ; такожъ съ Кочубеями, съ которыхъ нынѣ полковникъ полтавскій Василій Кочубей, съ Ханенками, изъ которыхъ нынѣ полковій обозній кіевскій Ѳедоръ, судія стародубовскій Николай Ханенки, и съ другими бывшими тамо за Днѣпромъ владѣльцы. И дѣдъ мой Иванъ Лукомскій, за тогдашними неспокойствіи, изъ Лукомля перейшолъ въ Полтаву и тамо въ Полтавѣ сплодилъ отца моего Василья; а когда дѣдъ мой Иванъ Лукомскій умре, а бабку мою Анну взялъ въ жену Андрей Гайдукъ, а отецъ мой Васыль малолѣтенъ остался, и тогда Андрей Гайдукъ, отца моего отчимъ, на прадѣдизніе и дѣдизніе отца моего и на свои грунта перешолъ за Днѣпръ и жилъ на своихъ козачихъ грунтахъ въ городѣ Умани съ отцемъ моимъ до турецкой под тимъ городомъ бывшой войны въ козацкой службѣ; а когда турки тотъ городъ украинскій Умань виняли и спустошили, тогда въ самомъ туреческомъ оттакованіи отчимъ отца моего Андрей Гайдукъ съ Васильемъ, отцемъ моимъ, изъ того города Умани вийшли и зайшли съ другими тогобочними людми въ Переясловле и тамъ многіе года жили въ козацкой же службѣ. Когда же за-днѣпрская Украйна въ державѣ ихъ императорского величества почела населятись по прежнему, тогда оные дѣдъ и отецъ мой (которой въ Переяславлѣ оженился на Евдокіи Дубсковнѣ [1]), малороссіянцѣ) перешли за Днѣпръ на свои жилля къ Умани, и что (такъ какъ) тотъ городъ Умань былъ разоренъ и спустошенъ, и многіе бывали въ ту Украйну набѣги и нападенія татарскіе, стали они, дѣдъ и отецъ мой, въ уманской жить поланцѣ, отъ города Умани верстъ въ семь, отъколя хаживалъ отецъ мой Василій, по отцу родному Лукомскій, а по отчиму Гайдукъ, въ разные походы на непріятелей тогда государства всерос-

[1]) Т. е. дочери Дубскаго.—*Ред.*

сійского: на татаръ съ Семеномъ Палѣемъ, полковникомъ тогда бѣлоцерковскимъ, да съ Карпомъ Часнымомъ, что нынѣ полковникъ охочекомонній, да съ Павломъ Циганчукомъ, обознимъ тогда полковымъ бѣлоцерковскимъ, и съ другими войсковыми людми. А сказывалъ отецъ мой (что я припомню), былъ онъ въ войсковыхъ походахъ и воинскихъ акціяхъ: 1) когда поланки татарскіе полковникомъ черниговскимъ Яковомъ Лизогубомъ и наказнимъ гетманомъ разоривани; 2) на нѣякомъ-съ урочищѣ при Кучманѣ, на Кодимѣ, съ тѣмъ же Семеномъ Палѣемъ, и когда отецъ мой въ томъ походѣ будучи настоящимъ атаманомъ и наказнымъ надъ паланскими козаками сотникомъ, и возвратясь отъ оной Кучмани, разбивши татаръ и отлучась отъ Палѣя къ Уманской поланцѣ съ восьмидесяти человѣкъ, тогда напали на нихъ татаре въ урочищѣ Сухой Дуброви, надъ рѣкою Ятранню, и тамъ отца моего съ другими товарищи татаре доставши, въ неволю взяли, и былъ въ той неволѣ больше полгода, и хочай полковникъ Семенъ Палѣй въ замѣну одного мурзу за отца моего мѣлъ отдать, толькожъ, понеже тотъ мурза съ другимъ за князя Четвертенского Юрія, тогда жъ въ полону бывшаго, отданъ, того ради отецъ мой съ той неволѣ себе пятсотма левковими выкупилъ; 3) Когда Бѣлую Церковь Палѣй отъ ляховъ досталъ, и тамъ раненъ отецъ мой съ флинты кулею въ правую ногу; послѣ же, по унѣверсалу тогда гетманскому, городъ украинскій Умань (который отъ Кіева миль въ дватцать) и другіе къ тому городу, яко къ полковому, надлежащіе сотенніе городки: Ладижинъ, Манковку, Манастирища, Буки, Мушуровъ, Воронное, Романовку, Таганное, и протчіе съ ихъ селами, по разореніи турскомъ, осадилъ и осадчимъ былъ всего уманского уѣзду, и подати прежде бывшимъ гетманомъ, яко то лисичное и звѣри дикіе приваживалъ въ Батуринъ и въ Глуховъ; 4) Съ гетманомъ Мазепою на службу императорского величества ходилъ по указу въ Полщу, а въ якихъ годѣхъ то было, того, понеже о семъ въ малолѣтствіи отъ отца своего слышалъ, подлинне не знаю; 5) А сему уже памятенъ, что во время благополучной Полтавской викторіи 1709 году, когда Андрей Кандиба, полковникъ корсунскій (который въ сихъ годахъ недавнихъ былъ генеральнымъ

судьею), наказнимъ гетманомъ будучи, стоялъ по указу съ войсками заднѣпровскими надъ рѣкою Богомъ, въ томъ же войску и отецъ мой былъ настоящимъ уманскимъ атаманомъ и наказнымъ сотникомъ; 6) Да въ маѣ мѣсяцѣ на мѣстечко уѣзду уманского на Нерубайку якійсь татаринъ Летунъ съ запорожцами напавъ, конѣ и товаръ когда у обывателей позаймали и набѣги на подданныхъ ихъ императорского величества чинили, то отецъ мой, будучи сотникомъ уманскимъ, съ командѣрованними уманской сотнѣ козаками съ четыреста человѣки ходилъ на того татарина Летуна и на запорожцевъ, и на урочищи прозиваемомъ Гарбузина Долина, надъ рѣкою Мертвоводомъ, съ тимъ татариномъ Летуномъ (которій послѣ отъ полковника тогда чигиринского, а нынѣ прилуцкого, Игнатія Галагана убитъ) и съ запорожцами чинилъ войну, и отца моего съ козаками уманскими тамъ разбито, а двоюродного отъ матки брата моего Семена Дубского, переясловского родимца, хоружого сотенного уманского, въ той акціи убито, а отецъ мой списомъ въ обѣ руки и въ поперекъ спины тогда раненъ, въ полонъ взятъ, припровоженъ запорожцами къ Перекопу и отданъ нѣякомусь перекопскому каймакану, гдѣ въ Перекопѣ сидѣлъ въ ямѣ килька мѣсяцей и отданъ хану кримскому, а отъ хана кримского отданъ въ Цариградъ султану и тамо въ Цариградѣ сидѣлъ въ неволѣ. 7) 1711 году братъ мой родній Денисъ былъ въ походѣ съ войсками россійскими на Прутовой акціи, въ командѣ Василья Танского, нынѣшняго переясловского, а тогда россійскихъ волосскихъ корогвей полковника.

А когда обывателемъ заднѣпровскимъ велѣно, по указу ихъ императорского величества, переходить на сю сторону Днепра, а ту сторону полякомъ отдано, въ ту пору мати моя Евдокія Дубсковна со мною малолѣтнимъ и съ другими дѣтьми своими, съ протчими уманскими жительми, перешла полку лубенского въ мѣстечко Веремѣевку, а 1712 г. отецъ мой, выйшовши зъ неволѣ, прийшолъ въ Переясловъ и не имѣя здѣсь на чемъ жить, разоренъ будучи отъ той неволѣ, принужденъ за оскудѣніемъ своимъ пойтить на свое жилье прежнее, къ Умани; а я въ малолѣтствіи своемъ пошелъ въ Кіевъ въ наученіе и въ кіевскихъ

училищахъ латинскіе проходилъ школы, и первое 1718 году съ протчими студентами на вѣрность ихъ императорскому величеству присягалъ въ Кіевѣ въ Братской церквѣ, при бытности князя Хотяновскаго и тогда бунчужного, а нынѣ обознаго генерального Якова Лизогуба; а въ 1722 году, окончя въ Кіевѣ часть ученія своего, ходилъ въ чужестранніе краи, надѣясь тамо оное латинское мое совершить ученіе, но за приключившеюся мнѣ тогда болѣзнію, принужденъ остаться въ Польши, гдѣ, ради преслѣдованія за благочестіе греческого исповѣданія и что я малороссіянинъ, не моглъ тамо долѣе ученія своего имѣть и, не соверша оного, въ 1726 году возвратился паки по прежнему въ Кіевъ, гдѣ и совершилъ богословію, о чемъ многіе малороссіяне могутъ засвидѣтельствовать. А между ученіемъ въ 1727 году въ другое на вѣрность ихъ императорскому величеству въ кіевской Братской церкви, а въ 1730 году въ третое на вѣрность всемилостивѣйшей государынѣ императрицы, нынѣ благополучно самодержавствующей, ея императорскому всепресвѣтлѣйшему величеству въ Глуховѣ въ соборной глуховской церквѣ, съ сыномъ обознаго войскового генерального Якова Лизогуба съ Григоріемъ Лизогубомъ, которому я тогда учителемъ былъ, присягалъ же. А въ началѣ 1731 году, генваря въ первыхъ числехъ, по опредѣленіи господина гетмана и кавалера Апостола, я нижайшій, природній ея императорского величества подданній и родимецъ малороссійскій, въ генеральную войсковую канцелярію принятъ и въ той канцеляріи, въ дѣлѣ ея императорского величества, вѣрно и безпорочно служа, въ-четвертое въ 1732 году ея-жъ императорскому величеству я подданній чесную вѣрность присягалъ-же. А сего 1733 году марта 14, по отлученіи прежде мене бывшаго старшаго канцеляриста Григорія Юркевича, что нынѣ полковій писарь стародубовскій, по опредѣленію оного-жъ господина гетмана и кавалера, по усмотрѣнію его, учрежденъ я быть въ той же войсковой генеральной канцеляріи старшимъ канцеляристомъ, и съ бытія въ оной канцеляріи, даже до полученія высокоповелительнѣйшого ея императорского величества указу, предостойнѣйшой ея-жъ императорского величества изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамоты, сего августа 13

пущенной, а 27 полученной, изображенного, въ званіи моемъ при дѣлѣ-жъ ея императорского величества канцелярскихъ, по присяжной своей должности, служилъ я ея императорскому величеству со всякою вѣрностію и ревностію безъ жадного порока, о чомъ дѣла ея императорского величества, въ той-же канцеляріи имѣючіеся, по указамъ е. и. в. вѣрного службою моего произвожденіе, и генеральній писарь Михайло Турковскій могутъ засвидѣтельствовать; а принятъ я въ ту войсковую генеральную канцелярію и старшимъ канцеляристомъ былъ учрежденъ безъ особливѣйшаго обязательства и безъ присяги ея императорскому величеству въ вѣрности по прежнимъ здѣсь примѣрамъ. А что я природній ея императорского величества подданній, зъ дѣда и отца малороссіянинъ, и яко вѣрностно усопшимъ блаженнія и высокославнія ея императорского величества предкомъ дѣдъ, а паче отецъ мой Василій, по родному отцу Лукомскій, а по отчиму Гайдукъ, служилъ и за предостойнѣйшую ея императорского величества всероссійскую державу неволю и многіе раны терпѣлъ, и показаннія братья мои служили жъ, въ томъ имѣются свидѣтели, а именно: полковникъ кіевскій Антоній Танскій, полковникъ охочекомонній Карпъ Часникъ, бунчуковій товарищъ Афанасій Дорофеевичъ, сотникъ полковій нѣжинскій Григорій Романовскій, сотникъ Иванъ Дубранизкій, атаманъ Стефанъ Гаптаренко, полковіе переяславскіе, Ярема Золотаръ въ Кіевѣ, да перешедшіе на сю сторону Днѣпра съ Умани: Данило Рѣдкій, Иванъ Коробанъ, полку полтавского въ Кобеляцѣ или въ Санжаровѣ; попъ Матвѣй Тараховскій, полку гадяцкого, подъ Зѣнковомъ, въ селѣ Павловцѣ; Семенъ Богатій, полку лубенского, подъ мѣстечкомъ Веремѣевкою, въ селѣ Погорѣлахъ, и многіе, кого они свидѣтели въ моемъ родствѣ и о вышеписанныхъ службахъ покажутъ, понеже я, за тогдашнимъ малолѣтствіемъ, жильцовъ уманскихъ многихъ припомнить не могу. Да и родственниковъ своихъ здѣсь имѣю: тетка моя родная, инокиня Ѳеодосія Чайченкова, полку переясловского, подъ Золотоношею, въ Коробовцѣ, въ дѣвичомъ монастырѣ; двоюродніе сестры: Анастасія Чайченковна, швагеръ Николай Леенко, да Любка Дубсковна, и многіе, кого они род-

ственники въ Переясловлѣ покажутъ; да братіе двоюродніе Василій и Захарій Дубскіе, полку лубенского въ Лохвицѣ, да сестры двоюродніе-жъ: Евдокія Дубсковна Свѣрская и швагеръ Иванъ Свѣрскій въ Нѣжинѣ, Евдокія Дубсковна-жъ за городомъ Нижнимъ Кіевомъ въ сильцѣ жительствуетъ; а отца моего братья родные на службѣ ихъ императорского величества татарми взяти въ неволю, въ якой неволѣ и по нынѣ обрѣтаются. А что тотъ городъ Умань, гдѣ я родился, въ державѣ ихъ императорского величества былъ до отдачи полякомъ о семъ явствуетъ и чертежъ, которій въ 1709 году, августа въ 15 день, по указу блаженнія и вѣчнодостойнія памяти императора и самодержца всероссійского Петра Великого его императорского величества и по приказу ближняго тогда стольника, кіевского воеводы князя Дмитрія Михайловича Голицына, діакомъ Аверкіемъ Леонтіевичемъ, подполковникомъ инженеромъ Иваномъ Тересаномъ обо всей за-днѣпровской Украйнѣ чиненъ, а по указу блаженнія и вѣчнодостойнія памяти императора и самодержца всероссійского Петра Второго его императорского величества изъ Верховного Тайного Совѣту 1727 году, мѣсяца (пропускъ) въ инструкціи тайному совѣтнику и министру господину Федору Васильевичу Наумову данной, въ 21 пунктѣ всемилостивѣйше повелѣно ему жъ, тайному совѣтнику, обще съ гетманомъ трудится и старанія прилагать, дабы которіе малороссійского народа жители до сего времени отъ хлѣбнихъ недородовъ или отъ чьихъ партикулярныхъ персонъ обиды и тягости перешли на житье за Днѣпръ и за рубежъ, тѣ-бъ паки на прежніе ихъ жилища возвратились, объявляя, что имъ дается позволеніе жить въ Малой Россіи въ прежнихъ мѣстахъ или за кимъ похотятъ по тамошнему ихъ обыкновенію и по стародавнимъ ихъ вольностямъ.

Къ сей сказки Стефанъ Лукомскій руку приложилъ.

Сообщилъ **О. И. Левицкій.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памяти Ивана Петровича Новицкаго. Читателей «Кіевской Старины» мы извѣстили уже въ прошломъ номерѣ о смерти одного изъ старѣйшихъ и даровитѣйшихъ сотрудниковъ нашего журнала И. П. Новицкаго. Смерть его случилась въ то время, когда августовская книжка заканчивалась печатаніемъ, и это обстоятельство не позволило намъ тогда же исполнить свой долгъ передъ покойнымъ.

Иванъ Петровичъ Новицкій родился въ 1844 году; онъ происходилъ изъ стариннаго русскаго православнаго дворянскаго рода кіевской губерніи; отецъ его служилъ въ уѣздномъ судѣ въ Таращѣ; намъ ничего неизвѣстно о первыхъ годахъ ученія и воспитанія покойнаго; дальнѣйшее же образованіе онъ получилъ въ кіевской 2-й гимназіи; по сложившимся несчастнымъ образомъ для мальчика условіямъ, онъ не окончилъ гимназіи, выйдя изъ пятаго класса. Одаренный отъ природы большими способностями, онъ еще на школьной скамьѣ обнаруживалъ любовь къ знанію и въ свободное отъ уроковъ время пополнялъ скудныя гимназическія свѣдѣнія по входившимъ тогда въ моду естественнымъ наукамъ. Выходъ его изъ гимназіи совпалъ съ оживленіемъ общественной мысли въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ; это не могло не отразиться на даровитомъ и чуткомъ къ біенію общественнаго пульса Иванѣ Петровичѣ. Привязанность и интересъ къ наукѣ сближали его съ школьными товарищами, изъ которыхъ многіе по окончаніи гимназіи поступили въ университетъ; онъ вошелъ съ ними и въ этотъ храмъ науки, который открылъ тогда свои двери для всѣхъ жаждущихъ знанія; въ числѣ таковыхъ былъ и нашъ покойный сотрудникъ. Мы не знаемъ, какая область знанія влекла къ себѣ любознательность покойнаго, но положительно можемъ утверждать, что политическія событія, происходившія въ краѣ въ 1863 году, окончательно опредѣлили на-

правленіе работъ Ив. П—ча. Событія эти отразились на университетѣ, раздѣливъ учащихся (студентовъ и постороннихъ слушателей) на два лагеря по національности. Въ то время, многіе слушатели изъ поляковъ оставили университетъ, оставшіеся русскіе сблизились тѣснѣе, составили изъ себя кружокъ несочувственный польскому движенію и толковали о возможности существованія чисто русскаго университета въ Кіевѣ. Выдающіеся представители этого кружка положили начало изученію прошлой жизни южно-русскаго края съ цѣлью на почвѣ науки доказать господство въ немъ началъ русской жизни, языка и вѣрованій; къ нимъ примкнулъ и Ив. П—чъ и съ тѣхъ поръ до послѣдней минуты своей жизни онъ не выпускалъ изъ рукъ пера, защищая интересы южно-русской народности. Мѣстная исторія, этнографія, географія и вообще всѣ стороны и вопросы жизни юго-западнаго края были изучены покойнымъ глубоко и всесторонне. Не было ни одного сколько-нибудь важнаго общественнаго, мѣстнаго вопроса, по которому покойный не выступилъ бы печатно со своимъ мнѣніемъ, всегда раціональнымъ и основательнымъ. Увлеченіе Ив. П—ча этимъ научно-литературнымъ и полемическимъ движеніемъ не дало ему возможности пріобрѣсти служебныя права и преимущества; поэтому устроиться ему не удалось ни въ какомъ ученомъ или учебномъ учрежденіи; онъ могъ бы, конечно, при своихъ обширныхъ познаніяхъ и способностяхъ найти приложеніе гдѣ-нибудь и въ другой сферѣ, но обнаружившаяся въ это время психо-физическая болѣзнь, сведшая его въ могилу и укоренившаяся любовь къ наукѣ, дѣлала невыносимымъ для него канцелярскій трудъ, сухой, однообразный, механическій, а его самого, больнаго, неподходящимъ къ условіямъ этого труда. Эти два обстоятельства сдѣлали навсегда Ив. П—ча вольнымъ труженикомъ мысли. Но живо интересовавшійся и основательно знакомый съ условіями мѣстной жизни, онъ не могъ, конечно, не выступить рано въ печати со своими работами. Кіевъ въ ту пору не имѣлъ никакихъ органовъ для разработки и обсужденія мѣстныхъ вопросовъ кромѣ двухъ: полуоффиціальной газеты «Кіевлянина», начавшей издаваться въ 1864 году, и археографической коммиссіи, хотя существовавшей и съ 1843, но требовавшей, да и теперь требующей отъ своихъ сотрудниковъ сыраго матеріала съ обстоятельнымъ научнымъ изслѣдованіемъ его, а этотъ матеріалъ, хранящійся въ архивахъ, набирается не легко и не скоро. Само собой разумѣется, что покойному оставался одинъ исходъ—

помѣщать свои работы въ мѣстной газетѣ. Онъ такъ и поступилъ. Участіе Ив. П—ча въ «Кіевлянинѣ» начинается съ первыхъ же годовъ его существованія и непрерывно продолжается до самой смерти. Было бы долго останавливаться на оцѣнкѣ и перечисленіи всѣхъ его газетныхъ статей и замѣтокъ. Число ихъ такъ велико, что, я думаю, и самъ покойный затруднился бы ихъ исчислить. Вообще же должно сказать, что вопросы національные, религіозные, экономическіе, вопросы научные: историческіе, этнографическіе, статистическіе и вопросы объ управленіи и проч. вызывали цѣлые ряды его статей, въ которыхъ онъ обнаруживалъ всегда знаніе дѣла, ясность мысли, глубокій критицизмъ, и большее или меньшее безпристрастіе; работы его не проходили безслѣдно, на нихъ обращалось вниманіе и они оказывали вліяніе на разрѣшеніе обсуждавшагося имъ вопроса въ ту или другую сторону, указываемую авторомъ. Какъ знатокъ края, покойный приглашался въ качествѣ эксперта во многія коммиссіи, занимавшіяся обсужденіемъ мѣстныхъ вопросовъ, какъ напр.: въ коммиссію по чиншевому вопросу, въ областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ и т. д.

Кромѣ газетной работы, онъ работалъ и въ университетѣ по найму, исполняя въ теченіи шести лѣтъ обязанности помощника завѣдывающаго центральнымъ архивомъ. Эти занятія многое дали покойному, ознакомивъ его по первоисточникамъ съ прошлыми судьбами края. Да и самъ онъ долженъ былъ работать надъ созданіемъ новаго дѣла—составленія описей. Центральный архивъ при университетѣ, учрежденный еще въ 1852 г. по мысли Н. Д. Иванишева, бывшаго ректоромъ университета и редакторомъ кіевской археографической коммиссіи, заключаетъ въ себѣ древнія актовыя книги, дающія неисчерпаемый матеріалъ для изученія прошлой жизни юго-западнаго края. Приведеніе въ извѣстность этого матеріала путемъ составленія описей къ актовымъ книгамъ велось до 1868 г. такъ неумѣло, что вся работа признана была негодной; только съ назначеніемъ настоящаго архиваріуса К. А. Царевскаго въ 1868 г. дѣло это стало на должный путь. Выборъ г. Царевскаго палъ на Ив. П—ча, какъ на человѣка болѣе или менѣе знакомаго съ мѣстной исторіей и способнаго къ труду. Описи, составленныя покойнымъ, были одобрены начальствомъ—и всѣ безъ измѣненія напечатаны; онѣ и до сихъ поръ служатъ образцомъ для составленія таковыхъ. Первое время описи печатались безъ обозначенія имени составителя и потому теперь рѣшительно невозможно сказать, которыя изъ нихъ

составлены Ив. П--чемъ. Во всякомъ случаѣ ему принадлежитъ составленіе не менѣе, если не болѣе, 10 описей. Служба въ центральномъ архивѣ сблизила покойнаго и съ археографической коммиссіей. Вмѣстѣ со своимъ товарищемъ К. Е. Козловскимъ, секретаремъ коммиссіи, онъ набралъ два тома матеріаловъ по исторіи крестьянъ въ XV—XVIII вв. Козловскій скоро умеръ и обязанность написать изслѣдованіе по собранному матеріалу возложена была на покойнаго. Онъ прекрасно выполнилъ это порученіе, давъ своему сочиненію заглавіе: «Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ». Въ тоже время онъ печаталъ матеріалъ по колонизаціи края въ эпоху войнъ Хмельницкаго въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», такъ какъ вопросъ о колонизаціи онъ считалъ основнымъ для мѣстной исторіи; отдѣльныхъ оттисковъ этихъ матеріаловъ не сохранилось. Зная по опыту, какъ затруднительно пониманіе юридическихъ терминовъ древняго актоваго языка, Ив. П—чъ составилъ небольшой словарь («Университетскія Извѣстія» за 1871 годъ), который и до сихъ поръ служитъ пособіемъ для начинающихъ работать въ архивѣ. По выходѣ, вслѣдствіе болѣзни, изъ архива, Ив. П—чъ продолжалъ работать въ газетѣ и коммиссіи; послѣдняя поручила ему составленіе указателей къ изданнымъ ею лѣтописямъ, памятникамъ и многимъ томамъ «Архива юго-западной Россіи» личнаго, географическаго и предметнаго; Ив. П—чъ успѣлъ напечатать лишь два первые, которые составляютъ огромные томы по 60 печатныхъ листовъ; особенно важенъ указатель географическій. Но названными двумя учрежденіями не ограничивалась дѣятельность Ив. П—ча. Намъ извѣстно, что онъ работалъ одно время въ качествѣ секретаря въ кіевскомъ статистическомъ комитетѣ. Результаты разработки имъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ комитетомъ, къ сожалѣнію, не печатались, но бывшія въ рукахъ Ив. П—ча цифры давали ему возможность дѣлать прочные выводы при обсужденіи мѣстныхъ вопросовъ въ газетѣ. Въ 1873 году открылся въ Кіевѣ отдѣлъ императорскаго географическаго общества и Ив. П—чъ явился дѣятельнымъ его членомъ; особенно много онъ поработалъ, какъ опытный статистикъ, при производствѣ однодневной переписи въ Кіевѣ 4 марта 1874 года вмѣстѣ съ другимъ не менѣе даровитымъ и опытнымъ статистикомъ, теперь также умершимъ П. П. Чубинскимъ. Съ послѣднимъ Ив. П—чу пришлось работать и въ экспедиціи, назначенной императорскимъ географическимъ обществомъ для изученія юго западнаго края. Такъ онъ напечаталъ въ Гу-

бернскихъ Вѣдомостяхъ трехъ юго-западныхъ губерній программу для собиранія матеріаловъ по языку; собралъ и доставилъ для V тома «Трудовъ экспедиціи» 5000 малорусскихъ пѣсенъ, и приготовилъ къ печати бытовыя пѣсни. Изслѣдованія къ пѣснямъ при ихъ печатаніи онъ не успѣлъ сдѣлать, но оно появилось въ печати гораздо позже, именно въ 1884 г., въ художественно-литературномъ альманахѣ «Кіевлянка», изданномъ редакціей «Кіевлянина»; этотъ обстоятельный и прекрасный трудъ носитъ заглавіе: «Женщина и ея положеніе въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ».

Какъ членъ кіевскаго юридическаго общества Ив. П—чъ извѣстенъ лучшимъ изъ всѣхъ читавшихся рефератовъ по вопросу о чиншевикахъ.

Съ началомъ изданія «Кіевской Старины» Ив. П—чъ былъ и ея постояннымъ сотрудникомъ. Изъ большихъ статей имъ напечатаны только двѣ: «Князья Ружинскіе» [1]) и «Адамъ Кисель, воевода кіевскій». Обѣ онѣ касаются двухъ главныхъ моментовъ въ исторіи козачества, которая обстоятельно была знакома автору, какъ излюбленный имъ періодъ мѣстной исторіи, первая изъ этихъ статей касается судьбы княжескаго рода, участвовавшаго и въ колонизаціи юга Россіи и въ созданіи козачества, вторая одного изъ главныхъ представителей польскаго общества, одного изъ его общественныхъ типовъ въ смутную эпоху войнъ Хмельницкаго. Кромѣ этихъ важнѣйшихъ статей, Ив. П—чемъ напечатано около полутора десятка мелкихъ историческихъ замѣтокъ, да столько же рецензій о новыхъ книгахъ. Особенно важны были послѣднія; благодаря способности къ глубокому анализу и обширнымъ историческимъ свѣдѣніямъ, его замѣчанія пріобрѣтали большое значеніе; онѣ касались не только мелкихъ фактическихъ ошибокъ, но и цѣлаго плана сочиненія; удары его, какъ критика, были неотразимы и мѣтки, но наносились они въ мягкой, деликатной формѣ и всегда серьезнымъ тономъ. Много рецензій Ив. П—ча появлялось и въ газетахъ. Мы не касаемся его многочисленныхъ корреспонденцій въ столичные газеты и журналы.

Ив. П—чъ представляетъ собою рѣдкій примѣръ самоучки и обстоятельная его біографія была бы весьма поучительна. Какъ мы сказали раньше, не было мѣстнаго вопроса, котораго бы не касался покойный въ своихъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, поэтому мы думаемъ,

---

[1]) Апрѣль 1882 г.

[2]) Сентябрь—Декабрь 1885 г.

что собраніе по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ нихъ помогло бы многимъ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ разобраться въ запутанныхъ сословно-національныхъи экономическихъ вопросахъ юго-западнаго края. **И. Каманинъ.**

Три письма гр. П. В. Завадовскаго, 1775 и 1776 г.г. Печатаемыя здѣсь пи́сьма Завадовскаго [1]) писаны къ Григ. Григ. Фридрикевичу, одному изъ видныхъ дѣльцовъ въ Малороссіи к. XVIII в., умершему въ 1797 г., на мѣстѣ предсѣдателя черниговской палаты гражданскаго суда и въ рѣдкомъ для тогдашней Малороссіи чинѣ—дѣйств. ст. совѣтника. Фридрикевичи происходили отъ Христофора Самойловича Фридрикевича—пасынка Мазепы; сынъ Христофора—Григорій служилъ бунчуковымъ товарищемъ и умеръ, оставивъ одного сына Григорія, котораго Завадовскій въ письмахъ, почему то называетъ «братцемъ». Вдова Григорія Христофоровича, Федосья Томара, вышла во второй разъ замужъ за Степана Леонтовича, съ которымъ познакомилась, когда тотъ жилъ у седневскаго сотника Войцеховича «инспекторомъ» дѣтей. Отъ этого втораго брака у вдовы Фридрикевича было два сына, Степанъ и Иванъ и четыре дочери, въ томъ числѣ и извѣстная въ тогдашней Малороссіи умница Настасья, бывшая замужемъ за послѣднимъ въ родѣ—Семеномъ Полуботкомъ. Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ умеръ бездѣтнымъ, завѣщавъ богатыя свои имѣнія, полученныя отъ жены Анны Яковлевны Чарнышъ (внучки генеральн. судьи) своимъ сестрамъ по матери.

Текстъ печатаемыхъ писемъ повидимому, нѣсколько попорченъ при печатаніи ихъ въ первый разъ.

1) С.-Петербургъ. Декабря 29. 1775.

Милостивый государь братецъ!

По совѣту вашему я получилъ переяславскія деревни. Будьте мнѣ еще благодѣтель, призрите, какъ сами знаете. Это степи отдѣленному Великаго Хутора къ Драбовому (sic). Мнѣ фельдмаршалъ обѣщалъ велѣть сіе сдѣлать. У меня нѣтъ знакомаго никого кромѣ васъ. Я на ваше усердіе полагаюсь и льщу себя заслужить вѣчное. Пожалѣйте, порадѣйте въ одолженіе тому, который на васъ полагается

---

[1]) Перепечатываемъ письма изъ Черниг. Губ. Вѣд. 1883 г., № 49, гдѣ они были напечатаны съ подлинниковъ гр. Г. А. Милорадовичемъ.

свыше чѣмъ на себя. Снеситесь въ Полтаву съ старшимъ моимъ братомъ и съ П. Я. Селецкимъ, они суть смежны. Мое же состояніе не дозволяетъ мнѣ думать о хозяйствѣ. Предаю себя въ продолженіе долгой вашей любви, пребываю съ нелицемѣрною преданностію вашимъ, милостиваго государя братца, всепокорнымъ слугой Петръ Завадовскій.

2) Спб. Генваря 26. 1776.

Присовѣтовавъ мнѣ выпросить переяславскія деревни, вы нажили тѣмъ себѣ неусыпныхъ хлопотъ. Послѣ письма моего, которое, я чаю, вы уже получили, я васъ еще безпокою, прося разсмотрѣть вложенную тутъ записку и дать совѣтъ моему брату и, когда можете, и депутату на соображеніе сихъ примѣчаній къ отдачѣ. Я сіе предлагалъ на такой только случай, ежели вы разсужденіемъ вашимъ найдете какой нибудь артикулъ выполнить удобнымъ къ вящей пользѣ, я весьма дѣлюсь (sic) отъ того, чтобъ хотѣть чужаго, а изъ свободнаго не худо отпросить какъ можно кусокъ поболѣ. Прошу, братецъ, сохраните сію мою записку для однихъ и увѣдомьте меня о вашемъ на оную мнѣніи такъ стоятъ ли чего нибудь переяславскія мои дачи, ибо братъ старшій, не знавъ степной экономіи, мнѣ кажется, не за великое ихъ ставитъ

Не забывайте дружескаго напамятованія того, кто есть и пребудетъ съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ вашимъ всепокорнымъ слугою Петръ Завадовскій.

Братцу вашему, милостивому государю моему, Ивану Степановичу[1]) свидѣтельствую наиусерднѣйшій поклонъ.

3) Февраля 16. 1776. Спб.

Отъ 5 настоящаго письмо ваше доказываетъ мнѣ ту любовь, на которую я уповалъ, и уповать не престану. Продолжите ваше благотвореніе, я васъ прошу съ чувствомъ, обыкшимъ почитать благодѣтелей и друзей. Послѣ тѣхъ описаній, которыя я нашелъ въ вашемъ письмѣ, о переяславскихъ деревняхъ, у меня прибыло духу нападать на моего брата Ивана Василіевича, чтобъ онъ внималъ отлично вашимъ словамъ и всѣмъ статьямъ полезнаго хозяйственнаго (sic).

Чѣмъ далѣе, то моя голова меньше свободна думать о чемъ нибудь своемъ; я уже безпредѣльно возложу на васъ, на брата и на

[1]) Леонтовичу, брату Гр. Гр. Фридрикевича по матери.

Ивана Яковлевича Селецкаго быть въ моемъ имѣніи хозяевами вмѣсто меня, ибо Богу угодно (какъ кажется) отводить меня надолго отъ деревенской жизни, которую я не престаю любить отъ самой молодости; дѣлайте, что лучше, я васъ прошу всегда помнить, что вы тѣмъ усугубляете во мнѣ признательность. Если можно, не нарушая правъ, наданныхъ колонистамъ, достать Великій Хуторъ [1]), то по вашему совѣту я стану искать доброй пары. Поэтому больше всего нужно мнѣ ваше наставленіе и объясненія подробныя, коихъ въ свое время буду дожидаться.

Милостивому государю Петру Ивановичу прошу поклониться; пусть онъ успокоится со стороны дѣла въ сенатѣ. Я попрошу, и моя просьба здѣсь вѣсъ свой имѣетъ.

Даруй Богъ вамъ, братецъ, здоровья и долгой вѣкъ, а ничего больше для себя не желаю, какъ пожить съ вами вмѣстѣ, хотя на старость, и попить степной сыворотки. Пожалуйста пріохотите моего брата къ лошадямъ, и ежели онъ слѣпъ будетъ положить въ заводъ деньги, то ко мнѣ отпишите, я пришлю вамъ потихоньку отъ него. Я просилъ Н. П. Евреинова, чтобъ онъ порадѣлъ изъ заводовъ Разумовскаго купить жеребцовъ и кобылъ. Я вовсе не знатокъ, чтобъ здѣсь достать жеребцовъ, а имѣю случай и выписывать, но боюсь ошибиться въ статьяхъ и подпасть гнѣву и смѣху Вас. Н. Бурновскаго. Дайте, братецъ, совѣтъ, какъ поступать, и нѣтъ-ли у васъ на примѣтѣ человѣка, который бы мнѣ въ семъ случаѣ руководителемъ былъ. Да опять какимъ образомъ переводить отсюда? Не бываютъ (ли?) изъ вашихъ мѣстъ здѣсь со скотомъ люди, то укажите какъ мнѣ ихъ сыскать и подайте наставленіе къ выпискѣ и памяткѣ жеребцовъ, какихъ именно передъ прочнѣе и полезнѣе доставить. Я не стою за деньги, да кажется и случай подъ руками. Заочно графъ подарилъ мнѣ жеребца. Онъ... мнѣ хвалили о его достоинствахъ, а братъ пишетъ, что нѣтъ порока. Но его бъ онъ не имѣлъ. П. Завадовскій.

P. S. Мое владѣніе возбудило противъ меня зависть во многихъ нашихъ землякахъ. За Мефедовку я могу вообразить ненависть судейскую, мало однакожъ мнѣ нужды. Превосходительный или вельможный [2]) враждуетъ на меня, онъ не чувствуетъ по гордости, что

[1]) М. Великій-Хуторъ—золотоношскаго уѣзда. Здѣсь въ 1769 г. поселены были Румянцевымъ колонисты изъ „Ромунскаго народа“. См. Черн. Губ. Вѣд. 1854 г., № 4.

[2]) Разумѣется генеральный судья Илья Журманъ, у котораго с. Мефедовка (новгородсѣверскаго уѣзда) находилась въ ранговомъ пользованіи.

титло свое настоящее долженъ онъ и на мою услугу нѣсколько относить; да я плюю на крики и на гнѣвъ всякаго, могутъ думать и толковать; но я чувствую, что въ стяженіи имѣнія современемъ мою умѣренность познаютъ. А если злобою дышатъ за одно сіе и то не за свое, то я прошу васъ, братецъ, дайте мнѣ знать, каковы суть Миклашевка и Бѣлоусовка и подручныя (ли) они къ хутору Драбову? Я слышу, что очѣ завидны. Расхвалили мнѣ Золотоношу и отъ меня зависѣло выпросить, но я съ письма помню ваши слова, что на весь вѣкъ приступятъ тяжбы. Однако жъ для переду скажите мнѣ мысль и о семъ мѣстечкѣ, что оно быть бы могло, если бы безхлопотно взять половину отъ тѣхъ, кои прихватили, ибо самъ Иваненко мнѣ говорилъ, что онъ своей земли радъ отдать половину, лишь бы другую оставить ему и есть что нибудь еще свободнаго.—Все сіе, братецъ, я пишу единственно въ откровенности съ вами, прошу сохраните мои мысли отъ всякаго пронизанья двугихъ и надѣюсь на вашу скромность. По прочтеніи, истребите сей листъ, который кажетъ вамъ мое противъ васъ расположеніе.

Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ, въ 1781 г. Малорусскіе образованные люди перестали удовлетворяться своими «латинскими школами» уже съ полов. XVIII в. Извѣстный своею образованностью генер. хоружій Н. Д. Ханенко отправивъ одного изъ своихъ сыновей въ кильскій университетъ, писалъ ему туда въ 1756 г.— «не можно ли тамъ достать какого добраго учители, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и завелъ гимназію, который здѣсь собравши учениковъ хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по три рубля въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинить ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся» [1]). Письмо это указываетъ, что и кромѣ Ханенка было не мало желающихъ замѣнить чѣмъ нибудь новымъ—старый строй средней школы... Затѣмъ, намъ извѣстно, что въ концѣ XVIII в., въ Глуховѣ, существовалъ уже пансіонъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, заведенный одною француженкою, женою поселившагося въ Глуховѣ отставнаго учителя французскаго языка «поручика» Делэянса [2]). Тогда же было предположеніе у другаго фран-

[1]) Опис. Стар. Малорос. I, 79.

[2]) Сулимовск. Арх., 137 и Списки Черниг. дворянъ 1783 г. (Черниговъ, 1890) стр. 105.

цуза, завести такой же пансіонъ и въ Ромнѣ. Объ этомъ предположеніи и говоритъ печатаемая здѣсь записка, найденная въ бумагахъ тоже одного изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ второй полов. XVIII в., Гр. Андр. Полетики (р. 1725 † 1784). Былъ ли открытъ пансіонъ француза Больё въ Ромнѣ—не знаемъ. **А. Л.**

Le sieur Beaulieu s'engage de se rendre à Romna pour y elever une pension de filles et garçons ou ils pourront apprendre les langues française, allemande, l'arithmetique, le dessein, la geographie, l'histoire, la mithologie, les bonnes moeurs etc.

A cet effet le dit s-r Beaulieu demande pour le faciliter à se rendre sur les lieux et acheter les choses necèssaires à cet établissement une avance de 400 roubles, qui lui seront rètenus sur les pensionnaires qu'il recevra chez lui, il ose d'autant plus se flatter de contenter les parents des dits enfants qui lui seront confiès, que lui et son fils, ont ètè dans des ètablissements, ou la propretè et le bon ordre y regnent et qu'ils en sont eux mêmes amateurs, chose bien essentielle.

Le fils du d-t s-r Beaulieu qui a été cinq ans au corps des nobles cadets de terre, avec beaucoup d'approbation et en dernier lieu cher m-r le genéral de Svistounow, gouverneur de Koursk, est actuellement au gimnase de Ckarkow, ainsi sur l'invitation de son père il pourra se rendre à Romna et y prendre les arrangements ulterieurs à ce sujet et en rendre compte à son dit père qui partirait pour s'y rendre, moyennant la dite somme susmentionnée. St. Peteusbourg, le neuf Iuin 1781—S'adresser—m-r Beaulieu et á m-r Urbain marchand, dans la maison de m-r le comte Cheremetoff, Grande Millionne, á Petersbourg.

NB. Que pour la somme demandée par avance le fils du d-t s-r Beaulieu s'en rendra caution [1]).

---

[1]) Г. Больё обязывается отправиться въ Ромны, чтобъ устроить тамъ пансіонъ для дѣвочекъ и мальчиковъ, гдѣ они могли бы обучаться французскому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію, географіи, исторіи, миѳологіи, благонравію и проч.

Въ виду чего помянутый г. Больё проситъ—чтобъ способствовать его отправленію въ тѣ мѣста и для закупки необходимыхъ для заведенія вещей—дать ему въ задатокъ 400 рублей, которые будутъ вычтены изъ платы за будущихъ пансіонеровъ. Кромѣ того онъ смѣетъ надѣяться удовлетворить родителей будущихъ своихъ воспитанниковъ тѣмъ, что онъ и его сынъ были въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ первое

Къ исторіи кіевскаго паломничества. Подлинникъ приводимаго здѣсь «листовнаго свидѣтельства» напечатанъ на обыкновенномъ листѣ сѣрой бумаги, церковнымъ шрифтомъ, съ пропускомъ мѣста для вписанія имени богомольца. Вверху листа помѣщены гравированныя изображенія: пресв. Тройцы и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ. Такія «свидѣтельства» лавра, какъ видно, выдавала паломникамъ при возвращеніи ихъ изъ Кіева на родину, какъ удостовѣреніе посѣщенія «Іерусалима россійскаго», при чемъ это свидѣтельство имѣло въ виду еще и облегчить паломнику его возвратный путь... Нѣтъ сомнѣнія, что полученіе «листовныхъ свидѣтельствъ» сопровождалось извѣстнымъ пожертвованіемъ со стороны паломника. Когда прекратилась выдача «свидѣтельствъ»—не знаемъ. Въ нашемъ собраніи письменной малорусской старины ихъ имѣется два, оба выданныя архимандритомъ Іосифомъ Оранскимъ (1748—1751 г.г.).

А. Л.

Изображеніе преподобнаго Антонія печерскаго.	**Изображеніе святой Тройцы.**	**Изображеніе преподобнаго Ѳеодосія печерскаго.**

Божею милостію святыя великія чудотворныя лавры печерскія кіевскія архимандритъ Іосифъ.

Авраамское тщащійся постигнути отъ Бога благословеніе авраамскому благопокорнымъ оусердіемъ оказатель писанія сего *слободского харковского полку мѣстечка Мерефи житель Тімоѳей Іосифовъ* послѣдова нраву, иже изшедъ изъ дому своего гласу благодати Выш-

---

мѣсто занимали чистота и порядокъ, что, разумѣется, они и сами будутъ преслѣдовать.

Сынъ упомянутаго г. Больё, бывшій пять лѣтъ (воспитателемъ?) въ кадетскомъ дворянскомъ сухопутномъ корпусѣ, заслужилъ тамъ особую похвалу, а затѣмъ (находился) и на послѣднемъ мѣстѣ у генерала Свистунова, курскаго губернатора, а теперь (находится) въ харьковской гимназіи; онъ могъ бы по приглашенію отца, поѣхать въ Ромны и тамъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по этому поводу, для сообщенія ихъ отцу, который по полученіи сказанной суммы и могъ бы отправиться въ Ромны. Іюня 4 дня, 1781 г.

него внутрь зовущу его, пріиде въ Богомъ показанную преподобныхъ отецъ печерскихъ землю Іерусалимъ россійскій гору, юже возлюби Богъ, наслѣдіе Богоматернее, и видѣвъ благодать Божію: нетлѣнныя преподобныхъ мощи, главы мироточивыя святыхъ, красная преподобныхъ селенія и походивъ по пещерамъ, руками святыхъ ископаннымъ и ногами утреннымъ, подобающую коемуждо тамо положенныхъ святыхъ съ вѣрою и любовію воздаде честь, себѣ же за труды не отемлемое преподобныхъ отецъ благословеніе и молитвы отъ дому Господня пріемь съ радостію духовною возвратися во свояси, славя дивнаго во святыхъ своихъ Бога, вся по желанію сердца его добрѣ устроившаго, и имѣетъ отъ насъ просимое о богоугодномъ своемъ дѣлѣ листовное свидѣтелство, еже всякъ чтущій же и слышащій, яко свободнаго оказателеви онаго путешествія да не возбраняетъ тако и страннолюбнаго, яко странному у себе имѣти молимъ да не отрицаетъ угощенія, вѣдый яко пріемый странника мзду и самъ страннческую пріиметъ и тогожде съ нимъ сподобится отъ Бога благословенія, якое получити всякому хотящему молитвеннѣ усердствуемъ.

Данъ во святой великой чудотворной лаврѣ Кіевопечерской, въ лѣто отъ созданія міра 7259, отъ воплощенія же Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1751, мѣсяца *мая 24* дня.

Вышшейменованній Печать монастира печерского Успенія пресвятыя Богородицы. *архімандритъ.*

Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. I. *Военное населеніе г. Карпова въ 1652 г.* Въ 1646 году правительство царя Алексѣя обратило вниманіе на заселеніе военнымъ людомъ города Карпова (нынѣ село курской губерніи бѣлгородскаго уѣзда). Памятникомъ этого вниманія дошла до насъ карповская десятня отъ 30 мая 1652 года, составленная мѣстнымъ воеводою Иваномъ Тимоѳ. Фустовымъ да подъячимъ Матвѣемъ Львовымъ по грамотѣ изъ Москвы за приписью дьяка Ивана Сѣверова. Воевода роздалъ денежное жалованье «карповцомъ *дѣтемъ боярскимъ* (значитъ «выбора» въ Карповѣ не оказалось), и драгуномъ, и козакомъ, и стрѣльцомъ пѣшимъ, и пушкаремъ, и воротникомъ и кузнецомъ». Дѣти боярскіе и конные козаки получили по три руб.; драгуны—по

четыре рубля; стрѣльцы, пушкари, воротники и кузнецы—по два руб. Всѣмъ роздано было жалованье съ поруками, что «имъ тѣмъ г-вымъ жалованьемъ въ Карповѣ на вѣчное житье строитца и указные свои земли пахать и хлѣбъ сѣять, и съ Карпова не съѣзжать, и никакимъ воровствомъ не воровать, и г-ва ц-ва.... служба служить и отъ татарскіе войны и ото всякихъ воинскихъ людей г-вы украины оберегать, а для службы дѣтемъ боярскимъ, и драгуномъ, и козакомъ держати у себя лошади и ружье доброе». На жалованье было прислано изъ Москвы съ подъячимъ разряднаго приказа М. Львовымъ 3438 руб. Нѣкоторые *дѣти боярскіе* получили указное жалованье на Москвѣ (напр. И. И. Ушаковъ, по которомъ ручались въ службѣ и въ деньгахъ драгуны (л. 2., С. Р. Кистеневъ). I. Составъ *дѣтей боярскихъ* представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) Дворовые—двое (И. И. Ушаковъ и П. К. Нелюбовъ съ помѣстн. оклад. въ 400 и 350 четв.).

2) Городовые—одинъ съ пом. окл. въ 400 чет., одинъ съ пом. окл. въ 350 чет., одинъ съ пом. окл. въ 300 чет., четыре съ помѣст. окл. въ 250 чет., четыре съ помѣст. окл. въ 200 чет., тридцать два съ помѣстн. окл. въ 150 чет., двадцать три съ помѣст. оклад. въ 100 чет., четверо съ пом. окладомъ въ 70 чет., а всего съ пом. окл. отъ 400 до 70 четв. 70 человѣкъ.

3) Новики 158 года—тридцать три съ помѣст. оклад. въ 150 четв., десять съ пом. окл. въ 100 четв.

4) Новики 159 года—одинъ съ пом. окл. въ 150 чет., одинъ съ пом. окл. въ 100 чет.

5) Новики 160 года—трое съ пом. окл. въ 150 чет., одинъ съ пом. окл. въ 100 чет.

6) Безъ окладовъ—четверо.

7) Неверстанные—десять.

Итого, *дѣтей боярскихъ* въ Карповѣ поселилось ***135 челов.*** Десятня ничего не говоритъ о ихъ земельныхъ дачахъ, перечисляя лишь ихъ дѣтей и родню мужескаго пола да описывая вооруженіе каждаго сына боярскаго (л. л. 2—18). Вооруженіе обыкновенно такое: «на меринѣ, съ пищалью, съ саблею», или «на конѣ, съ карабиномъ, съ саблею», или «на конѣ, въ саадакѣ, съ саблею», или «на меринѣ, съ пищалью, съ топоркомъ». У немногихъ изъ 135 человѣкъ служили и сыновья съ 14—20 лѣтъ (съ своею пищалью или съ рогатиною). Но никто изъ карповцевъ дѣтей боярскихъ не выводилъ съ собой на службу своихъ людей.

II. *Драгуны* съ казенными пищальми и шпагами на меринахъ и меринкахъ служили конную службу съ карповцами дѣтьми боярскими въ такомъ составѣ:

1) Ивашкова капранства Сѣркина 24 чел. (порука въ деньгахъ и въ службѣ капранствомъ своимъ сами межъ себя, другъ по другѣ).

2) Тимоѳеева капранства Сабельникова.	24	чел.
3) Кудинкова капранства Еремина.	23	чел.
4) Семенова капранства Звегинцова.	25	чел.
5) Ларкова капранства Лапина.	23	чел.
6) Никифоркова капранства Кубенцова.	23	чел.
7) Ивашкова капранства Стародубцева	24	чел.
8) Воинкова капранства Васильева.	23	чел.
9) Аѳимова капранства Дунцова.	19	чел.
10) Гаврилкова капранства Демина	21	чел.
11) Васькова капранства Нефедова.	23	чел.
12) Васькова капранства Суровцева.	21	чел.
13) Васькова капранства Рожкова.	24	чел.
14) Алешкина капранства Бобренева.	18	чел.
15) Гаврилова капранства Блудова.	21	чел.

Итого, въ 15 капральствахъ *336 драгунъ*.

III. *Козаки* (среди нихъ упоминаются пятидесятники и десятники)—въ числѣ *208* челов. (порука по нихъ въ службѣ и въ деньгахъ каждый пятидесятникъ «своею *пятиною* сами межъ себя другъ по другѣ»).

IV. *Стрѣльцы*[1]) пѣшіе съ казенными пищальми (среди нихъ десятники и пятидесятники)—въ числѣ *374* челов.

V. *Пушкари*—въ числѣ 41 чел., *воротники*—въ числѣ 4 чел. и кузнецы—въ числѣ 3 чел.

Таковъ былъ составъ военнаго люда города Карпова въ 1652 году.

Всего было 1101 челов. (роздано имъ 3217 рубл.).

Въ особой рубрикѣ перечислены всѣ такъ или иначе переставшіе служить въ Карповѣ (съ л. 71); двое дѣтей боярскихъ прямо бѣжало со службы. Такихъ исчезнувшихъ изъ Карпова оказалось 59 человѣкъ.

Въ томъ же 1652 г. въ г. Карповъ явилось 13 *нововыѣзжихъ черкасъ*, которымъ согласно отпискѣ яблоновскаго воеводы князя Григорія Семеновича Куракина дано было 94 руб.

---

[1]) Съ отмѣтками: „холостъ“, „дѣтей нѣтъ“, „одинокъ“.

Неполучившіе жалованья по разнымъ причинамъ во время били челомъ 28 іюля 1652 г.; имъ дано было жалованье изъ остаточныхъ денегъ (44 чел.).

Отсюда цифра военнаго населенія г. Карпова достигаетъ *1158* человѣкъ.

Нельзя умолчать о нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣдѣніяхъ, которыя встрѣчаемъ относительно бившихъ челомъ о жалованьѣ 28 іюля. Сынъ боярскій М. П. Мориновъ въ своей челобитной писалъ, что онъ въ 159 году «по г-ву указу сосланъ въ Карпово изъ Новосили съ женою и съ дѣтьми на вѣчное житье». Дѣти боярскіе новики 160 года 31 чел. подали въ Приказной Избѣ воеводѣ И. Т. Фустову челобитную, въ которой писали: «въ нынѣшн. въ 160 году верстали ихъ въ Карповѣ воеводы Яковъ Хитрой (въ дес. при раздачѣ жалованья *не* упоминается) да Иванъ Фустовъ изъ дѣтей боярскихъ и изъ *вольныхъ людей* и карповскихъ стрѣльцовъ и козаковъ дѣти, и братья, и племянники отъ большихъ семей не изъ службъ, и землями испомѣстили и сѣнными покосы и всякими угодьи ихъ устроили». Это любопытное свидѣтельство, что въ дѣти боярскіе верстали изъ вольныхъ людей и изъ неслужилыхъ стрѣлецкихъ и казачьихъ дѣтей. отъ большихъ семей. Бѣгство служилыхъ людей изъ Карпова объясняется отчасти ихъ обѣдненіемъ. Такъ въ челобитной стрѣльцовъ, мценскихъ сведенцовъ, читаемъ: «сведены изо Мценска въ Карпово на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми и г-во жалованье и на дворовое строенье имъ дано и, будучи они въ Карповѣ, обѣдняли и съ прошлаго съ *157 году* съ бѣдности изъ Карпова сошли на Ефремовъ»; однако «въ 159 г. по г-ву указу съ Тулы окольничей и воевода князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ, сыскавъ ихъ, съ Ефремова выслалъ въ Карпово на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми» [1]).

(М. А. М-Ю. д. д. № $\frac{\text{нов. } 187}{\text{ст. } 461}$ на 79 листахъ).

II. Военное населеніе г. Курска. Другой документъ, именно разборная и раздаточная десятня 1642 года рисуетъ намъ составъ военной дворянской силы города Курска. Во введеніи къ ней читаемъ.

[1]) Въ десятнѣ 1649 г. (№ 190 л. 36) упоминается галицкій помѣщикъ Т. Я. Дивовъ, служившій по дворовому списку и по городу Можайску; о немъ замѣчено: „съ городомъ служитъ мало, былъ въ Карповѣ сторожевье до отпуску, ѣздитъ по приказомъ, а нынѣ на приказѣ въ Стародубѣ Воцкомъ". Далѣе на л. 88 о немъ же читаемъ: „въ стародубскихъ селѣхъ на приказѣ..... а во 154 году по г-вѣ грамотѣ въ Карповѣ валъ валилъ и ровъ копалъ". Вообще служба въ Карповѣ упоминается лишь со 154 г. см. № 190 л. 90 (Карпово сторожевье), л. 92 об.

Роздать «денежное жалованье курчаномъ тремъ человѣкомъ выборнымъ и дѣтемъ боярскимъ дворовымъ и городовымъ и новикомъ на 150 годъ по списку, каковъ списокъ присланъ съ Москвы за дьячьею приписью, и по окладчиковѣ сказкѣ, у которыхъ дѣтей боярскихъ въ прошломъ во 149 году отъ татарскіе войны помѣстья ихъ разорены и которые дѣти боярскіе на татарскомъ бою съ головою съ Иваномъ Бунинымъ были, а съ татарскаго бою не побѣжали и отъ татаръ съ головою съ Иваномъ Бунинымъ вмѣстѣ на степи отстоялись; и которые дѣти боярскіе на томъ же бою татарскомъ побиты и въ полонъ поиманы и которые побиты на бою жъ въ черкаскую измѣну, какъ курскіе черкасы во 149 г. государю измѣнили, побѣжали въ Литву, а послѣ тѣхъ всѣхъ побитыхъ остались дѣти, а въ службу поспѣли,—и тѣмъ дано государево денежное жалованье по 10 рублевъ. А у которыхъ дѣтей боярскихъ въ прошломъ во 149 году татарскіе войны не было, а помѣстья за ними и крестьяне и бобыли есть, и тѣмъ г-во ден. жалованье дано по пяти рублевъ; а за которыми дѣтьми боярскими крестьянъ и бобылей нѣтъ, и тѣмъ дано по 6 рублевъ. А за которыми дѣтьми боярскими помѣстей нѣтъ, и тѣмъ г-во жалованье дано по 7 рублевъ. А которые дѣти боярскіе въ прошломъ же во 149 году въ татарскую войну и въ черкаскую измѣну побиты и въ полонъ поиманы, а послѣ ихъ остались жены и дѣти малы, а въ службу дѣти не поспѣли, и тѣмъ дано по 8 рублевъ на семью. А у которыхъ дѣтей боярскихъ женъ и дѣтей не осталось, а осталось у ково мать вдова, или братъ не въ службѣ, или сестра вдова или дѣвка, и тѣмъ дано по 5 руб. А которымъ курчаномъ дѣтемъ боярскимъ 50 человѣкомъ нынѣшняго лѣта мая съ 1 числа велѣно быть на государевѣ службѣ на Хотмышскомъ, а на передъ сего во 150 же году для Хотмышскіе службы дано г-во ден. жалованье по 6 рублевъ, и тѣмъ г-во жалованье къ прежней ихъ дачѣ для Хотмышскіе службы дано по 4 руб. человѣку». Таковы были статьи, сообразно съ которыми предписано было послѣ предварительнаго разбора раздать денежное жалованье.

Дворянъ (т. е. служившихъ «по выбору») въ Курскѣ было только *четверо* (В. А. и М. А. Анненковы, П. И. Анненковъ и К. Б. Виденьевъ) съ помѣстными окладами въ 700, 650, 600 и 450 четв. и съ помѣстными дачами въ 700 [1]), $615^1/_2$, 310 и 230 четв. да съ 30, 20, 19 и 10 крестьянскими и бобыльскими дворами. Изъ нихъ одинъ

[1]) Предположительно; остальныя три цифры вполнѣ точны.

былъ впервые написанъ «по выбору» за службу и по родству, другой—только за службу (л. л. 7 и 8); одному была придача къ помѣстному и денежному окладу «за черкаскій бой и за убитые мужики». Эти четверо были самые богатые въ Курскѣ, выводившіе съ собою на службу по нѣскольку человѣкъ. Такъ В. А. Анненковъ (л. 5) выводилъ за собою *«въ полкъ* два человѣка на конѣхъ съ пищальми, да человѣка на меринѣ съ простымъ конемъ, да человѣка *въ кошъ* съ пищалью».

Дѣтей боярскихъ дворовыхъ оказалось *19* человѣкъ съ помѣстными окладами отъ 550 до 250 четвертей; нѣкоторые безъ крестьянъ и бобылей, двое совсѣмъ безъ помѣстей, а одинъ съ помѣстной дачей въ 9 четей. Упоминаются придачи нѣкоторымъ за бой и за убитые мужики.

Дѣтей боярскихъ городовыхъ перечислено *731* чел. съ помѣстными окладами отъ 500 до 70 чет. Безпомѣстныхъ среди этой массы курскихъ дѣтей боярскихъ было самое незначительное количество, за то безусловно подавляющее большинство не имѣло вовсе крестьянъ и бобылей. Помѣстныя дачи вертятся около цифръ 50, 70, 100 четв. Что касается курскихъ новиковъ, то составъ ихъ рисуется въ десятнѣ Г. Г. Образцова въ слѣдующихъ цифрахъ.

Новики верстанья Ивана Бутурлина 147 года—въ числѣ *202* челов. съ помѣстными окладами отъ 200 до 70 чет.

Новики верстанья на Москвѣ въ Разрядѣ 150 года—въ числѣ *9* челов. съ помѣстн. окладами отъ 250 до 70 четв.

Во всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ разрядахъ курскаго городоваго дворянства владѣніе помѣстьемъ «вопче» съ братьями встрѣчается не болѣе трехъ-четырехъ разъ (см., напр., л. 161 при дачѣ въ 50 чет.).

Далѣе слѣдуетъ особая рубрика (л. 419) *курчанъ дѣтей боярскихъ* по смотрѣнному списку стольника Г. Г. Образцова написанныхъ въ списокъ съ помѣстными окладами, а на Москвѣ въ Разрядѣ въ курскихъ десятняхъ и въ подлинныхъ спискахъ не сысканныхъ. Отсюда строгій допросъ окладчиковъ о такихъ лицахъ и запись ихъ въ десятнѣ подъ особою рубрикою. Такихъ оказалось *29* человѣкъ. Къ указанной рубрикѣ, повидимому, надо относить еще (л. 442) *12* человѣкъ новиковъ 144 г. верстанья въ Курскѣ Нефталима Тимашева. Новая рубрика начинается перечисленіемъ курчанъ *дѣтей боярскихъ*, верстанныхъ въ разныхъ годахъ, а въ московскомъ разрядномъ спискѣ записанныхъ въ числѣ неверстанныхъ. Ихъ насчитывается (съ л. 448) *21* челов.

Далѣе (съ л. 468) читаемъ перечисленіе *12* челов. *дѣтей боярскихъ*, о которыхъ велѣно было всѣмъ городомъ и окладчиками сыскать, когда и кѣмъ они были верстаны помѣстными и денежными окладами. Изъ числа 12 указанныхъ дѣтей боярскихъ четверо бились подъ Смоленскомъ въ солдатахъ (получили придачу къ окладамъ) и большинство оказалось поверстаннымъ на Москвѣ.

Подъ особою рубрикою записано въ десятнѣ съ помѣстными и денежными окладами *четверо* челов. дѣтей боярскихъ вслѣдствіе особой грамоты изъ Разряда (л. 482) отъ 15 іюня 150 г., да *одинъ*— по грамотѣ 30 іюня того же года.

Прописныхъ (т. е. пропущенныхъ въ московскомъ разрядномъ спискѣ) курчанъ дѣтей боярскихъ (л. 487) перечислено *66* человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ служили въ солдатахъ подъ Смоленскомъ и многіе поверстаны на Москвѣ, одинъ въ Орлѣ, одинъ въ Рыльскѣ и нѣсколько человѣкъ въ Курскѣ.

Неверстанныхъ, написанныхъ въ московскомъ разрядномъ спискѣ безъ окладовъ и служащихъ въ рядъ съ курчанами съ отцовскихъ помѣстей оказалось *20* челов. (л. 567).

Согласно наказу, выдано было также денежное жалованье (л. 583 и слѣд.) матерямъ вдовамъ, женамъ и дѣтямъ побитыхъ въ татарскомъ и черкаскомъ бояхъ *35* чел. курчанъ дѣтей боярскихъ.

Нѣсколько человѣкъ дѣтей боярскихъ (именно *33*) совсѣмъ не объявилось у денежной раздачи, «а окладчики про нихъ сказали, не знаютъ». Впрочемъ, встрѣчаются въ этой рубрикѣ и особыя отмѣтки, напр.: «такова въ Курску нѣтъ» (л. 612 об.), «окладчики сказали на Чугуевѣ въ Съѣзжей Избѣ въ дьячкѣхъ» (л. 613 об.).

Наконецъ (л. 614 об.) послѣдняя рубрика перечисляетъ дѣтей умершихъ, побитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ (16 чел.) и отъ татарской войны изъ Курска сшедшихъ въ разные города (18 чел.; сошли на Хотмынь, Орелъ, Рыльскъ, Вольное, Чугуевъ, Корочу, Яблоновъ, въ московскіе стрѣльцы).

Такимъ образомъ наличный составъ военной дворянской силы по Курску въ авг. 1642 года равнялся 1130 чел. [1]). Денегъ на жалованье вышло 7315 рублей. На послѣднихъ листахъ встрѣчаются отмѣтки, относящіяся къ 150, 151 и 152 г.г.

(М. А. М. Ю. д. д. № $\frac{\text{нов. } 188}{\text{ст. } 462}$ на 625 листахъ). Сообщ. **В. Н. Сторожевъ.**

[1]) Итогъ десятни на л. 621 показываетъ 1139 чел., что можетъ быть вѣрнѣе, ибо при счетѣ мы легко могли ошибиться.

Урны съ жженными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. Въ лубенскомъ музеѣ Е. Н. Скаржинской, при посредничествѣ студента дерптскаго ветеринарнаго института С. Г. Кирьякова, получена въ даръ отъ Н. А. Казимира случайно выкопанная въ его имѣніи с. Яноуцахъ хотинск. у., на водораздѣлѣ между Днѣстромъ и Прутомъ, глиняная урна съ жженными человѣческими костями. Урна изъ весьма маркой глины пепельно-сѣраго цвѣта имѣетъ форму обыкновеннаго кувшина до двухъ четвертей высоты съ выпуклыми боками, неширокимъ горломъ и одной ручкой, довольно стройная, сдѣлана правильно на кругѣ. На ней незначительный, но довольно характерный орнаментъ: вокругъ вѣнца три параллельныя узкія желобовидныя полоски и тисненая полоса въ два пальца ширины, проведенная вдоль по наружной сторонѣ ручки. Полоса эта составлена изъ двухъ смежныхъ параллельныхъ желобовидныхъ углубленій, образованныхъ движеніемъ по мягкой глинѣ двухъ рядомъ сложенныхъ перстовъ, отчего вдоль средины полосы получилось незначительно возвышающееся ребро, придающее ей пріятный двугранный видъ. Между содержащимися въ урнѣ жженными костями не оказалось никакихъ предметовъ.

По разсказу г. Кирьякова, подобныя урны съ такимъ же содержимымъ встрѣчаемы были неоднократно въ опредѣленномъ раіонѣ на полѣ г. Казимира. Надъ ними никакихъ возвышеній не замѣчается, зарыты онѣ не глубоко, такъ что часто разрушаются плугомъ, и поле, гдѣ онѣ встрѣчаются, усѣяно черепками на значительномъ пространствѣ. Собранные г. Кирьяковымъ для лубенскаго музея черепки принадлежатъ сосудамъ различной величины, качества и цвѣта; изрѣдка попадаются и съ тисненымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ волнистыхъ линій, параллельныхъ полосокъ и ямочекъ. На многихъ толстыхъ красныхъ черепкахъ находятся небольшія, но прочныя ушки съ поперечными отверстіями въ карандашъ—въ палецъ величиною, какъ бы для продѣванія въ нихъ веревочки. Ушки эти были расположены, повидимому, на выпуклыхъ бокахъ сосудовъ. Между черепками попадаются плоскіе, обитые кремни, ошлифованные камни, кости животныхъ, какъ кухонные остатки, между прочимъ, кости свиньи.

Въ томъ же имѣніи г. Казимира находится нѣсколько древнихъ могильниковъ: одинъ приблизительно въ 100 кургановъ, другой въ 150, третій въ 200; есть и отдѣльно разбросанные курганы, въ

числѣ которыхъ одинъ значительной величины. Пробная раскопка одного изъ небольшихъ обнаружила кострище.

При находкѣ вышеописанной урны, нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ было сообщено, что въ хотинскомъ уѣздѣ и въ настоящее время дѣтское мѣсто а также и мертворожденныхъ младенцевъ зарываютъ обыкновенно въ горшкахъ. **Ѳ. К.**

Суботовская церковь.

(Къ рисунку).

Верстахъ въ 8-ми выше г. Чигирина по Тясмину живописно раскинулись бѣлыя хаты на вершинѣ, по склону и у подошвы гористаго праваго берега рѣки. Это село Суботовъ. Небольшой хуторъ Богдана Хмельницкаго, имъ же самимъ заселенный, разросся теперь въ большое село. Извѣстно историческое значеніе этого села: личная вражда, возгорѣвшаяся изъ за него между Богданомъ и подстаростой чигиринскимъ Чаплинскимъ, послужила началомъ борьбы двухъ народовъ. Въ центрѣ села на возвышенномъ мѣстѣ находится каменная церковь, построенная Богданомъ въ 1651—3 гг., она изображена на прилагаемомъ рисункѣ Шевченка. Церковь во имя пророка Иліи; мѣсто занимаемое ею составляло часть усадьбы Богдана Хмельницкаго, который устроилъ свой дворъ такъ, какъ вообще устраивали дворы вельможи того времени: укрѣпилъ усадьбу рядомъ валовъ и рвовъ, построилъ каменный домъ и вблизи него домовую церковь. Размѣры церкви подтверждаютъ ея назначеніе: по измѣренію Бантыша-Каменскаго вышина главнаго фасада восемь саж., длина церкви тридцать два аршина, ширина шестнадцать; принимая во вниманіе, что стѣны церкви очень широки—отъ $2^1/_2$ до 3-хъ арш., внутренность получится очень незначительная. Кромѣ этой церкви, въ Суботовѣ всегда была другая приходская въ честь Архистратига Михаила.

Богданъ Хмельницкій былъ погребенъ, согласно его желанію, въ выстроенной имъ церкви; ненависть нашла его и въ землѣ: Чарнецкій наругался надъ его прахомъ.

Въ послѣдующее затѣмъ время мало кѣмъ поддерживаемая Богданова церковь приходила все больше и больше въ упадокъ, сначала она служила приходскою для половины жителей с. Суботова; въ 1820 г. отнесена къ кладбищнымъ церквамъ и приписана къ приходской Михайловской.

Отъ времени не только деревянныя части церкви пришли въ ветхость, но и каменный сводъ далъ поперечныя трещины; въ такомъ незавидномъ положеніи ее и изобразилъ Шевченко. Но, несмотря на это, церковь была еще довольно крѣпка. Такъ было до 1851 года. Въ этомъ году мѣсто священника въ Суботовѣ занялъ о. Романъ Орловскій, который, сознавая всю важность сохраненія такого памятника, какъ Суботовская церковь, энергично взялся за дѣло возобновленія церкви. Очень интересна исторія этого дѣла, какъ характеристика отношенія нашего общества къ памятникамъ родной старины. Заслуживающія полнаго уваженія стремленія о. Романа Орловскаго встрѣтили главнымъ образомъ препятствія со стороны палаты государственныхъ имуществъ, которая предназначила церковь къ разборкѣ; къ счастью этого не случилось, но дѣло съ 1852 тянулось до 1862 г., нѣсколько разъ въ Суботовъ пріѣзжали инженеры, осматривали церковь, одинъ разъ находили ее непригодной къ реставраціи, въ другой, что исправленіе возможно и т. п.; наконецъ съ 1862 г. дѣло приняло благопріятный ходъ и возобновленная Богданова церковь была освящена 30 сентября 1869 г.

Несомнѣнно заслуга о. Романа Орловскаго очень велика. Начавъ дѣло, несмотря на неблагопріятныя условія, онъ довелъ его до конца; помимо поддержанія церкви, о. Орловскій хотѣлъ, чтобы былъ сохраненъ первоначальный видъ ея, для этой цѣли онъ снесся съ М. А. Максимовичемъ, прося у него рисунка церкви; вотъ отвѣтное письмо Максимовича, которое мы приводимъ съ разрѣшенія о. Орловскаго: „Не разъ порывался я къ вамъ туда, да нѣтъ возможности оторваться надолго изъ дому, а хотѣлось бы очень посѣтить тотъ прекрасный уголокъ Украины и васъ. Рисунокъ суботовской церкви находится въ Исторіи Малороссіи Бантыша-Каменскаго *второго* изданія, которой у меня здѣсь нѣтъ, а изъ Кіева еще не

получилъ. Вы сами легко можете достать его изъ Кіева; но при обновленіи надо придержаться точь вточь рисунка и если старый фундаментъ и стѣны еще довольно крѣпки, то отнюдь не разбирать ихъ, а только подновить. Это святыня украинскаго народа. Въ 1839 г., когда Иннокентій ѣздилъ осматривать епархію (а я тогда лежалъ больной), я просилъ его отслужить панихиду по Богданѣ Хмельницкомъ, и онъ, воротясь въ Кіевъ, говорилъ мнѣ, что исполнилъ мое желаніе. Отслужите же и вы 15 августа (1859)... М. М.“

При возобновленіи древній видъ церкви не нарушенъ, только деревянный куполъ перенесенъ на алтарную часть; вмѣсто деревянной колокольни выстроена каменная и соединена съ церковью каменнымъ же корридоромъ. Итакъ, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ памятниковъ сохраненъ еще на многіе годы.

Н. Б.

Библіографія.

Tadeusz Ierzy Stecki. Z boru i stepu Obrazy i pamiątki (Kraków, 1888). Стр. IV † 342.

Настоящій посмертный трудъ Тадеуша Стецкаго († 14 авг. 1888 г.) посвященъ той же области, которой принадлежатъ лучшія работы покойнаго,—стародавней, богатой историческими забытками Волыни. Еще въ 1864 г. вышелъ первый томъ его «Волыни въ статистическомъ, историческомъ и археологическомъ отношеніи», въ 1871 г.—второй томъ. Пять лѣтъ спустя Стецкій выпускаетъ монографію Луцка (Luck starożytny i dzisiejszy. Monografia historyczna. Kraków, 1876). Одновременно съ этими болѣе крупными работами своими, Стецкій печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ небольшіе очерки другихъ мѣстностей Волыни, игравшихъ роль въ свою пору: Берестечка, Волочищъ, Киселина, Козина, Ляховецъ, Овруча и т. д., при чемъ съ особенною любовью и вниманіемъ останавливался на судьбахъ мѣстныхъ землянскихъ и шляхетскихъ родовъ. Эти кропотливыя и утомительныя изслѣдованія облегчались для Стецкаго благодаря его связямъ съ мѣстнымъ дворянствомъ и возможности утилизировать семейные архивы, обыкновенно недоступные. Сообщеніе нѣкоторыхъ матеріаловъ изъ этихъ архивовъ или указаніе на содержаніе ихъ составляетъ немаловажную, если не главную, заслугу покойнаго въ исторической литературѣ. Такъ какъ волынскіе урядовые акты хранятся въ Кіевѣ, то въ этомъ отношеніи Стецкій пользовался лишь случайными копіями и матеріалами, уже изданными, что до извѣстной степени неблагопріятно отразилось на характерѣ его работъ. Факты внѣшняго свойства—генеологическія подробности, переходы имѣній изъ рукъ въ руки—представляютъ интересъ отнюдь не сами по себѣ, а лишь въ связи съ данными, болѣе

вразумительно рисующими экономію жизни народа,—между тѣмъ для данныхъ послѣдняго разряда остается весьма мало мѣста въ трудахъ Стецкаго. Должно сказать, впрочемъ, что покойный и не ставилъ себѣ задачъ, которыхъ не могъ разрѣшить удовлетворительно по свойству доступныхъ ему матеріаловъ. Онъ писалъ, если можно такъ выразиться, въ простотѣ душевной. Все, что можно было въ данный моментъ собрать объ извѣстной мѣстности, онъ сводилъ добросовѣстно въ картинку, связывалъ эти отдѣльныя картинки внѣшнимъ образомъ и предлагалъ читателю родъ христоматіи или словаря, лишеннаго строго-систематическаго порядка. Общей, критически разработанной исторіи любезнаго ему края Стецкій не далъ и не обѣщалъ дать, такъ какъ онъ не былъ историкомъ въ собственномъ смыслѣ,—работа подобнаго характера, въ виду неподготовленности всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, оказывается непосильною даже для лицъ, несравненно лучше Стецкаго вооруженныхъ въ научномъ смыслѣ.

Въ то время, какъ два тома «Волыни» имѣли цѣлью дать читателю общее понятіе о краѣ, настоящій посмертный трудъ посвященъ небольшой части этого края, главнымъ образомъ нын. ровенскому уѣзду, съ которымъ Стецкій былъ знакомъ лучше всего по своимъ семейнымъ отношеніямъ. Манера изложенія автора остается неизмѣнною на всемъ протяженіи книги: избѣгая общихъ очерковъ и общихъ историческихъ заключеній, онъ переходитъ изъ села въ село, изъ мѣстечка въ мѣстечко, знакомится съ мѣстными литературными и письменными памятниками, разскажетъ читателю генеалогію владѣльцевъ, припомнитъ какой-либо выдающіися случай въ жизни панской семьи, опишетъ панскій палацъ, иногда укажетъ на какое-либо забытое городище или курганъ, сдѣлаетъ выдержку изъ люстраціи,—и спѣшитъ далѣе. На первый взглядъ получается впечатлѣніе пестрое и до крайности разбросанное, но и среди этихъ внѣшнимъ образомъ сведенныхъ матеріаловъ читающему удается найти подробности не лишенныя интереса. Стецкій, какъ авторъ, отличается симпатичною особенностью: онъ не подбираетъ факты предумышленно, ничего не желаетъ вуалировать или подкрашивать, и потому въ его книгѣ промелькнетъ изрѣдка нѣсколько указаній, превосходно характеризующихъ внутреннюю жизнь излюбленной имъ шляхты и подданнаго люда. Особенность и важное преимущество экономической исторіи заключаются въ томъ, что сокровеннѣйшія черты національной натуры сказываются здѣсь въ неподкрашенномъ,

голомъ видѣ. И дѣйствительно, гдѣ Стецкій затронетъ эту сторону жизни шляхетства, тамъ всплываютъ наружу яркіе контрасты: внѣшній блескъ и жалкая задолженность, широкій розмахъ можновладской тароватости и неблаговидныя, чисто плутовскія продѣлки для прикапливанья добра, богатство магнатовъ и убожество поселянъ и горожанъ, разливное море сверху и еврей-ростовщикъ рядомъ, клязничесво шляхты и грабительскія ея наклонности,—все это сохраняетъ у Стецкаго свой колоритъ, благодаря усвоенной имъ эпизодической, безпритязательной манерѣ изложенія.

Изъ болѣе крупныхъ и цѣльныхъ монографій, соединенныхъ внѣшнимъ образомъ въ книгѣ Стецкаго, можно указать на очеркъ Ровно, Межирича-Корецкаго, Пересопницы, Клевани, Дубровицы и Степани. Правда, поиски автора на полѣ стародавней исторіи былыхъ княжескихъ удѣловъ на Волыни не отличаются большою глубиною,—чаще всего авторъ ограничивается Карамзинымъ и Максимовичемъ, но для обычнаго читателя и такая сводка матеріаловъ явится настоящимъ откровеніемъ. Кромѣ того, слѣдя за линіями владѣльцевъ и переходами имѣній изъ рукъ въ руки, Стецкій нерѣдко извлекаетъ изъ семейныхъ архивовъ неизвѣстные еще документы и приводитъ ихъ in extenso, впрочемъ, въ польской транскрипціи. Что касается литературныхъ указаній, то Стецкій отличается въ этомъ отношеніи чрезмѣрною скудостью: почти всѣ новѣйшія русскія изслѣдованія по исторіи и археологіи Волыни ему не извѣстны, онъ даже не знаетъ объ описаніи пересопницкаго евангелія П. И. Житецкаго и недоумѣваетъ, что сталось съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ южнорусской рѣчи (стр. 181). Въ книгѣ изрѣдка встрѣчаются упоминанія о народныхъ обычаяхъ на Волыни, напр. бросаніе незамужнихъ дѣвушекъ въ воду въ пасхальный понедѣльникъ въ Басовомъ-Кутѣ (стр. 68); записано нѣсколько преданій, напр. о невирковскихъ церковныхъ трубахъ (стр. 130), на нашъ взглядъ, происхожденія отнюдь не народнаго; приведены нѣкоторыя народныя суевѣрія, выразившіяся, напр., въ убійствѣ бабы-чародѣйки изъ подъ Олыки, наславшей моръ на односельчанъ (стр. 200), но все это случайно, мимоходомъ. Спеціалистъ можетъ извлечь изъ книги Стецкаго развѣ случайныя полезныя справки, всякій же любознательный человѣкъ прочтетъ книгу не безъ интереса, какъ писанную легкимъ языкомъ о предметѣ, который интересенъ самъ по себѣ. Поэтому, быть можетъ, не слѣдуетъ сожалѣть, что Стецкій мало внесъ въ свое изложеніе данныхъ изъ люстрацій, хотя ему были извѣстны изданія г. Ал.

Яблоновскаго, касающіяся Волыни (Zródla dzeijowe, t. V и VI); съ другой стороны, любителя легкаго чтенія, конечно, не мало позабавятъ нѣкоторыя соображенія Стецкаго по части славянской филологіи и миѳологіи, какъ напр. производство имени с. Хотина отъ славянскаго *хоть*, какъ доказательство, что село названо такъ по воспоминанію о какомъ-то романтическомъ случаѣ (стр. 309), открытіе какихъ неслыханныхъ славянскихъ богинь, въ родѣ, Бабы, Быстрицы, и т. п. Повторяемъ, трудъ Стецкаго—не ученый трудъ въ строгомъ смыслѣ слова: это сводка случайныхъ поисковъ любознательнаго туриста, умѣющаго цѣнить важность историческихъ изученій и стремящагося принести посильную пользу дѣлу этихъ изученій.

Н. М.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества т. 2-й. Харьковъ 1890 г.

Являясь органомъ названнаго ученаго общества, «Сборникъ» имѣетъ и соотвѣтственное содержаніе: въ него входятъ «Отчеты (или вѣрнѣе отчетъ) о засѣданіяхъ историко-филологическаго общества», составленные секретаремъ общества проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ за время съ января 1889 г. по апрѣль 1890 г., т. е. почти за $1^1/_2$ года, и матеріалы по исторіи и этнографіи. Историко-филологическое общество при харьковскомъ университетѣ возникло въ 1876 г. и въ отчетномъ году вступило въ 14-й годъ своего существованія; число членовъ его въ отчетѣ не обозначено; въ полуторагодичный промежутокъ времени общество имѣло 14 засѣданій, въ которыхъ прочтено 24 реферата; въ предшествовавшемъ $18^{88}/_{89}$ г. было 9 засѣданій, въ которыхъ прочтено 12 докладовъ. Прочтенные рефераты можно такъ распредѣлить по ихъ содержанію: по археографіи и археологіи—3; по этнографіи—5, по исторіи древняго быта славянъ—1, по исторіи раскола—4; по исторіи землевладѣнія—1; по исторіи литературы—4, по философіи—1, по исторіи искусства—1, по исторіи просвѣщенія—1 и некрологовъ—3. Наибольшее число рефератовъ сдѣлано проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ и Д. И. Багалѣемъ, которые принимали участіе сверхъ того въ дебатахъ по другимъ рефератамъ. Общество обнаруживаетъ большую заботливость о своемъ «историческомъ архивѣ», честь учрежденія котораго принадлежитъ проф. Д. И. Багалѣю; въ настоящее время онъ имѣетъ до 30,000 старыхъ

дѣлъ полтавскаго, черниговскаго и харьковскаго губернскихъ правленій, пополняется отчасти передачею старыхъ дѣлъ изъ учрежденій въ университетъ, отчасти пожертвованіями частныхъ лицъ и даже путемъ покупки; при архивѣ находится и вспомогательная библіотека, довольно богатая изданіями актовъ и грамотъ. Люди науки не разъ скажутъ спасибо учредителямъ, а забота Общества объ архивѣ заслуживаетъ полнаго уваженія и признательности, а также подражанія со стороны другихъ ученыхъ обществъ. Въ архивѣ постоянно производились разысканія матеріала нѣсколькими лицами для своихъ изслѣдованій; въ отчетномъ году работало шесть человѣкъ.

Главную часть «Сборника» составляютъ не эти отчеты, печатающіеся въ немъ впервые, а отдѣльные выпуски, входящіе въ него. Первое мѣсто по важности и объему принадлежитъ «Матеріаламъ для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ.», собраннымъ проф. Д. И. Багалѣемъ; это первый выпускъ «Сборника». Вторымъ являются «Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ екатеринославской и харьковской губ. И. И. Манжурой» а 3-мъ—«Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ», собранные г. Ивановымъ (съ предисловіемъ Н. Ѳ. Сумцова); о послѣднемъ мы имѣли уже случай говорить, разбирая его отдѣльно, и теперь займемся двумя первыми.

«Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта», собранные проф. Багалѣемъ съ внѣшней стороны представляютъ увѣсистый томъ (уже 2 й) въ 448 стр. (15 стр. предисловія); точно также и по содержанію своему онъ представляетъ богатый кладъ данныхъ для всякаго рода выводовъ и заключеній объ географическомъ, административномъ, экономическомъ, промышленномъ и торговомъ положеніи края; большая часть документовъ—весьма цѣнный матеріалъ не для одной исторіи колонизаціи; по даннымъ этого богатаго матеріала можно нарисовать живую картину природы того времени, описать съ мелочными подробностями твердость и силу пограничныхъ укрѣпленій, богатую или бѣдную домашнюю обстановку поселенцевъ, даже благолѣпіе церквей. Трудно въ краткой рецензіи охватить все обиліе новыхъ данныхъ: возьмите, напр., стрельныя книги, осмотръ шляховъ, вѣсти о татарахъ, объ ихъ разореніяхъ, перечтите переписи населенія, описанія городовъ и уѣздовъ,—и передъ вами воскреснетъ прошлое юго-восточной окраины Россіи со всѣми своими ужасами: тяжкими трудами въ новыхъ поселеніяхъ, стонами убиваемыхъ набѣгающими татарами, слезами уводимыхъ ими въ плѣнъ женъ и дѣтей,

окраины, пріобрѣтенной болѣе потомъ и кровью самоотверженныхъ великороссіянъ и черкасовъ, чѣмъ мечемъ служилыхъ и ратныхъ людей. Таковъ XVII-й вѣкъ! Въ XVIII-мъ вѣкѣ наступаютъ болѣе мирныя времена, которыя и отражаются на бытѣ населенія; ему уже не грозитъ опасность отъ разбоевъ и грабежей татаръ; оно осѣдаетъ, увеличивается въ числѣ, и колонія мало по малу усвоиваетъ себѣ строй метрополіи; природа и люди измѣняютъ свой внѣшній и внутренній характеръ. Эту перемѣну къ лучшему и даютъ возможность прослѣдить собранные г. Багалѣемъ матеріалы. Позволяемъ себѣ высказать увѣренность, что и изслѣдованіе Д. И. Багалѣя будетъ такъ же интересно и богато выводами, какъ богаты данными разсмотрѣнные нами матеріалы, тѣмъ болѣе что и самъ неутомимый собиратель ихъ сознается въ предисловіи, что «исторія внутренняго быта—вопросъ совершенно почти не затронутыи въ печатной исторической литературѣ».

Всѣхъ документовъ въ настоящемъ томѣ 52; изъ нихъ одинъ относится къ XVI вѣку, сорокъ—къ XVII; остальной десятокъ къ XVIII; по объему послѣдній занимаетъ $^2/_3$ книги; въ немъ по своему интересу выдѣляются, кромѣ «экстракта о слободскихъ полкахъ 1734 г.», «инструкція слободско-украинской губ. 1766 г.» и описаніе городовъ и мѣстечекъ, доставленное въ Екатерининскую коммиссію для составленія проекта новаго уложенія 1767 г.

Входящіе въ настоящій томъ документы извлечены Д. И. Багалѣемъ частью изъ московскаго архива министерства юстиціи—19 самыхъ древнихъ, преимущественно строельныя книги, при этомъ г. Багалѣй замѣчаетъ: дорожа мѣстомъ, я пропускалъ именные перечни населенія и приводилъ только общіе итоги; но сдѣлалъ исключеніе для г. Карпова для того, чтобы представить хотя одинъ примѣръ переписи въ ея подлинномъ видѣ». Читаемъ строельную книгу г. Карпова и что же находимъ? Указаніе на число домовъ и семей, на составъ семьи, на возрастъ ея членовъ и на ея большую или меньшую состоятельность, выражающуюся въ перечисленіи имущества. И эти драгоцѣнныя данныя г. Багалѣемъ опущены лишь для того, чтобы дать мѣсто большимъ документамъ XVIII в., которыя удобнѣе было отложить печатаніемъ до слѣдующаго 3-го тома. Изъ харьковскаго историческаго архива авторомъ извлечено 6 большихъ документовъ XVIII в., занимающихъ болѣе половины книги. Изъ церковно-археологическаго музея кіевской духовной академіи 23 небольшіе документа, заимствованы и 4 документа изъ частной коллекціи г. Гурова.

Выборъ документовъ изъ другихъ частныхъ коллекцій, предоставленныхъ владѣльцами ихъ въ распоряженіе Д. И. Багалѣя, онъ отлагаетъ для 3-го тома Матеріаловъ, къ изданію котораго думаетъ приступить.

Въ концѣ выпуска приложены краткіе указатели: личный, географическій и предметный.

«Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ екатеринославской и харьковской губ. И. И. Манжурою», оставлены авторомъ безъ всякаго объясненія; потому о системѣ расположенія ихъ можно судить, просмотрѣвъ самыя сказки. Онѣ рисуютъ характерныя особенности животныхъ, богатырей, вообще людей (собственно малоросса-селянина) и въ частности солдатъ, цыганъ, евреевъ, нѣмцевъ, великороссовъ, чорта, вѣдьмы, опять животныхъ, растеній и явленій природы.

Затѣмъ собраны заговоры противъ болѣзней, молитвы по поводу разныхъ случаевъ, медицинскіе совѣты, даже выписки изъ старой рукописи, но какой собиратель не сообщаетъ; далѣе примѣты, повѣрья, обычаи народа, приказки, присловья, загадки и слова екатеринославской губ. Все это вмѣстѣ составляетъ цѣнный матеріалъ для изученія народнаго міросозерцанія.

И. Каманинъ.

П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами въ текстѣ. Курсъ систематическій. С.-Петербургъ. 1890 г.

Всякій, конечно, согласится съ тѣмъ, какъ трудно написать хорошій учебникъ по какому-бы то ни было предмету. Особенно это относится къ учебнику исторіи вообще и русской въ частности. Выборъ матеріала, его группировка, способъ изложенія—все это должно быть подчинено одной образовательно-педагогической цѣли. Задача трудная. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что изъ массы существующихъ учебниковъ по исторіи бо́льшая часть далеко неудовлетворительна. О важности хорошаго учебника для дѣла преподаванія предмета нечего и говорить. Понятно, съ какимъ вниманіемъ встрѣчаетъ преподаватель появленіе въ свѣтъ всякаго новаго учебника. И въ настоящее время, безспорно, существуютъ уже довольно хорошія руководства по исторіи, но это обстоятельство, конечно, не должно уничтожать у людей, посвятившихъ себя преподавательской дѣятельности, стремленія къ усовершенствованію учебниковъ по мѣрѣ того,

какъ совершенствуются самые пріемы преподаванія и всякая попытка составить новый учебникъ должна быть радушно привѣтствуема. Вышеуказанный учебникъ по русской исторіи принадлежитъ перу извѣстнаго автора «Исторіи русской литературы», и одно уже это обстоятельство заставляетъ отнестись къ нему съ большимъ вниманіемъ. Г. Полевой поставилъ себѣ ту цѣль, которую долженъ поставить всякій, приступающій къ составленію учебника, если онъ дѣйствительно желаетъ принести пользу дѣлу преподаванія того или иного предмета. «Мы задались, говоритъ г. Полевой, одною главною цѣлью по возможности облегчить ученику изученіе предмета и притомъ такъ упростить изложеніе его, чтобы фактическая сторона русской исторіи легко сохранялась въ памяти ученика въ опредѣленной связи и послѣдовательности». Достигнуть этой цѣли авторъ надѣется подборомъ фактовъ, исключеніемъ всего несущественнаго и установленіемъ связи между событіями. Для лучшаго усвоенія этой связи г. Полевой основываетъ изученіе фактовъ на изученіи географіи и родословныхъ таблицъ. Самое изложеніе должно быть упрощено, и всѣ иностранныя слова должны быть исключены изъ употребленія. Никто, конечно, не будетъ спорить, ни противъ цѣлей, поставленныхъ себѣ составителемъ учебника, ни противъ средствъ, которыми онъ думаетъ ихъ достигнуть. Между прочимъ только скажемъ, что употребленіе иностранныхъ словъ не имѣетъ еще важнаго значенія. Учебникъ назначается для учениковъ такого возраста, когда главнѣйшіе научные спеціальные термины, взятые изъ иностранныхъ языковъ, уже понятны имъ, а между тѣмъ толковое употребленіе научныхъ терминовъ придаетъ извѣстную серьезность учебнику, что также не должно упускать изъ виду. Говоримъ,—это не важно. Сама же по себѣ простота изложенія вещь весьма важная, и съ этой стороны г. Полевымъ сдѣлано все возможное. Мы даже склонны упрекнуть его въ излишней иногда простотѣ изложенія въ ущербъ его серьезности. Къ числу недостатковъ придется также отнести стереотипность нѣкоторыхъ выраженій, повторяющихся при характеристикахъ историческихъ лицъ и событій. Эта излишняя простота изложенія въ соединеніи съ такою стереотипностью выраженій производитъ то, что содержаніе иныхъ страницъ учебника не оставляетъ у читающаго никакого впечатлѣнія и плохо усваивается. Нельзя также не сказать, что составитель, имѣя въ виду удалить изъ своего учебника все несущественное, погрѣшаетъ иногда и противъ существеннаго. Вслѣдствіе этого нѣкоторые отдѣлы скомканы, черезъ чуръ сокращены. Какъ

примѣръ можно указать на исторію Владиміра св., люблинской и церковной уніи,—переданныхъ, по нашему мнѣнію, далеко не съ достаточной полнотой и ясностью. Мы увѣренно говоримъ, что учащійся вынесетъ весьма смутное представленіе объ этихъ важныхъ событіяхъ изъ разсказа о нихъ г. Полеваго. Но, повторяемъ, въ общемъ изложеніе отличается легкостью, простотою и даже изяществомъ.

Нельзя не принести составителю учебника благодарности за обиліе историческихъ картъ, помѣщенныхъ въ самомъ текстѣ. Прикрѣпленіе фактовъ къ данной мѣстности не только способствуетъ уясненію ихъ взаимной связи и причинной зависимости, но и уничтожаетъ тотъ огромный недостатокъ, который такъ часто замѣчается у учениковъ при усвоеніи ими изучаемыхъ фактовъ. Мы говоримъ о прикрѣпленіи факта къ мѣсту учебника. Изученіе исторической карты уничтожаетъ это печальное явленіе. Нельзя не согласиться съ г. Полевымъ, что помѣщеніе историческихъ картъ среди текста полезнѣе, чѣмъ отдѣльно, гдѣ-то въ концѣ книги. Эти карты среди текста и ихъ обиліе даютъ учебнику г. Полеваго преимущество предъ другими. Правда, въ картахъ существуютъ нѣкоторыя невѣрности, неточности, но онѣ могутъ быть легко исправлены и не имѣютъ особенно важнаго значенія. Нельзя однако также отнестись къ хронологіи и родословнымъ таблицамъ, находящимся въ учебникѣ г. Полеваго. Но тутъ мы переходимъ къ самому главному, къ разбору содержанія учебника.

Въ одномъ изъ богоспасаемыхъ городковъ земли русской былъ, а, можетъ быть, и теперь существуетъ, преподаватель исторіи, который свое изложеніе до сихъ поръ основываетъ на Карамзинѣ. Очевидно, если бы ему вздумалось написать учебникъ русской исторіи, то онъ не мудрствуя лукаво, сократилъ бы «Исторію государства россійскаго». Является вопросъ: насколько его учебникъ былъ бы удовлетворителенъ? Мы думаемъ, что удовлетворительнымъ онъ не былъ бы. Какъ для здороваго питанія тѣла необходима пища свѣжая, такъ и для питанія ума пища не должна быть залежалой. Отсюда вытекаетъ требованіе, чтобы учебникъ, по передачѣ фактовъ и ихъ освѣщенію, стоялъ въ уровень съ современной исторической наукой. Это главное и основное требованіе, которое мы имѣемъ право предъявить составителю учебника. Приходится, къ сожалѣнію, сказать, что отъ учебника г. Полеваго въ этомъ отношеніи приходится пожелать довольно многаго. Мы не будемъ перечислять всѣхъ погрѣшностей автора противъ хронологіи и исторіи. Укажемъ на тѣ изъ нихъ, которыя особенно бросаются въ глаза. Какимъ образомъ составитель

учебника датируетъ правленіе Витовта 1392—1415 годами, когда Витовтъ умеръ въ 1430 году? Зачѣмъ до сихъ поръ вносится въ учебникъ фиктивный фактъ завоеванія Гедиминомъ Кіева въ 1321 году, когда эта историческая неправда опровергнута уже въ 1877 г. В. Б. Антоновичемъ въ его трудѣ «Очеркъ исторіи в. к. литовскаго?» Отчего авторъ не обратилъ вниманія на труды Европеуса, Анучина, Винклера и др. въ области этнографіи и антропологіи и продолжаетъ называть племена весь и мерю финскими, ничего не говоря о племенахъ угрскихъ? Соловьевское объясненіе удѣльныхъ усобицъ лишь одними родовыми счетами въ настоящее время, послѣ появленія цѣлаго ряда трудовъ по исторіи отдѣльныхъ областей русской земли, является уже абсолютно невозможнымъ, а между тѣмъ авторъ именно показываетъ слабое знакомство съ этими работами. Мы не въ правѣ требовать отъ составителя учебника знакомства съ русскими лѣтописями или польскими хрониками, но если бы г. Полевой познакомился (а это для него было обязательно) съ трудомъ г. Андріяшева «Очеркъ исторіи волынской земли», вышедшимъ въ Кіевѣ въ 1887 году, то онъ, навѣрное, не написалъ бы своемъ учебникѣ, что Романъ Галицкій погибъ во время борьбы съ Литвою, а узналъ бы, что это случилось во время войны съ Польшей, въ стычкѣ при Завихвостѣ. Интересно также знать, откуда составитель взялъ, что Шварнъ Даниловичъ былъ женатъ на дочери Войшелга, монаха, а не Мендовга? Тутъ кстати будетъ сказать и о родословныхъ таблицахъ, которыми г. Полевой снабдилъ свой учебникъ. Сами по себѣ такія таблицы, конечно, весьма полезны, но составленныя г. Полевымъ не выдерживаютъ критики: въ бо́льшей части изъ нихъ старшинство князей перепутано, но этого мало. Въ таблицѣ «Родословіе князей литовскихъ» мы находимъ этихъ князей въ такомъ порядкѣ: Мендовгъ-Войшелгъ-Гединивъ. Да развѣ Гединивъ былъ сынъ Войшелга?! Вѣдь это совсѣмъ можетъ сбить съ толку учащагося.

Вообеще у автора странное отношеніе къ новымъ трудамъ по русской исторіи. Отъ этого получаются слабыя, неточныя и невѣрныя характеристики дѣйствущихъ лицъ и событій, повторяются старыя, отжившія свой вѣкъ мнѣнія. Пора бы, напримѣръ, бросить отождествленіе личности Лжедмитрія I съ Гришкой Отрепьевымъ. Что Лжедмитрій I—самозванецъ,—это вѣрно, но что онъ не есть Гришка Отрепьевъ,—это тоже вѣрно. Въ заключеніе не можемъ обойти молчаніемъ еще одинъ странный фактъ. На основаніи какихъ данныхъ г. Полевой утверждаетъ, будто городъ Василевъ, изъ котораго про-

исходили родители св. Ѳеодосія, былъ въ нынѣшней курской губерніи? Очевидно, тутъ г. Полеваго ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что родители св. Ѳеодосія происходили изъ г. Васильева, кіевской области, а потомъ переселились на житье въ Курскъ, откуда и пришелъ въ Кіевъ св. Ѳеодосій. Можемъ увѣрить автора, что г. Васильева ни въ древности въ курской области не имѣлось, ни теперь въ курской губерніи нѣтъ.

Хотѣлось бы намъ задать автору разбираемаго учебника еще нѣсколько вопросовъ, и о смердахъ, и о Русской Правдѣ, и о боринѣ Шевнѣ, героѣ Смоленска, и о патріархѣ Филаретѣ, этомъ «адамантѣ твердомъ» и т. д., но нашъ отчетъ и такъ уже очень растянулся. Мы полагаемъ въ концѣ концовъ, что переработка учебника г. Полеваго весьма желательна. П. Г.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII вв. изданіе Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ 1890 г.

Этотъ сборникъ актовъ, изданный подъ редакціей А. М. Лазаревскаго, представляетъ въ главной своей части дополненіе къ изданному подъ редакціей А. М. Лазаревскаго же въ 1884 г. Сулимовскому Архиву. Гг. Савицкіе, свойственники Сулимъ, владѣютъ нынѣ нѣкоторыми изъ прежнихъ сулимовскихъ имѣній, въ одномъ изъ которыхъ—м. Мотыжинѣ, кіевскаго уѣзда, и сохранились изданныя бумаги, чѣмъ и объясняется данное сборнику названіе. Впрочемъ, ни сулимовскій, ни мотыжинскій архивы не исчерпываютъ всѣхъ сохранившихся бумагъ, относящихся къ роду Сулимъ; намъ извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторыя находятся у А. В. Стороженка, владѣльца хутора Кучакова (переяславскаго уѣзда), тоже нѣкогда принадлежавшаго Сулимамъ.

Въ составъ Мотыжинскаго Архива вошло 93 №№ актовъ, которые раздѣлены (кѣмъ?) на 2 группы: а) семейныя бумаги Сулимъ (№№ 1—61) и б) будто бы постороннія бумаги (№№ 62—93). Не видимъ основаній для такого дѣленія: во первыхъ, въ такъ наз. посторонніхъ бумагахъ есть акты, вполнѣ относящіеся къ роду Сулимъ (№№ 88—90, 93); во вторыхъ, въ такихъ изданіяхъ, какъ Мотыжинскій Архивъ, которыми пользуются для занятій главнымъ образомъ люди, къ работѣ по источникамъ привычные, лучше всего держаться хронологическаго порядка документовъ. Мало того, отъ столь

опытнаго редактора, какъ А. М. Лазаревскій, мы могли бы ожидать приложенія къ Мотыжинскому Архиву своднаго хронологическаго перечня актовъ, вошедшихъ въ оба изданные имъ Архива. Впрочемъ, это дѣло еще поправимое, и подобный перечень, куда могли бы быть привнесены указанія и на иные, относящіеся къ роду Сулимъ (а также и Скорупъ) напечатанные документы, можетъ быть напечатанъ и особо.

Нечего и говорить, что документы изданы въ Мотыжинскомъ Архивѣ съ тою аккуратностью, какую мы всегда встрѣчаемъ въ изданіяхъ А. М. Лазаревскаго, и снабжены соотвѣтственными примѣчаніями.

По содержанію большинство документовъ идентично съ таковыми же, существующими вообще у нынѣшнихъ представителей старыхъ малорусскихъ фамилій, частью и напечатанными. Видимъ здѣсь купчія крѣпости на усадьбы и земли (грунты, плацы и пр.), а также и иные договоры, универсалы на земли и млыны, рѣшенія судовъ по спорамъ объ имуществѣ, духовныя завѣщанія и т. п. Не мало бумагъ относится и къ тѣмъ мелочнымъ дрязгамъ, въ которыя были погружены значные люди Малороссіи въ XVIII в.; видимъ раннія попытки къ закрѣпощенію козаковъ; матеріалы для исторіи водворенія въ Малороссіи въ XVIII в. русскихъ помѣщиковъ; но все это довольно обычно. Болѣе рѣдки акты, подобные №№ 61 и 62, которые относятся къ тому времени, когда лѣвобережною Малороссіей владѣла еще Рѣчь Посполитая; особенно въ № 61 есть любопытныя историческія указанія. Кстати сказать, въ силу своей хронологіи этому акту слѣдуетъ быть не подъ 61 номеромъ, а подъ № 1, тѣмъ болѣе, что онъ относится къ сулимовскимъ бумагамъ, къ которымъ причислилъ его самъ редакторъ.

Кромѣ Сулимъ, напечатанные въ Мотыжинскомъ Архивѣ документы могутъ дать не безъинтересныя указанія и для исторіи еще нѣкоторыхъ малорусскихъ родовъ, напр. Максимовичей, Томаръ, Мировичей, Завоекъ, также Кондратьевыхъ (слободско-украинскихъ) и др. Въ одномъ изъ актовъ (№ 93, стр. 220) есть небольшое указаніе, относящееся къ матери гетмана Мазепы; въ другомъ (№ 25) къ епископу Кириллу Шумлянскому; два акта (№№ 43 и 46) интересны, какъ письма Гр. Н. Теплова и т. д.; есть не мало указаній на разные малорусскіе монастыри, которыя могутъ быть пригодны для ихъ исторіи. Отмѣтимъ и еще любопытный памятникъ (№ 60) стихотворный надгробокъ Анны Акимовны Сулимы, сочиненный въ 1800 г. ея отцемъ въ духѣ тогдашняго сентиментализма.

Попадаются въ Мотыжинскомъ Архивѣ, разумѣется, акты, имѣющіе отношеніе и къ былевой исторіи Малороссіи, собственно ко времени гетманства Самойловича; они указаны въ предисловіи къ Архиву самимъ его редакторомъ, но ихъ немного. Это объясняется самимъ характеромъ дѣятельности Сулимъ въ XVII—XVIII в. Крупные землевладѣльцы Переяславщины, они никогда не играли видной роли въ судьбахъ Малороссіи, а въ XVIII в. хотя и дали Россіи нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, но также не первостепеннаго значенія. Исключеніе составляетъ знаменитый Петрикъ (Петръ Ивановичъ), послѣдній боецъ за независимость Малороссіи, который въ бытность свою въ Крыму называлъ себя Сулимою и, вѣроятно, не былъ самозванцемъ, такъ какъ ложное принятіе имъ на себя этой фамиліи отнюдь не усиливало бы его политическаго значенія, да притомъ всегда могло быть и опровергнуто малороссами, часто въ Крыму бывавшими. Если Петрикъ дѣйствительно былъ изъ рода Сулимъ, то оказывается, что родъ этотъ ярче, чѣмъ полагаютъ вписалъ свое имя въ исторію Малороссіи, но дѣятельность Петрика была такова, что въ интересахъ Сулимъ XVIII в. было какъ можно скорѣе забыть о ней, чтобы и другіе этого не вспоминали.

Къ Мотыжинскому Архиву приложены: родословная Сулимъ, которая была уже приложена къ Сулимовскому Архиву, но теперь исправлена и дополнена на основаніи указаній новыхъ источниковъ, и указатели лицъ и мѣстъ; словомъ изданіе сдѣлано весьма аккуратно. Въ заключеніе намъ остается только указать читателямъ «Кіевской Старины», имѣющимъ фамильные документы XVII—XVIII в., на прекрасный примѣръ гг. Савицкихъ, давшихъ средства на изданіе Мотыжинскаго Архива. Ждать же, чтобы подобные акты были напечатаны въ какомъ либо періодическомъ изданіи, хотя бы и спеціально ученаго характера, можно безконечно долго—и не дождаться.

А. М.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 8; Русская Мысль № 8; Сѣверный Вѣстникъ № 8; Историческій Вѣстникъ № 8; Русская Старина № 8; Przegląd Tygodniowy 1—37.

Вѣстникъ Европы № 8. *В. П Шенрокъ. Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры.* Окончаніе статьи, начатой въ іюлѣ, излагающей

первые литературные опыты Гоголя и ихъ успѣхъ (стр. 487—520). Въ отдѣлѣ: *Литературное обозрѣніе*—рецензія «Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества, томъ 2-й», гдѣ помѣщено много статей, относящихся къ исторіи и этнографіи юга Россіи (стр. 861—865).

Русская Мысль № 8. Въ отдѣлѣ *библіографическомъ*—краткая рецензія на: «Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи. №№ 7—9. Подъ редакціей правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова. Симферополь 1889—90 г.» съ указаніями на раскопки Ящуржинскаго въ Неаполицѣ и Стевека въ Херсонесѣ.

Сѣверный Вѣстникъ № 8 В. Бородаевская. «Сильные волею, больные духомъ» излагаются наблюденія надъ жизнью и вѣрованьями шалапутовъ екатеринославской губ., въ новомосковскомъ уѣздѣ, въ с. Прядивнѣ (стр. 93—117).

Въ отдѣлѣ: «*областной отдѣлъ*»—о сельскохозяйственномъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ февралѣ сего года (стр. 55—56); указаніе на проектъ устройства питомниковъ при сельскихъ школахъ въ екатеринославской губ. (стр. 58) и мѣры нѣкоторыхъ земствъ (кролевецкаго, нѣжинскаго) къ поднятію сельскохозяйственныхъ знаній среди народа (стр 59); изложеніе проекта страхованія харьковскимъ земствомъ недвижимыхъ имуществъ и сельскохозяйственныхъ произведеній (стр. 61—62).

Въ отдѣлѣ—«новыя книги»—краткая рецензія книги: «Невеличкій збирныкъ творивъ Грицька Кернеренка. Харьковъ, 1890 г».

Историческій Вѣстникъ № 8. *Тимченко—Рубана. Изъ воспоминаній о прожитомъ* (окончаніе). Ведется разсказъ о внутренней жизни полтавскаго корпуса при директорахъ Юрьевѣ, Тихоцкомъ и баронѣ Икскуль фонъ-Гильденбандтѣ (стр. 304—333).

Русская Старина № 8. *В. И. Шенрокъ «Н. В. Гоголь. Письма къ нему А. Ѳ. Смирновой»*, гдѣ приведено новыхъ 7 писемъ г-жи Смирновой изъ Калуги. Въ отдѣлѣ: *библіографическій листокъ* (на оберткѣ)—краткое изложеніе содержанія книги: «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ 1889 г., изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова», гдѣ между прочимъ помѣщены изслѣдованія: Барсова—«Слово о полку Игоревѣ» т. III, Карпова—«Въ защиту Хмѣльницкаго» и Кулиша—«Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» т. III.

Przegląd Tygodniowy №№ 1—37. № 7. Извѣстіе о выходѣ слѣдующихъ книгъ:

Ziemie ruskie, Wołyń i Podole—A. Jabłonowskiego.

Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi, T. Sternala.

№ 10. Описаніе выставки картинъ кіевскихъ художниковъ.

№ 11. Извѣстіе о представленномъ въ краковскую академію изслѣдованіи д-ра Гринцевича «Физическая характеристика украинскаго племени на основаніи 3226 наблюденій и 1292 непосредственныхъ измѣреній живыхъ людей».

№ 19. Рецензія на изслѣдованіе Коперницкаго (12 t. Zbioru wiadomości do antropologii krajowej, wydawanej staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie). Трудъ автора основанъ на 188 точныхъ антропометрическихъ измѣреніяхъ и собранныхъ имъ этнологическихъ данныхъ, касающихся образа жизни и характера жителей Карпатовъ.

№ 23. Некрологъ Оскара Кольберга.

№ 31. Въ статьѣ о новѣйшихъ успѣхахъ антропологіи упоминается объ изслѣдованіяхъ Эмме, (Bullet. de la Soc. de naturalistes de Moscou), который различаетъ среди малороссовъ 3 различныхъ антропологическихъ типа: 1) типъ—длинноголовыхъ брюнетовъ, 2)—короткоголовыхъ брюнетовъ и 3)—короткоголовыхъ блондиновъ.

Въ приложеніи къ «Przeglądu» за августъ помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Были ли лѣса въ степяхъ южной Россіи». Авторъ статьи ссылается главнымъ образомъ на докладъ, представленный вольно экономическому обществу профест. Докучаевымъ. Упомянувъ о важности разрѣшенія этого вопроса какъ для научныхъ, такъ и для чисто практическихъ цѣлей, авторъ перечисляетъ доказательства, приводимыя различными изслѣдователями за и противъ существованія въ нынѣшнихъ степяхъ большихъ лѣсныхъ пространствъ. Особенно интереснымъ является палеонтологическій и геологическій методъ, примѣненный проф. Докучаевымъ. При изслѣдованіи наслоеній у устьевъ рѣкъ Ворсклы, Сулы и Псела—въ мѣстности, носящей чисто степной характеръ, были найдены рога, принадлежащіе породѣ оленя, живущей исключительно въ большихъ лѣсахъ. Наблюденія надъ ходами и норами, вырытыми сусликами и др. животными, водящимися исключительно въ степныхъ мѣстностяхъ, показали ихъ отсутствіе на большихъ пространствахъ нынѣшнихъ степей. Наконецъ сравнительныя изслѣдованія лѣсныхъ и степныхъ почвъ указали на рѣзкія различія въ ихъ свойствахъ, происходящія отъ того, что корни большихъ деревьевъ, растущихъ на данной почвѣ, производятъ столь характерныя измѣненія въ физической структурѣ ея (образованіе промежуточнаго слоя изъ многогранныхъ зеренъ пепельно-сѣраго цвѣта), что ошибка при опредѣленіи становится невозможной.

При помощи этого метода Докучаевъ напр. нашелъ, что чисто степныя мѣстности по берегамъ Ворсклы въ доисторич. времена были покрыты на большомъ протяженіи лѣсами. Лѣсныя площади простирались мѣстами верстъ на 15—20 въ ширину и 40—50 въ длину. Конечно, точныя опредѣленія границъ прежнихъ лѣсовъ будутъ возможны только тогда, когда увеличится число подобныхъ наблюденій.

Дозволено ценз. Кіевъ, 20 сентября 1890 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXX, 1890 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

		стр.
I.	Очеркъ коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. V—XII. **Я. Н. Шульгина**	1—21, 192—223
II.	Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. **О. И. Роговой**	22—59, 224—263, 420—455
III.	Культурныя переживанія. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**	59—87
IV.	Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани (волынской губ., ровенскаго уѣзда). **Ѳ. Кудринскаго**	88—104
V.	Надъ Днѣстромъ. Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ **Осипа Федьковича**	105—116
VI.	Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи **Ив. В. Теличенка**	161—191, 390—419
VII.	Люди старой Брацлавщины. **Ц. Г. Неймана**	264—281
VIII.	Не судилъ Богъ. Разсказъ. **Омелька Репьяха**	282—309
IX.	Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳ. Р.**	341—372
X.	Украинскіе юмористы и шутники. (Этнографическій очеркъ). **И. С. Левицкаго**	373—389
XI.	Побожье въ XVII и XVIII в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ. (Переводъ съ польскаго). **Н. М**	456—476

стр.

XII. Автобіографическая «сказка» малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. **Сообщилъ О. И. Левицкій** . . . . . 477—485

XIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Рѣчь кн. Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. **Сообщилъ В. Ю.** Разбойникъ Тараненко. **Бориса Познанскаго.** Замѣтка о гетманѣ Павлѣ Тетерѣ. **П. Шафранова.** Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ Курскѣ. **Т. І. Вержбицкаго.** Некрологъ Г. Записка 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. **А. Л.** Свѣдѣніе о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета. Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. **М. К. Васильева и В. К.** Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладѣ зданій университета св. Владиміра въ октябрѣ 1835 г. **Сообщилъ В. Науменко.** Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы. **Сообщ. Ив. Бѣньковскій.** Разсказъ о происхожденіи табаку. **А. Катрухина.** Некрологъ. Памяти Ивана Петровича Новицкаго. **И. Каманина.** Три письма гр. П. В. Завадовскаго. 1775 и 1776 г. Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. **А. Л.** Къ исторіи кіевскаго паломничества А. Л. Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. **Сообщилъ В. Н. Сторожевъ.** Урны съ жженными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. **Ѳ. К.** . . . . . 105—135, 309—329, 486—505

XIV. Суботовская церковь. **Н. Б.** . . . . . 506—508

XV. Библіографія. 1) Дополненія и поправки къ Собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря В. В. Латышева. 2) Греческія надписи, найденныя въ 1881—1888 гг. на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго. В. Латышевъ. **Проф. Ѳ. Г. Мищенка.** Stanisław Smolka. Kiejstut i Iagełło. **П. Г.** Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга

стр.

четвертая. Изданана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. **И. Каманина.** Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. **И. Ж.** Ѳ. И. Успенскій. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. **В. Я.** Ф. Щербина. Земельная община кубанскихъ козаковъ. **Н. М.** М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка. **П. Г.** Д-ръ И. Пичъ. Исторія русскаго народа. **Н. М.** Труды Комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Выпускъ первый. **И. Каманина.** Tadeusz Jerzy Stecki. Z boru i srepu. Obrazy i pamiątki. **Н. М.** Сборникъ харьковскаго Историко-филологическаго общества т. 2-й **И. Каманина.** П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ картами въ текстѣ. **П. Г.** Мотыжинскій архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в **А. М.** Обозрѣніе журналовъ. 136—160, 330—340, ... 505—524

Приложенія: 1) Лѣтопись Подгорецкаго монастыря.

2) Свадебныя пѣсни въ лубен у., полт губ. Собралъ В. М.

3) Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда (херсонск. губ.) Собралъ свящ. Гавр. Сорокинъ.

4) Суботовская церковь.

Воскресенье. Поѣздъ молодыхъ.

Свашка и свитилки поютъ во время поѣзда:

225 [1]).

Якъ булы мы въ лискý
Та поймалы лúску,
Чубатую, волохатую,
Хорошую щей богатую.

226.

Рыстю, коныченькы, ристю,
Веземо корыстю,
Веземо корысточку,
Молодую невисточку.

227.

Ой кони, кони ведмеди,
Чы чуетесь вы на себе,
Чи довезете намъ скрыню?
Ой скрыню, перыну,
Ще й молодую княгиню [2]).

228.

Що матинци та полехшало,
Що въ комори поменьшало,
А свекруси погиршало,
Що въ комори побильшало.

229.

Тоби, маты, не журытыся,
Тоби, маты, веселытыся,
Тоби, маты, печи не топыты,
Тоби, маты, дижи не мисыты,
Тоби, маты, хаты не мести,
Тилькы порядокъ вести.

230.

Леты, леты соловейко до свекорка мого,
Нехай столы тесовыи застилають,
Нехай кубки золотiи наповняють,
Нехай свичи до пивночи не згасають,
Нехай роду одъ свого двору недпускають,
Нехай мене молодую дожыдають.
(Пелагія Куліева).

231.

Засвиты, ненько, раненько,
Щобъ було въ хати выдненько,
Бо прыйиде сывый голубонько,
Та прывезе сызу голубочку.
Вона сыза, сызесенька,
Головонька билесенька,
Вона сыза, сызокрыла,
На лыченьку якъ калына.
(Уляна Выборная).

---

[1]) Съ 225—230 отъ Уляны Выборной.

[2]) Эту и слѣдующую пѣсню поютъ также, когда везутъ скрыню, которую отвозитъ визыця въ сопровожденіи свашки и свитилки въ воскресенье нѣсколько раньше молодой.

Воскресенье. Пріѣздъ молодыхъ.

Молодыхъ встрѣчаютъ въ сѣняхъ отецъ и мать и принимаютъ отъ нихъ хлѣбъ, соль, образа и свѣчи. Молодые низко кланяются трижды, потомъ цѣлуются: молодой съ своимъ отцомъ, его жена съ свекровью. Свашки и свитилки поютъ въ это время:

232.

Выйды, матинко, подывысь,
Що тоби буяре прывезлы,
Чи вивцю, чи ярку,
Чи молодую панянку?

233.

Выйды, маты, съ хаты,
Оглядысь дытяты,
Одного рожденого,
Другого суженого.

234.

Прилетила перепилочка
Не вчора, а теперечка.
Не кышкайте, не полохайте,
Нехай вона прывыкае,
Свого роду забувае.

235.

Прыйихала пани
Въ голубимъ жупани.
Побачыте люде,
Що зъ сіи пани буде.

(Всѣ эти 4 пѣсни записаны отъ Уляны Выборной).

Воскресенье. Обрядъ первой ночи.

Послѣ того какъ молодые сядутъ за столъ и подкрѣпятся водкой и легкой закуской, дружко въ послѣдній разъ въ воскресенье обращается къ присутствующимъ въ весильномъ домѣ жениха съ просьбой:

— Старосты, пани старосты! Благословить молодыхъ спать весты.

Выждавъ отвѣтъ: „Богъ благословыть!“ дружко отводитъ молодыхъ за платокъ въ комору, гдѣ на полу, несмотря на время года [1]), приготовлена брачная постель. За молодыми въ комору идетъ свашка и, совершенно обнажая молодую, надѣваетъ на нее рубашку, привезенную отъ ея матери. Молодыхъ оставляютъ однихъ.

[1]) Въ луденскомъ уѣздѣ, по экономическимъ соображеніямъ, три четверти или даже четыре пятыхъ всѣхъ свадебъ бываетъ зимой: работъ нѣтъ, хлѣбъ смолоченъ и въ достаточномъ количествѣ, есть мясо, безъ котораго невозможно справить свадьбу, и наконецъ разныя закуски („квасыво“). Да и наборъ отошелъ.

Спустя нѣкоторое время, въ комору входятъ свашка и дружко. Первая надѣваетъ на молодую новую рубашку, плахту, расплетаетъ косу и надѣваетъ очипокъ, а дружко въ это время беретъ скинутую рубашку и несетъ въ избу для изслѣдованія.

Воскресенье. Торжество молодой.

„Хорошая“ молодая ступаетъ правой ногой на порогъ хаты и поетъ:

236 [1]).

Не бійсь, матинко, не бійсь!
Въ червони чоботкы обуйся,
Топчы порогы пидъ ногы,
Щобъ тіи пидкивкы брязчалы,
Щобъ наши ворогы мовчалы.

(Пѣсня поется трижды).

Пропѣвъ трижды эту пѣсню, молодая входитъ въ хату, становится на колѣни среди хаты и бьетъ поклоны, потомъ идетъ по скамьямъ цѣловать богивъ (образа), а затѣмъ скачетъ [2]) (топче лавы). Ужинать ей одной даетъ сама свекровь, дружко съ женщинами и музыкой идутъ оглашать по селу о качествѣ молодой (по прыданахъ). На прыданахъ поютъ:

237.

Ой пиду я въ лугъ по калыну,
Та выломлю калынову квитку,
Та застромлю за билу намитку,
Щобъ сіи квитки не подавыты,
Щобъ свого роду не погнивыты,
Блызького й далекого
И батенька ридненького,
Бо у мене мій родъ пышный,
Бо у мене свекорко ризвый,
А свекруха не ридная маты,
Щобъ не выгнала зъ хаты.

238.

Велыкого лугу калына,
Доброго батька дытына,
Увесь лугъ закрасыла,
Увесь ридъ звеселыла,
Блызького й далекого,
И батенька ридненького.

239.

Ты, Марусю, калына, малына,
Намъ на тебе дывытыся мыло,
Ты, Васильку, повная рожа,
Намъ на тебе дывытыся гоже.

[1]) Пѣсни съ 236—240 № записаны отъ Уляны Выборной.

[2]) Робкая молодая не скачетъ, а вмѣсто нея скачетъ дружко.

Воскресенье. Позоръ молодой.

„Нехорошу“ молодую не ведутъ въ комору; вмѣсто того она проситъ свекра и свекровь простить ей ошибки молодости; родители мужа иногда легко извиняютъ ей, иногда насмѣхаются, а гости, празднующіе свадьбу (свадьбяне), принимаютъ рядъ мѣръ напоминающихъ экзекуціи, примѣнявшіяся въ дореформенное время при неуплатѣ податей; въ хатѣ оббиваютъ потолокъ и стѣны, льютъ на полъ воду, насыпаютъ туда золу и въ такихъ лужахъ танцуютъ. Мажутъ хату дегтемъ и сажей, и тутъ же въ домѣ поютъ:

240.

Бодай тебе та морозочку,
Поморозывъ та калиночку,
Та погнивывъ всю родыночку,
Блызькую й далекую
И матинку ридненькую.

Понедѣльникъ. Утро молодой.

Въ понедѣльникъ утромъ молодая, проснувшись, должна принесть воды и дать умыться свекру и свекрови, потомъ завязать имъ по лентѣ (стежки) въ сорочку и одарить платками. Завтракаетъ въ этотъ день молодая коржемъ, пирогами, яичницей, которыя приносятъ ей бывшія подруги—дружки, еще разъ такимъ образомъ напоминающія ей о себѣ. Потомъ въ весильный домъ сходятся родственники мужа и молодая даритъ имъ платки и хустки, а они отдариваютъ деньгами, полотномъ, домашними животными: телками, овцами, поросятами. Послѣ размѣна подарковъ, молодую, если она „хороша“, ведутъ въ церковь, здѣсь священникъ ставитъ ее и мужа на рушникъ, благословляетъ и покрываетъ платкомъ. Женщины, сопровождавшія молодыхъ, по возвращеніи изъ церкви поютъ:

241 [1]).

Мы булы въ Бога,
Молылыся Богу,

[1]) Съ № 241 и до конца всѣ пѣсни записаны отъ Уляны Выборной.

Святій пьятинци,
Марусиной матинци,
Вона йіи вродыла,
Хорошого челядына.
(Марія Гриценкова).

Послѣ посѣщенія церкви молодыхъ приводятъ къ рѣкѣ и льютъ по нѣсколько капель воды за воротникъ съ пѣніемъ слѣдующей пѣсни:

242.

Дай Боже добрее лито,
Щобъ уродыло жыто
И на коринь коренистое,
И на стебло стеблыстее,
И на колосъ колосыстее,
И на зерно зерныстее.
Наши княззя маліи,
Щобъ навстоячкы жалы.
(Уляна Выборная).

Понедѣльникъ. Перезовъ.

Затѣмъ общество, праздновавшее весилля у жениха, расходится до обѣда въ разныя стороны: молодежь съ музыкантами идетъ къ дружку, отъ него къ пиддружному, потомъ къ старшему бояинру и отъ него домой; старшіе идутъ къ старостамъ, на такъ называемую бéседу, или балъ, гдѣ „балуютъ“, т. е. пьютъ водку, поютъ и гуляютъ. Такъ проводятъ утро понедѣльника въ домѣ родителей молодого. Въ хатѣ родителей молодой собираются между тѣмъ ея родственники и ждутъ посла съ шишкой отъ жениха. Шишку приноситъ его младшій братъ, перевязанную красной лентой и гарусомъ, если молодая „хороша“, или толстыми нитками (валомъ) въ противномъ случаѣ. Поѣвъ шишки, родъ молодой отправляется также „баловать“ къ старостѣ, къ крестному отцу, и ужъ оттуда на обѣдъ къ молодымъ, „въ перезовъ“. Молодыци, приближаясь къ хатѣ, поютъ:

243.

Чи не рій то гуде?
Чесная перезва йде.
До чесного дытяты,
Калыноньку ломаты.

244.

Тутъ наша родына
Тутъ намъ заробыла
И пыты, и йисты,
И за столомъ систы.

245.

Ой казалы превражіи люды,
Що зъ Маруси ничего не буде.
Вона гарна, гарнисенька,
Якъ рожа повнисенька.

246.

Знаты, Марусю, знаты,
У которій вона хати,
Чебрыкомъ осыпана [1]),
Калыною утыкана,
И лавки й прылавкы
Зъ червонои китайкы

247.

Была Марусю маты
Калыновымъ дубцемъ зъ хаты,
Вона сёго побоялася,
Въ комирку заховалася,
А съ комирочкы, та въ присинечкы,
А съ присинечокъ въ загорожу,
Та въ червоную рожу.

---

[1]) Вар. Шепшыною осыпана.

Перезовъ останавливается у воротъ, молодой выходитъ имъ на встрѣчу и ведетъ тестя и тещу подъ руки въ хату. Въ это время бояринъ машетъ шестомъ, на которомъ вѣетъ красная запаска или плахта. Въ хатѣ родители молодого угощаютъ сватовъ водкой и закуской, если въ хату сойдутся съ баловъ женщины (такъ наз. побоярныци), то поютъ перезвѣ:

248.

Спасыби тоби, сваточку,
За твою кудряву мяточку,
За твою червону калыну,
За твою чесну дытыну.

Перезва обѣдаетъ, затѣмъ одаряетъ молодыхъ полотномъ, деньгами, животными, молодыци танцуютъ съ большимъ оживленіемъ на дворѣ, и натанцовавшись, возвращаются домой съ пѣніемъ:

249.

У нашого свата
Зъ лозы, зъ вербы хата,
Синечкы зъ березы,
Идемо тверезы.

259.

Якъ пидемо мы до свого батька,
Та заберемъ черепочкы,
Та сядемо коло бочкы,
Будемъ пыты и гуляты
И Марусю спомынаты.

Вторникъ. Молотьба ржи и пропиваніе батька.

Гости, принимавшіе участіе въ свадебномъ празднествѣ, ещ разъ, во вторникъ утромъ, посѣщаютъ тотъ весильный домъ, въ которомъ гуляли. На полу разстилается рядно и посѣтители молотятъ снопъ ржи цѣпами, или сдѣланной изъ улья молотилкой. Смоло-

ченную рожь закупаетъ отецъ молодого, или молодой, смотря по тому, въ какомъ весильномъ домѣ происходитъ это подражаніе молотьбѣ, и вмѣсто платы угощаетъ одной, или двумя квартами водки. Иногда этимъ дѣло не оканчивается, а родителей везутъ еще въ питейный домъ, причемъ свекровь, какъ получившая прибыль въ хозяйствѣ, наряжена въ шолковый платокъ, плахту и намисто, какъ молодая женщина, лошади разубраны красными лентами, а дуга перевита краснымъ поясомъ. Въ питейномъ домѣ выпивается еще нѣсколько кварть водки. Этимъ обыкновеніемъ, носящимъ названіе „батька пропывать“, заканчивается весилье.

СВАДЬБЫ И СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ У МАЛОРОССОВЪ И ВЕЛИКОРОССОВЪ М. ДМИТРОВКИ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО У. (ХЕРСОНСКОЙ ГУБ.).

Собралъ

священникъ **Гавріилъ Сорокинъ.**

Предисловіе.

Образцомъ въ настоящей работѣ для меня послужили „Свадебныя пѣсни въ елисаветградскомъ уѣздѣ", записанныя Еленою Марковичъ. („*Степь*". Херсонькій беллетристычный сбирнык, изд. 1886 г.),

Собирая предлагаемыя ниже пѣсни, я записывалъ тѣ, которыя были или своеобразны и совершенно самостоятельны по содержанію, или представляли варіанты. Тѣ-же, которыя дословно приведены въ трудѣ г-жи Марковичъ, я не буду приводить, а ограничусь только указаніемъ страницы и № въ вышеуказанномъ трудѣ.

Кромѣ пѣсенъ малороссійскихъ, я нашелъ необходимымъ собрать и записать пѣсни, которыя поются на свадьбахъ у великороссовъ. Думаю, что это представитъ интересъ въ виду того обстоятельства, что населеніе м. Дмитровки состоитъ изъ двухъ, почти равныхъ частей: малороссовъ и великороссовъ. Мнѣ кажется, что еще никто не собиралъ свадебныхъ пѣсенъ великороссовъ, живущихъ въ херсонской губ.

Великороссы живутъ въ Дмитровкѣ съ конца прошлаго столѣтія. Вотъ уже сто лѣтъ прошло, а у насъ есть нѣсколько улицъ, на которыхъ живутъ исключительно великороссы и между ними не встрѣтите ни одного семейства малороссовъ, и наоборотъ.

За послѣдніе 3—4 года, новыя мѣста для усадьбъ выходящимъ изъ семейства начали давать безъ различія народности; на такъ называемыхъ „новоселицяхъ“ рядомъ съ малороссомъ селится великоросс, тогда какъ раньше этого времени ни за что малоросс не согласился-бы занять мѣсто рядомъ съ великороссомъ и наоборотъ.

Великороссы прежде почти не выходили изъ семьи, и только недавно стали подражать малороссамъ, выдѣляя сыновей. Еще много есть семействъ, въ которыхъ вмѣстѣ живутъ три—четыре брата, имѣющихъ даже внуковъ. Великороссы многое заимствуютъ у малороссовъ и больше всего сохранили свою народность въ свадебныхъ обрядахъ, да и то въ нѣкоторыхъ частностяхъ, даже въ пѣсняхъ, замѣтно малороссійское вліяніе. Вотъ почему я нашелъ необходимымъ сообщить обряды и пѣсни тѣхъ и другихъ. Свадебныя пѣсни великороссовъ сообщаю всѣ, какія только могъ собрать.

О заимствованіяхъ малороссовъ и великороссовъ другъ у друга въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ говорить здѣсь я не буду.

Свящ. **Г. Н. Сорокинъ.**

I. Свадьба у малороссовъ.

Если на семейномъ совѣтѣ отецъ, мать и сынъ порѣшили, что послѣднему нужно жениться, то отецъ приглашаетъ одного или двухъ человѣкъ изъ хорошихъ своихъ пріятелей, людей опытныхъ и толковыхъ, быть старостами. Если у сына нѣтъ раньше на примѣтѣ невѣсты, то совѣтуются со старостами куда идти и, намѣтивъ невѣсту, которая по общему сужденію окажется подходящей, отецъ и мать приглашаютъ еще двухъ человѣкъ сосѣдей, снимаютъ икону и благословляютъ сына. Затѣмъ отецъ подноситъ по рюмкѣ водки присутствующимъ, а мать идетъ къ сосѣдямъ и занимаетъ ржаной хлѣбъ, съ которымъ отправляетъ старостовъ съ женихомъ. Хлѣбъ долженъ быть занятъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что съ чужимъ—занятымъ хлѣбомъ, скорѣй можно высватать, а со своимъ навѣрное откажутъ. Въ домъ невѣсты входятъ только старосты, а женихъ остается подъ окномъ.

Поздоровавшись съ хозяевами, старосты говорятъ, что они охотники и увидѣли, какъ во дворъ невѣсты забѣжала лисица, а потому просятъ позволенія поискать.

Отецъ невѣсты, сообразивши въ чемъ дѣло, отвѣчаетъ: „если у васъ хортъ хорошъ, то онъ самъ найдетъ!“

Потомъ отецъ невѣсты спрашиваетъ: отъ кого они присланы, изъ какого роду женихъ, не родственники-ли они ему? Если нѣтъ, то разспрашиваетъ много, если-же окажутся родственниками—то мало. Старосты просятъ дать отвѣтъ; отецъ никогда положительно не отвѣчаетъ, а зоветъ дочь, которая, замѣтивши, что пришли старосты, старается раньше, пока отецъ разговариваетъ съ ними, сказать матери, согласна она или нѣтъ, потомъ приходитъ, становится возлѣ печи и обязательно „*колупаетъ коминъ*“, на предложеніе старостовъ она отвѣчаетъ уклончиво, ссылаясь на отца, который иногда проситъ день—два сроку подумать. Въ такихъ случаяхъ женихъ и не входитъ, а старосты оставляютъ хлѣбъ и уходятъ; но, обыкновенно, послѣ уклончиваго отвѣта невѣсты, отецъ говоритъ старостамъ, чтобы они пригласили жениха въ хату, посмотрѣть каковъ онъ изъ себя. Женихъ входитъ, кланяется всѣмъ, невѣста отходитъ отъ печи и выказываетъ намѣреніе выйти изъ хаты, и если на поклонъ жениха подастъ ему руку, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что она согласна, а если только поклонится и выйдетъ изъ хаты, то это означаетъ положительный отказъ.—При согласіи, отецъ и мать снимаютъ тотчасъ икону и благословляютъ жениха и невѣсту, которые становятся рядомъ и бьютъ три поклона предъ иконой и цѣлуютъ её, потомъ цѣлуютъ отца и мать въ губы и руки, наконецъ, цѣлуютъ хлѣбъ, который принесли старосты. Мать съ невѣстой достаютъ изъ *скрыни* рушники или платки, невѣста кладетъ ихъ на деревянную тарелку и прежде всего перевязываетъ жениху руку. Женихъ бросаетъ на тарелку не менѣе 30 коп., иногда рубль, смотря по достоинству подарка, хотя старается дать больше, чѣмъ стоитъ подарокъ; если онъ положитъ меньше стоимости, невѣста можетъ принять за насмѣшку и могутъ выйти непріятности; потомъ невѣста перевязываетъ старостовъ чрезъ плечо, они тоже

бросаютъ деньги: 2—3 коп., рѣдко 5—10, хотя-бы рушникъ стоилъ больше рубля.

Невѣста съ женихомъ идетъ тогда-же къ своимъ ближайшимъ родственникамъ, приглашаетъ ихъ на заручины, равно какъ и самыхъ близкихъ сосѣдей. Пока родственники и сосѣди сойдутся, женихъ съ невѣстой идутъ за водкой, которую покупаетъ женихъ, не менѣе кварты или 1/4 ведра.

Прежде чѣмъ пить водку, благословляютъ опять жениха и невѣсту иконою въ присутствіи собравшихся, съ которыми они цѣлуются; собравшіеся садятся за столъ, а женихъ съ невѣстой выходятъ во дворъ, или на огородъ, гдѣ разговариваютъ, при этомъ невѣста беретъ въ *пазуху насиння* и угощаетъ жениха. По окончаніи пирушки, старосты, оставаясь перевязанными, идутъ съ женихомъ къ его отцу. Идутъ по улицѣ медленно, чтобы обращали на нихъ больше вниманія, гордясь удачей.

На слѣдующее утро отецъ жениха приглашаетъ отца и мать невѣсты, которые берутъ хлѣбъ и вмѣстѣ со своими ближайшими родственниками идутъ на сватовство, или такъ называемыя *розглядыни*. У жениха собираются и его ближайшіе родственники и сосѣди, обѣдаютъ и цѣлый день пьютъ водку (на сватовствѣ выпивается 2—3 ведра водки); условливаются о времени вѣнчанія и свадьбы, затѣмъ отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ къ себѣ и тамъ заканчиваютъ сватовство. Если женихъ изъ другаго селенія, то все-таки къ нему ѣдутъ отецъ и мать невѣсты съ самыми ближайшими родственниками. Предъ днемъ вѣнчанья женихъ ищетъ себѣ боярина, а невѣста дружку. Благословляютъ въ путь къ вѣнцу въ домѣ жениха и въ рѣдкихъ случаяхъ у невѣсты (если послѣдняя изъ другаго селенія). Послѣ вѣнца идутъ обѣдать къ жениху, даже въ тѣхъ случаяхъ, если женихъ изъ другаго села. Обѣдаютъ самымъ скромнымъ образомъ; съ невѣстой, кромѣ дружки, никого не бываетъ съ ея стороны. За обѣдомъ выпиваютъ не болѣе какъ по двѣ—три рюмки. Къ вечеру женихъ провожаетъ невѣсту домой, гдѣ и самъ остается ночевать. Все время отъ вѣнчанія до свадьбы,

которая бываетъ не ранѣе какъ чрезъ двѣ—три недѣли, женихъ ходитъ ночевать къ невѣстѣ.

Дня за три до свадьбы, невѣста приглашаетъ дружекъ и молодыхъ женщинъ печь коровай, шишки, лежни и калачи. Дружки однѣ, безъ молодыхъ женщинъ, не могутъ печь коровай. Когда приготовляютъ коровай и шишки, то поютъ, кромѣ помѣщенныхъ подъ №№ 11, 12 и 13 въ „Степу“, стр. 170 и 171, слѣдующую пѣсню:

1.

„Нихто не вгадае,
Що въ нашимъ кораваю.
Три мирочки перцю,
А четверта инберцю,
А пята шамраю,
Що въ нашимъ кораваю!

Когда посадятъ коровай въ печь, то двѣ молодыя женщины и двѣ дѣвки крестообразно, женщина противъ женщины, дѣвка противъ дѣвки, берутъ дижу и поютъ:

2.

Пичь стоить на сохахъ,
А дижу носять на рукахъ;
Пичь наша, пичь, пече,
Хорошенько коровай спече!
Кучирявый пичь вымита,
А кучирява въ пичь загляда;
Ой де-бъ мини систы
На счастлывимъ мисти?

Когда спекутся коровай и шишки, мать невѣсты даетъ каждой дѣвкѣ и женщинѣ по 6 шишекъ, которыхъ пекутъ не менѣе 200. Въ субботу утромъ сходятся приглашенныя дивчата, сажаютъ невѣсту на кожухъ, старшая дружка расплетаетъ ей косу, а дивчата поютъ [1]): (Степь, № 14-й).

[1]) Николайчикъ. Кіевск. Стар. стр. 379.

Потомъ надѣваютъ цвѣты, берутъ шишки и невѣста идетъ съ дружками обѣдать къ жениху; послѣ обѣда, выходя изъ дома поютъ:

3.

Якъ булы мы у пана,
Була намъ добра шана;
Пилы мы горилку
За Наталку дивку.
Зозуле, зозуленько,
Чего встаешь раненько?
Чого плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не куваты?
Одного зозуля мала,
Тай того утеряла!
Ты, Наталчина ненька,
Чего встаешь раненько?
Чего плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не плакаты?
Одну дочечку мала,
Та-й ту утеряла:
Изъ поля робитныцю,
Отъ печи топилныцю,
Отъ коровъ коривныцю,
Отъ коморы клюшныцю,
Отъ серця розлучныцю!

Тогда идутъ по селу приглашать на свадьбу; поютъ, кромѣ №№: 16, 17, 18, 19 и 25 (Степъ), слѣдующія:

4.

Нейдить дружечки тыхо,
Крешить пидкивкамы,
Якъ небо зиркамы.
Ой загулы голубоньки,
У садъ литючи;
А за ными Наталка,
У слидъ плачучи.
Ой вернцця, голубоньки,
Я вамъ щось скажу,
Вернить мое дивовання,
Я вамъ заплачу.
Не вернемось, не вернемось,
Бо знаемъ чого,
Булобъ тоби шануваты
Батенька свого;
Булобъ тоби нейты замижъ,
Тай ще погулять,
Булобъ тоби здоровячко
Пошанувать!
Чи далеко, голубоньки,
Залетыте,
Чи далеко дивовання
Тай занесете?
Полетымо мы, Наталко,
Въ чисте поле,
Занесемо мы дивовання
Въ сыне море.
Полетымо мы, Наталко,
У чужій край,
Та вкинемо дивовання
У тыхый Дунай!
Полетить, голубоньки,
У мій садочокъ,

Та знимить изъ яблони
Мій цвиточокъ;
Та понесить неньци
У кимнату,
Та повисьте цвиточекъ
Надъ кроватью!
Устане моя ненька,
Тай буде узнавать,
Тай буде мій цвиточокъ
Слизьмы облывать!

5.

Ой на шо ты, Наталко, уповала
Що ты соби Ивана сподобала:
Чи на ёго два коныки вороные
Чи на ёго два жупаны голубые!
А е въ ёго два коныки,
Тай то не ёго;
А е въ ёго два жупаны,
Та брата ёго,
А е въ ёго три перстени,
То сестрици ёго!
А въ ёго молодого,
Нема ничого.
Биле лычко, чорны бровы
То тильки ёго!
Два коныки вороные
Пидыбьюцця,
Два жупаны голубые
Подеруцця,
Лита твои молодые
Не вернуцця!

6.

Ой зацвили полуцвиты
По крутій гори,
Усю гору камьяную
Устылылы!
Тильки одну дориженьку
Пропустылы.
Туды йшла Наталка
Зъ дружечкамы,
А за нею Иванко
Зъ буярамы.
Пидожды ты, Наталко,
Не чія—моя!
Вона стала—отгадала:
Ще я не твоя!
Ще я въ свого батька—паняночка,
А ты у свого—панъ,
Шукай соби паняночки
Такои, якъ самъ!
Й выходывъ—й выиздывъ
Села города,
Та не найшовъ паняночки,
Якъ ты молода!
Й выходывъ й выиздывъ
Увесь билый свитъ,
Та не найшовъ паняночки,
Якъ ты, рожевый цвитъ!

Возвращаясь домой съ обходу, поютъ:

7.

Росты верба вгору,
Мы идемо до дому,

До своеи неньки,
Де столы повненьки! [1])

Вечеромъ невѣста возвращается домой, дружка обращается къ дружку, который находится тутъ, до прихода невѣсты:

„Старосто, пане старосто!
Благословить молоду за стилъ завесты".

Даётъ *„хустку"* въ руки невѣсты и ведетъ; а дивчата поютъ: № 32 [2]) (Степъ) но полнѣе:

8.

А той посадъ
Пысарь пысавъ
Й маляръ змалювавъ:
Темнои ничи
Коло свичи,
Яснаго сонця
Коло виконьця! [3])

Затѣмъ благословляются *„гильце вытъ"*, которое украшаютъ конфектами, пряниками, орѣхами и проч., при этомъ дивчата поютъ „Степъ" №№ 34, 35, 36 и 34 и еще:

9.

Ой де-жъ ты, сосно, изросла,
Тыхымъ Дунаемъ приплыла.
Наталка на столи зацвила.

---

[1]) Потомъ какъ и въ Стенъ, № 28.
Не гнивайся, моя ненько, на мене,
Що я веду усю челядь до себе!
Я-жъ тебе, дочко, не лаю,
Я-жъ твою усю челядь прыймаю.
И еще № 30 Степъ стр. 178.

[2]) Иде Палажка на посадъ,
Зостричавъ ии Господь самъ,
И зъ долею зъ щастливою,
И зъ доброю годыною.

[3]) Ср. Чубинскій, № 239.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Л. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тепинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. и. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.